

Фото Александра БОМЗЫ

ПОЧЕМУ СОЛОВКИ СТАЛИ ОСТРОВАМИ РАЗДОРА?

(Материал об этом — в ближайших номерах.)

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

5-1990

ISSN 0235—7089

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

ГДЕ НАЙДЕМ СЕБЯ?

Улыбка нашего директора Лаврентия Алексеевича Дзизигури оказалась пророческой — герба Карело-Финской ССР и одноименной республики не стало. (За спиной директора Вася Соколов, Гиви Ахобадзе, Эдик Бейзман, Эдик Маркаров, Миша Диков.) С «лейкой» Юра Федотов и Толя Бозов (на весь класс владели трое фотоаппаратами, и один имел дома магнитофон, про холодильники и телевизоры мы только слышали).

ТРАМВАЙ ИЗ 45-ГО

В этом довоенном трамвае весь мой класс — 10-и! Зима 1954/55 учебного года, г. Тбилиси. Это первый год совместного обучения мальчиков и девочек. Объединяли соседние школы по принципу — «ненужных» полкласса с одной и другой стороны. Так прекратила свое существование наша родная 25-я мужская, оставшись и поныне школой № 78.

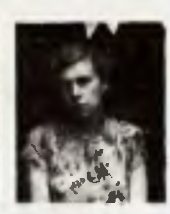
В 1945-м мы пришли в первый класс с первой нашей надеждой на светлое будущее, дружно крича: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

В 1956-м с аттестатом зрелости, окрыленные решениями XX съезда КПСС, мы разлетелись по белу свету со второй в жизни надеждой — «Наше поколение будет жить при коммунизме!».

В 1990-м нам уже за пятьдесят, и у многих внуки идут в школы. У нас еще хватит сил! Внуки наши должны иметь будущее. Да поможет им Бог!

наши учителя

Первая учительница Евгения Григорьевна Мальчевская (русская). Вторая — Ева Михайловна Тейтель (еврейка), русский язык и литература, любимица всего мужского населения школы. Рената Яковлевна Мяги (эстонка) вела историю. В порядке наказания она ставила нас «к барьеру» и разделывала в пух и прах с форой в настольный теннис.

Рафаэл Яковлевич Геворкян (в центре)

наш математик. Его уважали за справедливость. Фанатик-болельщик. Но даже победа в любом спортивном соревновании не могла служить оправданием за невыполненное задание.

Елизавета Георгиевна Гапонова. Педагог русской литературы. Строгий, вдумчивый, доброжелательный человек. В самых неожиданных ситуациях она становилась опорой. Такой и осталась на всю жизнь...

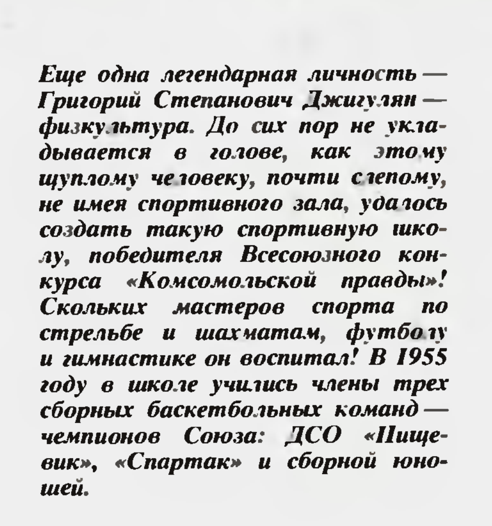
«Тетя Оля», Ольга Андреевна Завгородняя, «англичанка». По английскому на приемных экзаменах я получил «пять», и не только я.

Легендарный химик Георгий Астович Шхиян. Он давал на размышление 3 секунды — раз, два, три. Его крылатая фраза: «Если не знаешь, хоть до утра думай — ничего не придумаешь». Никто не считал, сколько ученых-химиков, его выпускников, двигают нашу науку. Могу с полной ответственностью заявить: во всех вузах страны мы по химии получали «пятерки». Без обдумывания: «раз, два, три».

Еще одна легендарная личность — Григорий Степанович Джигулян — физкультура. До сих пор не укладывается в голове, как этому щуплому человеку, почти слепому, не имея спортивного зала, удалось создать такую спортивную школу, победителя Всесоюзного конкурса «Комсомольской правды»! Скольких мастеров спорта по стрельбе и шахматам, футболу и гимнастике он воспитал! В 1955 году в школе учились члены трех сборных баскетбольных команд — чемпионов Союза: ДСО «Пищевик», «Спартак» и сборной юношей.

Клим Амириди. Он был старше нас и вечным старостой. Несмотря ни на что, он крепче всех стоял на ногах: школа — армия — завод. Слесарь-инструментальщик высочайшего класса, в моем присутствии два руководителя предприятий чуть не передрались из-за его «золотых рук». Он закончил капитальную перестройку своего дома год назад, и остановилось его сердце. Его хоронил чуть не весь Тбилиси. (Рядом — будущий полковник запаса Михаил Диков.)

В классе учились грузины и русские, армяне и греки, белорусы, украинцы, евреи, поляки, татары, был даже коми. Паспортистка не верила, что это правда.

КАК ДЕЛА, ДРУЗЬЯ?

(СНИМОК ПЕРЕДАН ПО ФОТОТЕЛЕТАЙПУ)

ОТВЕЧАЮТ ТЕ, КОГО УДАЛОСЬ ЗАСТАТЬ:

ВАДИМ СУКМАНОВ,
режиссер-документалист, г. Минск:

— Так жить нельзя!
— Эту картину ты снял?
— Нет, Говорухин. Я это говорю всегда.

САН-ФРАНЦИСКО:
БЕЙЗМАН НЕ ОТВЕЧАЕТ.
ЖДИТЕ ОТВЕТА... ЧАСТЫЕ ГУДКИ.

ЭДУАРД АВДАЛЯН,
простой инженер, г. Дубна:

— Отлично! Многие люди, не замечавшие меня в упор многие годы, теперь пытаются со мной здороваться.
— А как твоя скрипка?
— Ты же знаешь: Вивальди всегда со мной...

ВАСИЛИЙ СОКОЛОВ,
начальник лаборатории ВНИИ электромеханики, председатель совета трудового коллектива института, г. Москва:

— Пока работаю.
— Раньше, насколько я помню, ты в предводителях не ходил?
— Да при чем здесь я? Мы! Мы — сила! Вам всех бы увидеть.

ФЕДОР АМИРИДИ,
инженер-технолог, ЗИЛ, г. Москва:

— Прекрасно! Внуки растут.
— Мы все думали, что ты станешь литератором. Ты ведь был победителем конкурса Москвы на лучшее сочинение среди поступающих в вузы. Писать не тянет?
— Тянет. Столько лет пишу заявления на получение машины.

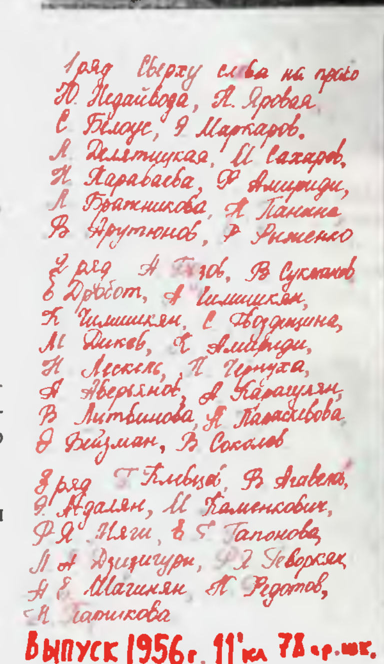

ЭДУАРД МАРКАРОВ,
доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Ереванского государственного университета:

— Разве становится лучше, если хуже некуда?

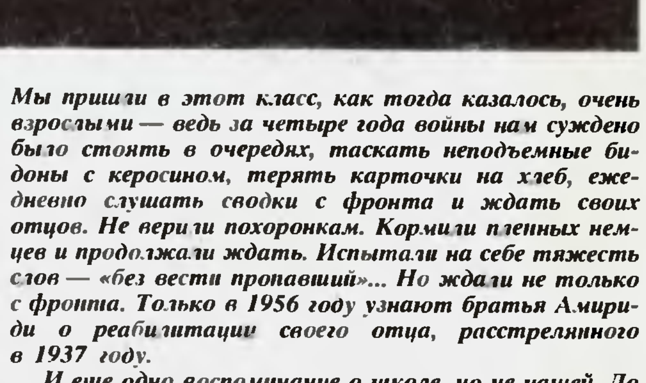

Александр Чимишкян уехал в Москву учиться на профессора химии в химико-технологический институт им. Менделеева.

Мы пришли в этот класс, как тогда казалось, очень взрослыми — ведь за четыре года войны нам суждено было стоять в очередях, таскать неподъемные бидоны с керосином, терять карточки на хлеб, ежедневно слушать сводки с фронта и ждать своих отцов. Не верили похоронкам. Кормили пленных немцев и продолжали ждать. Испытали на себе тяжесть слов — «без вести пропавший»... Но ждали не только с фронта. Только в 1956 году узнают братья Амириди о реабилитации своего отца, расстрелянного в 1937 году.

И еще одно воспоминание о школе, но не нашей. До сих пор стоит в ушах позвякивание двух железок, привязанных к надутой футбольной камере. Камера останавливается, замолкают железки, и множество ног бьют в пустоту. Слепые дети играют в футбол. Эта школа так и стоит до сих пор на том же месте: Тбилиси, улица Гутанская, № 6, школа-интернат для слепых детей.

И наше маленькое совещание решило: гонорар за эту публикацию потратить на спортивный инвентарь для этого интерната.

ВАЛЕРИЙ АРУТЮНОВ

В редакцию продолжают поступать многочисленные письма и телефонные звонки. Наших читателей интересует: почему журнал «Родина» выходит в свет с большим опозданием?

Сегодня, когда ситуация несколько прояснилась, мы можем сообщить читателям, что в течение десяти месяцев (с октября 1989 года) журнал находился на грани закрытия.

Все неприятности «Родины» начались с прихода в «Правду» нового главного редактора, секретаря ЦК КПСС Ивана Фролова. На одной из первых же редколлегий газеты (изданием которой до тех пор был наш журнал) Фролов заявил, что такая «Родина» им не нужна, и предпринял меры для уничтожения журнала. По его указанию издательство самовольно, до официального решения о передаче журнала Верховному Совету и Совету Министров РСФСР, прекратило печатание журнала в декабре 1989 года. И только в марте благодаря активному вмешательству широкой общественности вышел первый номер «Родины». Но каких усилий и нервов нам это стоило! И каких только ярлыков при этом не навешивали: «журнал монархический», «сионистский», «белогвардейский», «антисоветский»... Каждый последующий номер журнала, его выход в свет обставлялся массой различных препятствий. Редакции предлагали очистить занимаемое помещение, обещали прекратить выплату зарплаты, не оплачивали счета, уже несколько месяцев в редакции нет ни единой цветной и черно-белой фотопленки и т. д. Значительно ухудшилось полиграфическое качество журнала.

На все наши обращения в ЦК КПСС, в бывший Совмин РСФСР — пренебрежительное молчание. Только после избрания Российского парламента и Правительства РСФСР обозначился, кажется, поворот к лучшему в нашей судьбе. Ситуация, сложившаяся вокруг «Родины», обсуждалась в Комитете по средствам массовой информации при Верховном Совете РСФСР. Руководство журнала было принято министром печати республики М. Полтораниным — это была его самая первая встреча в новом ранге.

Журналу «Родина» обещана всяческая поддержка.

КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ

РОДИНА 5-1990

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Издательство
«СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В этой традиционной рубрике читатели высказывают мнения, которые редакция может не разделять. Тема сегодняшнего разговора — пути возрождения России.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР

Выходит с января 1989 г.

СТАРОЕ

НОВОЕ

ВЕЧНОЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Исцеление свободой

**Лариса ПИЯШЕВА,
кандидат
экономических наук**

Новая эпоха «гласности» вернула нам уже многое из того, что было отнято в период господства пролетарской диктатуры. Эра оптимистического вандализма, уничтожавшая и храмы, и их обитателей, подошла к своему естественному финалу. Если не считать накопленного горсткой подпольных миллионеров из номенклатуры, делить больше нечего, экспроприировать больше некого. Разрушены ремесла и навыки крестьянской жизни, банковское дело и торговое мастерство. Подорван промышленный «генотип», изжиты и «капиталистический предпринимательский дух», и «протестантская этика».

Мы вновь и вновь обращаемся к нашим истокам, пытаясь под грудой обломков раскопать остатки упущенных возможностей. И, как на шахматной доске, расставляем все фигуры заново, начинаем мысленно проигрывать уже сыгранную партию. И вольно или невольно задаемся вопросом: а была ли альтернатива? Был ли иной, не чреватый варварством и вандализмом путь? Могла ли Россия, стремительно набиравшая темпы индустриального роста, но все еще лапотная, осуществить прыжок в царство демократического народовластия, не попав в капкан тоталитарных диктатур?

Постепенно возвращаются имена загубленных религиозных мыслителей, оклеветанных философов и реформаторов, ошельмованных политических деятелей и ученых, возрождаются, казалось бы, безвозвратно ушедшие в небытие общественные движения и политические партии. Возвращается старая символика и старые политические программы и декларации.

Единственное, чего нельзя раскопать под нашей разрушенной Помпеей, это программу экономического возрождения России, ибо не было у нас того периода просвещенного процветания, с демократическими институтами власти и собственности, которые могли бы сегодня одеть, накормить и примирить рассоренные, расселенные и перемешанные народы. Ни Сергей Булгаков со своей философией народного хозяйства, ни замечательный экономист Николай Кондратьев с его ясным пониманием альтернатив развития, ни учителя их, ни ученики не оставили нам программы «экономического чуда» — броска из царства серых изб и крепостнических устоев в мир просвещенной демократической свободы с ее неизменными атрибутами — демократическими рынками и свободными ценами, устойчивой прогрессией свободного предпринимательства и развитыми индустриальными технологиями.

Мир намного ушел вперед, многому научился, многое опробовал и отверг. И хотя нет в нем сегодня ни солнечных Утопий, ни сказочных Аркадий, он в большинстве своем научился в поте лица добывать себе хлеб свой, который дарует жизненную энергию и рождает волю к продолжению жизни.

Мы же оказались обломком цивилизации, отрекшейся от собственных корней и мирового опыта, не сумевшей совладать со сложными технологиями XX столетия и сдобрившей свой хлеб мертвой водой да ядерной пылью.

Когда меня спрашивают: «А что будет с нашими денежными накоплениями через десять лет?» — я теряюсь в ответе. Теряюсь потому, что не решила для себя: а вправе ли мы оставлять своих детей заложниками на этой исковерканной нами самими земле, с отравленными лесами и угодьями, с истребленной рыбой и загубленным зверем, с запуганным, бесправным, озлобленным вечными нехватками всего и вся народом, с исковерканным идеологией духом и израненной верой в собственное будущее? А как может народ выжить без веры в будущее? И в чем тогда ответственность перед детьми и предназначение людское, если вера эта иссякает вместе с иссякающими морями и водами, с охватывающим новым безумием по переустройству и новому строительству на этот раз наисветлейшего, наисоциальнейшего, с человеческим лицом и коммунистическим благоликием «демократического социализма»?

Мировая культура наполнена предметами раскопок исчезнувших с лица земли цивилизаций. Черепки разбитой утвари — вот и все, что нередко остается от иных народов и племен. И никому не дано знать, какую долю заготовило нам провидение за грехи наши — стать возродившейся из пепелища пролетарского диктаторского режима европейской страной, в поте лица пожинающей свой живительный и целительный хлеб, или уйти в небытие?

Еще немного — и откроются наши границы. Тогда ринутся квалифицированные рабочие, умелые конструкторы, грамотные инженеры искать себе в большом мире материальное благополучие и моральное примирение. И еще больше оскудеет земля наша, еще разрушительнее станет деятельность двигателей рек и гор, еще глубже станет разрыв между «бездуховным эксплуататорским технологическим Западом» и «духовной самобытной Россией», чье предназначение так и останется не понятым миром.

Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого «экономического чуда» на нашу территорию. Конституировать, как это сделало правительство Аденауэра, экономический либерализм в чрезвычайные сроки, запретить коммунистическую идеологию, провести Всероссийский процесс покаяния, осудив всех «зачинщиков» хотя бы посмертно, сбросить с себя груз тоталитаризма, захоронить ленинский прах, убрать в музеи всю социалистически-коммунистическую символику и высвободить на волю вольную всю уцелевшую и сохранившуюся в обществе предпринимательскую инициативу. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу «дух предпринимательства» возродит в стране и волю к жизни, и «протестантскую этику».

Надо отрезвиться окончательно и задаться хотя бы такой мыслью: смогли бы Гитлер с Геббельсом возродить после войны поверженную, расколотую и морально опустошенную Германию? Был ли хоть один шанс у ФРГ стать «локомотивом Европы», если бы у власти остались национал-социалисты?

У нас нет ни одного шанса, что КПСС, пусть даже расколотая на «многопартийные» фракции, с обновленной программой и новыми лидерами, сумеет привести нас на старт новой исторической прямой. Прямой, на которой нависшие над нами экологические катастрофы, гражданские войны, голодные бунты и новый вандализм «черного передела» отступят под нарастающим напором целительной экономической свободы, которая подготовит то, что принято называть «экономическим чудом»,— медленное, постепенное, самоустроительное экономическое возрождение, восстанавливающее и разрушенные храмы, и искалеченные души.

Кто способен взять на себя роль законодательного гаранта предоставленных хозяйственных свобод? Коалиционное правительство гражданского доверия во главе с выбранным демократическим путем Президентом.

ОН МЫСЛИЛ И СТРАДАЛ

**Николай БАБИЛУНГА,
кандидат исторических наук
Савва ПЫНЗАРУ,
кандидат филологических наук (Кишинев)**

Василий Лукич Лашков... Идеи, искания, творчество этой незаурядной личности знакомы лишь считанным специалистам. Между ними, учеными, время от времени усиливаясь или, наоборот, затухая, уже три десятилетия идут споры, к какому идейному лагерю причислить Лашкова — поэта, философа, драматурга, театрального критика, эстетика, литературоведа, публициста.

По мнению одной стороны, Лашков — «видный представитель домарксистской философской мысли в Молдавии» — «был на стороне демократических сил русского и молдавского общества», «приветствовал падение самодержавия», придерживался материалистического взгляда на природу, «резко осуждал безыдейность в поэзии». По утверждению других, Лашков — буржуазный либерал, «человек глубоко верующий» — пропагандировал смирение и христианское всепрощение, к народу относился с презрением, называя его «тупой инертной массой», и вообще находился «в лагере реакционеров, врагов революции и прогресса».

Вышедший уже в перестроечном 1987 году сборник «Вопросы истории Компартии Молдавии» выносит суровый приговор поэту и мыслителю, практически неизвестному читателям: «Типичным представителем контрреволюционного либерализма 1917—1918 гг. в Бессарабии... был В. Л. Лашков», произведения которого проникнуты «особой ненавистью к борющемуся народу, к социалистической революции, к партии большевиков».

Желая впервые за минувшее семидесятилетие представить Лашкова советскому читателю, мы решили опубликовать не его философскую лирику, не пьесы, не философско-этические очерки и эссе и не статьи на театральные темы. Мы думаем, что чрезвычайно важно начать с публицистики, представить на суд читателя как раз то, что и послужило основанием для беспощадного вердикта о виновности Лашкова перед народом, для приговора к смертной казни через забвение, который вынесли ему бдительные ревнители идеологической чистоты. Публикуя самое спорное из всего, что оставил Лашков, мы хотим, чтобы читатель сделал самостоятельный вывод о нравственном выборе автора, о его взглядах, в конечном счете — о его трагедии.

Но прежде несколько слов о жизненном и творческом пути Василия Лашкова. Родился 1 января 1861 года в Кишиневе в семье священника. Молдаванин. После окончания местного духовного училища поступил в Кишиневскую духовную семинарию, но бросил учение после третьего курса в 1879 году и стал вольноопределяющимся 54-го Минского полка. Оттуда вскоре был направлен в Одесское пехотное юнкерское училище, где проучился также недолго. Отчислен в запас в марте 1880 года. Затем принят на мелкую должность при Бессарабском губернском жандармском управлении, после определен околоточным надзирателем. Уволен со службы по собственному прошению в декабре 1883 года. Какое-то время служил по ведомству Министерства финансов помощником бухгалтера и помощником столоначальника в Бессарабской казенной палате. С 1906 по 1913 год работал кишиневским корреспондентом петербургского журнала «Театр и искусство».

Лашков называл себя «человеком увлечения и крайностей», и неудивительно, что его творческий путь не был прямым. В молодости он уходил от действительности в мир философских абстракций и поэтических образов.

В 90-х годах XIX — начале XX века Лашков занимался почти исключительно драматургией. Его «сцены» и «шутки» привлекали сочным и богатым русским языком, юмором. Сочинения молдавского писателя издавались в Кишиневе, Одессе, Петербурге, о них писали многие центральные издания. Критика имела полные основания констатировать возросшее внимание Лаш-

кова к реальным проблемам действительности. В тот же период он много работал над теорией художественного творчества, в дальнейшем выступал в качестве театрального критика и хроникера, корреспондента петербургской газеты.

Февральскую буржуазно-демократическую революцию Лашков встретил с восторгом, впервые включился в активную политическую жизнь. В статьях остротополитического характера («Весна красна», «Перед зарей», «Лозунги момента», «Первые выборы в свободной России» и другие) он страстно приветствовал политические перемены в стране, уподобляя почти бескровную революцию обновлению природы, души. Ему казалось, что теперь Россия станет свободной, мощной цивилизованной страной и не потребует больше от своих детей ни жертв, ни крови.

Но дело пошло не к мирному строительству гражданского общества свободных людей. Нагнеталась всеобщая напряженность, ненависть, в воздухе опять носился запах человеческой крови. Лашков, встревоженный и напуганный таким оборотом событий, писал в статье «Прыжок в бездну»: «Куда мы доскачем со своим «расейским социализмом»?» Философ был уверен, что «огни далекого счастья человечества замелькают перед взорами всех тем скорее, чем обдуманнее будет ход, постепенное процесс движения», что прыгнуть к социализму нельзя — прыгают разве что в пропасть.

Категорическое неприятие кровопролития привело его в лагерь принципиальных противников Октября.

В конце 1917 года в качестве депутата союза журналистов Кишинева Лашков стал членом молдавского парламента — «Сфатул цэрий», который сначала провозгласил образование Молдавской народной республики в составе Российского государства, затем, под давлением румынских оккупантов, объявил об «условном» присоединении Бессарабии к Румынии, а в конце 1918 года — о «безусловном» присоединении края к боярской Румынии. Тогда же «Сфатул цэрий» был распущен специальным декретом короля, а Лашков по списку оппозиции избран в румынский сенат. Через некоторое время он был отозван из сената за резкое выступление против коррупции, злоупотреблений властей, произвола охранки.

Так закончилась непродолжительная общественная деятельность Лашкова. Он вернулся к литературной работе. Последний представитель русскоязычной литературы Бессарабии, молдавский мыслитель, воспитанный на русской классической культуре и преданный ей, не интересовал тех, кто в тот момент осуществлял политику Бухареста в крае. Но и для Советской Молдавии он был ярым врагом народа. Вышвырнутый из общественно-политической жизни, оторванный от естественной для него культурной и духовной среды, покинутый и забытый всеми, Лашков забросил художественное творчество и тихо скончался в Кишиневе 1 июля 1932 года...

Естественный и объяснимый выбор художника — ненасилие — вошел в трагическое и неизбежное противоречие с его взглядами и активностью общественного деятеля. Выступив против социалистической революции, открывавшей, как ему представлялось, полосу гражданских войн и необузданного террора, Лашков проголосовал тем не менее за «умиротворение» революции в Бессарабии армией и полицией королевской Румынии и стал свидетелем новых жестокостей.

И все же выбор поэта в исторической перспективе может быть оправдан. Один из главных уроков, который мы должны почерпнуть из истории XX века и о котором так давно говорил Лашков: эйфория революционных преобразований, выходя за рамки человечности и культуры, грозит стране внутренними распрями и потоками крови. А «на крови братьев не сооружается ничего прочного, если не считать виселицы для самих себя!».

В дни гнева его

Василий ЛАШКОВ

Когда на ваших глазах родная земля обагряется родной кровью, когда не рукой врага, а рукою друга, рукою брата убивается брат, когда, измучившись, изуверившись, с настраданным равнодушием вы читаете о нашей гражданской войне, о фронтах внутри страны, о сражениях отечественных войск с отечественными войсками, о взятых нами же русских пленных,— вы, если вы мыслящий социалист, не можете не видеть одного:

Профанации нового евангелия. Того евангелия, которое принесено в мир социализмом.

Эс-эр вы или эс-дек, большевик или меньшевик, примыкаете ли вы к коллективистским теориям или индивидуалистическим,— вы раньше всего социалист, и общее счастье людей, лучшее устройство мира — ваши мечты и ваша задача.

Если вы, будучи язычником или атеистом, вздумали работать на дело христианизации в тех или иных христианских общинах, вас сочли бы сумасшедшим. Абсурдность такой затеи была бы ясна и ребенку.

Но вот вы, еще не освидетельствованный психиатрами человек, «идейно» примыкаете к той или иной социалистической партии и вместе с нею хотите быть полезным целому: социализму.

И вся ваша партийная работа приносит не пользу, а вред делу, роняет и искажает величайшие в мире идеи, профанирует то, что составляет святая святых всего мыслящего человечества. Вы думали когда-нибудь над этой абракадаброй, над этой бессмыслицей наших дней?

Почему, откуда она?

Вы спрашивали себя: почему это?

В самом деле, какая очевидная фальшь, какая вопиющая нелепость:

Не зная китайской грамоты, вы ведь не приметесь за обучение других китайскому языку.

Не умея обращаться с какой-нибудь швейной машиной, вы не сунетесь на паровоз, чтобы везти людей, потому что сломаете себе голову раньше, чем искалечите других.

Не будучи социалистом, не зная его азбуки, не умея разобраться в его первоначальных задачах, вы спокойно примазываетесь к социалистическим партиям и поступаете так, как поступали враги социализма: тираны, феодалы, крепостники, черносотенцы.

И вы находите, что делаете дело, вы смотрите людям прямо в глаза; не столько прямо, сколько нагло, потому что даже не краснеете.

Веря в Христа, можно сознатвльно стать православным, католиком, лютеранином, кальвинистом.

Но, не зная, не уяснив себе истинной сущности и задач социализма, будучи малограмотным и даже совершенно безграмотным в нем, как, какую пользу может принести ему человек, идя ощупью, блуждая в потемках, в той или иной социалистической партии?!

И вот, значит, причина.

И вот откуда то опошление вечно живой мечты о счастье всего мира, которое мы видим.

Вот откуда замена благороднейших из знамен подлыми стягами союза русского народа.

Вот откуда рознь, и взаимное непонимание, и накипевшая в сердцах нескрываемая вражда, и братоубийственная резня, которой нет оправдания и нет прощения.

На крови братьев не сооружается ничего прочного, если не считать виселицы для самих себя!

Наступит пора, и нас проклянут наши же дети.

Краской стыда покроются их лица при напоминании о таких отцах, потому что законные дети таких, как мы, отцов предпочли бы, вероятно, скорее быть без племени и роду, внебрачными и даже подкидышами, чем плотью от плоти нашей...

Когда я вижу, что социал-революционер одного города стреляет, как в дикого кабана, в социал-революционера другого города, и большевик хватает за горло меньшевика, а этот пыряет в него ножом, и, как зверье, как свора собак, грызут и рвут в клочья те люди, которые должны составлять конгломерат, должны служить одним идеям, преследовать одни цели, идти к одним идеалам,— я думаю:

Пробил последний час!

Тот час, в который надлежит исполниться словам «Откровения»:

И рабы и свободные скроются в пещерах и горных ущельях и скажут горам и камням: падите на нас и покройте нас, ибо пришел великий день Его гнева, и кто устоит!

О, русский социализм! бездарный и жалкий!

Ты, обещавший новые дали и приведший к старым безднам, манивший в будущее и отнимающий сейчас жизни!

Ты, имевший в руках все и не удержавший!

Растративший раньше получения!

Миновать водовороты мировых событий, переплыть самую страшную, самую широкую из рек абсолютизма и тонуть у берега, в луже, в болоте.

О, если бы вы могли взглянуть на нас, великие сказочники социализма!

Бессмертные художники пленительных утопий земного рая, насадители возвышенных идей, вы уходили из мира с надеждой и верой. И, даже умирая, вы были счастливы.

А мы... мы еще живем, но наши надежды и наша вера оплеваны и поруганы...

И эта позорнейшая из боен, наша гражданская война, действительно «День его гнева».

Было время,— и еще так недавно скрылось оно в волнах минувшего,— когда ликовало и пело все внутри нас, когда молодой весной зацвела кругом вся жизнь, и мы, мы все рабочие единой мастерской, ринулись навстречу свободе и счастью.

Мы твердо знали, что на все то, на что имеет право один, имеют право все.

Что то, что не создано нами, принадлежит всем или никому.

Что каждый должен перейти на личный труд, и он один тогда хозяин продуктов своей работы.

Что мы все дети одной матери и все равны: нет пасынков, нет любимых и нелюбимых у бесстрастной природы.

Что нет званных и избранных, льгот и привилегий, картонных перегородок, различий между тем и этим.

Что в истинно демократическом строе есть один аристократизм — аристократизм личной заслуги.

Что капитал не будет больше грабить труд, как ловкий вор, как плюскакер, ежедневно утаивавший часть ценности продуктов труда.

Что переменится все, все лицо мира станет иным, и не для трутней будет сноситься в улья цветочная пыль, и на наковальне земли бодро застучат молотки, кующие общее счастье.

Что сотни картин, одна другой краше, одна другой заманчивее, о которых слыхали мы в сказках и которые грезились нам, вот-вот станут былью нашей жизни.

И... вместо рая — ад, вместо счастья — ужас и горе, вместо свободы — произвол, вместо равенства — человек человеку зверь и вместо братства — гражданская война.

Словно не социалисты, не люди одного языка и одних идей, а все языки мира собрались строить новую Вавилонскую башню.

Остановитесь же, братья!

И остановите других.

И на стогнах городов, на людных площадях, с кровель домов кричите неустанно одно:

Социалисты всех партий, соединяйтесь!

Долой гражданскую войну!

Насилие и социализм

Джино Биа, член итальянской социалистической партии, написал открытое письмо Ленину и Троцкому, переведенное с итальянского и обошедшее всю русскую прессу.

Джино Биа с эпическим спокойствием истинно просвещенного человека, между прочим, пишет:

«Оскорблять, избивать того, кого мы победили, только потому, что нас больше и что мы вооружены,— это невеликодушный и некультурный образ действий, которого не может допустить ни один социалист, к какой бы фракции он ни принадлежал».

И еще: «Между товарищами одной веры, между борцами за один идеал мы должны прибегать к спокойной дискуссии, пользоваться оружием убеждения».

Так говорят социалисты Запада.

И, подобно Джино Биа, все европейские социалисты только в двух случаях допускают насилие как неизбежное зло.

Когда насилие является единственным средством, чтобы отразить другое насилие.

Когда насилие является результатом народного восстания и имеет целью смести привилегии и тиранию.

Во всех других случаях, а тем более в каком-нибудь домашнем споре, в своих внутренних распрях, социалисты признают лишь борьбу в рамках человечности и культуры.

Русские горе-социалисты, претендующие писать законы миру и не умеющие управиться с очередными задачами своей расшатанной жизни, находятся в одинаковом расстоянии и от культуры, и от социализма.

И их дискуссии — всегда репрессалии, всегда деспотизм и принуждение.

Направлять слепые штыки внутрь страны, разрушать святыни, орошать мостовые кровью своих братьев, перегрызать друзьям горла — вот истинно русский

способ внедрения нашими бандитами от социализма новой веры в людские сердца.

И хотя только явно больные люди могут ожидать жатвы счастья от посевов убийств, мы это равнодушно видим и равнодушно допускаем.

И вся страна — сплошной сумасшедший дом, требующий многих миллионов смирительных рубах.

Откуда среди товарищей по одной цели, по одной вере в идеалы счастья это хулиганство, достойное черносотенства слепое деление на тех и этих, на своих и чужих?

Откуда же, как не от беспросветного невежества страны, от политической безграмотности партийных Наполеонов и от того бессмысленного дробления сил, которым мы обессилены вконец!

Странно было бы думать, что, кроме романтиков социализма, в России других социалистов никогда не было, что только рабство, неволя и абсолютизм вырабатывали в России какой-то особый вид пасторального социализма, платонических по нем воздыхателей,— но факт остается фактом, и русских социалистов сейчас, по свержении монархии, нет.

Есть загримированные под социалистов дельцы, социалистические маски, наскоро напяленные маскарадные костюмы, освобожденные из тюрем и выведенные из Сибири «политические», но социалистов сейчас нет.

Есть анархисты, эс-эры, эс-деки, большевики и меньшевики, бундовцы, максималисты, минималисты и всякие другие «исты», но именно социалисты среди них, очевидно, отсутствуют.

Если допущена братоубийственная резня и не слились в один общий хор негодования протесты всех,— у нас нет социалистов.

Если русский социализм стерпел позор надругания над Плехановым и в свободной стране лишен свободы тот, кто всю свою жизнь посвятил борьбе за свободу,— у нас нет социалистов.

Пролетариат и демократия русские — это социалисты вчерашнего дня, и с них спрашивать нечего.

Нужен ценз, нужен культурный стаж, для которого мало уличных митингов и копеечных брошюр. Но где русские социалисты — интеллигенты, где вожаки и силы наших партий, благородные умы, чистые и высокие души, могущие озарять далекие цели именно теперь, когда все двинулись в путь? Увы, их нет! Мы их не слышим. Разрозненные голоса где-то пропадают вдали. И ни власти, ни силы, ни убеждения в них.

Несчастная, темная страна, которая не дала не только своего Маркса и Лассаля, но даже Бебеля, Энгельса или Либкнехта.

И захолустные Бебели, Энгельсы и Либкнехты отечественного производства разве они не злая пародия на социализм?

И разве в среде провинциальных социалистических партий мало попугаев социализма, мартышек политики, повторяющих слова, копирующих ораторские ухватки туземных Цицеронов?

Проэкзаменуйте учебническую ученость захолустных представителей партии и вы увидите, какие смутные и сбивчивые, какие уродливые и порою дикие представления они имеют о социалистических идеях и идеалах, о великих теоремах социалистической науки.

О политической экономии, домарксовском социализме, о Марксовском «великом социальном эксперименте», Эйзенахской и Эрфурмской программах, о ревизионизме и синдикализме, вообще об экономическом содержании социализма, об его политическом, этическом и даже религиозном содержании не спрашивайте их, чтобы не показаться самому себе смешным.

Начиная с Радищева и декабристов и кончая социалистами революции девятьсот пятого года, все мы,— все мы,— кто был когда-нибудь молод, кто мыслил и страдал над страданием другого, кто понимал, что не природа, а люди, их заблуждение, эгоизм и страсти обезобразили лицо жизни, создали несправедливости и различия,— хотели подойти ближе, как можно ближе, к общему счастью.

Десятки десятков лет ожидали русские социалисты набата свободы, сотни сотен их прогнили в тюрьмах, веря и надеясь, что придет желанный час и ударит вечевой колокол и разнесется по лицу всей земли весть освобождения полумира.

А столпы братства, умученные за его великую идею, они, к каким бы партиям ни принадлежали, как бы ни разнились по методам борьбы, уже были вселенскими братьями, единой семьей.

Едиными устами и единым сердцем исповедовали они свою новую веру.

А братья-потомки, они пошли вразброд, разъединились, отгородились китайской стеною друг от друга и свели к нулю один из первых принципов социализма. И прежде бывали расхождения в идейных основах, но они не мешали труду коллектива; они не вносили страстной нетерпимости и кастовой узости в споры, вражды в дела; они были чужды глухого формализма и, что хуже, слепого фанатизма. Но никогда еще люди одного толка и одних домоганий и политической религии не баррикадировали так всех входов партийной рухлядью, как теперь.

Никогда еще силы не дробились так глупо и дико, как сейчас, когда ворота распахнуты, путь свободен и цель одна и только в одном направлении.

Никогда еще социализм не основывал такого количества монастырей со своими уставами и своими отцами-настоятелями, такого количества скитов, партийных, независимых, районных, приходских, русских и еврейских, молдавских и армянских, каких угодно лозунгов и каких угодно национальностей.

Откуда это? Зачем это?

Неужели только для того, чтобы дать простор всякому насилию?

Если страна изнеможет от ударов и ран, если она истечет кровью и в отчаянии, как за спасителя, ухватится за того русского капрала, который станет русским Наполеоном,— кто, братья-социалисты, будет виновником поворота колеса нашей истории, виновником возврата к разбитому корыту бедности и бесправия?

Насилие уже чинится и худшие насилия еще впереди.

Помните же, что насилия,— по словам Джино Биа,— не должен терпеть «ни один социалист, к какой бы фракции он ни принадлежал».

Помните, что почти полвека тому назад, в 1869 году, в «Берлинском рабочем демократическом союзе» Либкнехт формулировал несколько иначе тот же социалистический принцип.

«Как для князей, так и для народов,— пророчески предупреждал Либкнехт,— насилие является последним словом».

Помните это все, кто хоть концом крыльев своей мысли касается великой идеи социализма.

Теперь, когда наше единение необходимо, когда только путем взаимной поддержки и дружных усилий вы сможете стать у той наковальни, на которой выковываются первые железные скрепы нашей свободы, теперь, друзья и братья социалисты, будьте наготове все, отрешитесь от узкой догматики, перешагните через запруды, которые мешали нам всем работать вообще.

Тот недостоин нас, кто одними устами исповедует братство, для кого кольцо равенства имеет одну спайку — «я», кому самое простое гражданское самообразование не подсказывает благоговения к свободе.

ЗАПРЕЩЕННАЯ ВОЙНА

9 миллионов корейцев
1 миллион китайцев
54 тысячи американцев
? советских солдат
погибли в Корее в 1950—1953 годах

Сергей ВОЛОВЕЦ

В июне исполнилось сорок лет с начала одной из самых кровавых войн XX века, по числу своих жертв уступающей только двум мировым. В нашей печати существует устойчивая версия, согласно которой южнокорейские войска первыми напали на Север, были отброшены и разгромлены армией КНДР под руководством Ким Ир Сена, и, если бы не высадка американцев и дальнейшее их участие в боях, война закончилась бы победой КНДР и объединением страны за два месяца.

Произошло по-другому. Война длилась три года, унеся жизни миллионов людей: корейцев (9 миллионов), китайцев (около миллиона), американцев (болве 50 тысяч), русских (число неизвестно).

Кто, как и зачем в действительности начал эту войну? Предлагаемый читателям материал основан на малоизвестных западных и японских публикациях и свидетельствах очевидцев, принадлежавших когда-то к руководящей элите КНДР (некоторые из них живут сейчас в СССР), и, естественно, не выражает официальную точку зрения нашего журнала.

КАК ЭТО БЫЛО

В четыре часа утра 25 июня 1950 года красные ракеты с севера от 38-й параллели, разделившей на две части Корею после войны, подали сигнал и указали цели для артиллерийской подготовки. Тысячи орудий и минометов вели огонь два часа. А затем 100-тысячная северокорейская армия при поддержке танков Т-34 начала быстро продвигаться на юг, преследуя беспорядочно отступающего противника. Всего через три дня был взят Сеул — столица страны. К середине сентября северяне подошли к Тэгу и Пусану. Казалось, еще усилие — и южнокорейская армия будет сброшена в море.

Если учесть опыт Великой Отечественной войны, то само начало боевых действий как будто ясно указывает, что нападение произошло с Севера на Юг и было хорошо заранее подготовлено. Тем не менее сейчас нельзя найти ни одного источника в Советском Союзе, где это было бы высказано даже в виде предположения. Правда, в полном тексте воспоминаний Н. Хрущева есть беглое упоминание о заседании Политбюро в марте 1950 года под председательством Сталина, на котором Ким Ир Сену был дан «зеленый свет», чтобы попытаться объединить Корею вооруженной рукой.

Что касается западных историков, то сегодня нет ни одного, кто утверждал бы, что КНДР начала не наступление, а контрнаступление, защищаясь от нападения с Юга. Но в 50-е годы среди историков, разделявших леворадикальные или коммунистические взгляды, тех, кого называют «попутчиками», такие люди были. Один из самых известных, И. Стоун, издал в свое время книгу «Секретная история корейской войны». В ней он пытается интерпретировать в пользу Ким Ир Сена и Мао Цзедуна некоторые документы, относящиеся к тому периоду, но при беспристрастном прочтении они производят обратное впечатление.

Например, приводится достаточно точная оценка из доклада ЦРУ. «Судя по обстоятельствам, агрессия в Корее начнвтся через неделю или две». Есть слова тогдашнего южнокорейского министра обороны Чен-Сун-мо: «Крупные

части армии Северной Кореи продвигаются в направлении 38-й параллели, и нападение представляется неизбежным». Это было сказано 10 мая, за полтора месяца до начала боев.

Пока у нас хранят молчание, во всем остальном мире этот вопрос представляется решенным. Когда не так давно корейский публицист Лим Ун выпустил книгу «Основание династии в Северной Корее», где он пишет: «Войну развязала КНДР. И начал ее Ким Ир Сен»,— никто не захотел с ним спорить. Итак, через полтора месяца после начала войны казалось, что ее замысел близок к осуществлению. Но политическая реакция оказалась быстрой и неблагоприятной для КНДР. 7 июля ООН приняла резолюцию, осуждающую агрессию и разрешающую сформировать войска ООН для ее отражения. Хотя предоставить солдат согласились 15 стран, главной силой на всех этапах оставались американцы. На следующий день командующим войсками под флагом ООН был назначен «победитель Японии» генерал Макартур.

Уже 15 сентября он подготовил мощный морской десант в тылу наступавших. Начался такой же стремительный, как наступление, отход назад, на Север. Это серьезно встревожило Мао Цзедуна, отправившего в Корею 4,5 миллиона китайских «добровольцев» под командованием маршала Пын Дэхуэя.

Ход боевых действий нет смысла напоминать в подробностях: к весне 1953 года война закончилась перемирием там, где она началась,— на демаркационной линии вдоль 38-й параллели, поглотив жизни миллионов людей, став горячим детонатором «холодной войны» и принеся звание маршала Ким Ир Сену. Это известно. Зато почти ничего не известно о том, кто и в силу каких причин принял решение начать тщательно подготовленное наступление на Юг.

ПХЕНЬЯН И МОСКВА

Беглое упоминание Н. Хрущева о решении Сталина, объявленном на Политбюро, не дает ключа к разгадке. По корейским источникам, это произошло в марте 1950 года, после третьего визита Ким Ир Сена к Сталину. Сталин якобы очень неохотно пошел навстречу северокорейскому лидеру, твердо заявив ему, что, если США вмешаются в войну, Советский Союз не будет воевать против американцев и рассчитывать можно только на политическую и материальную помощь.

Зато эти виды помощи были почти безграничны. Когда в конце 1948 года советские войска, освобождавшие Корею от японской оккупации, выводились из страны, очень значительная часть их вооружения — тяжелого в том числе — была оставлена молодой северокорейской армии. Само ее создание и обучение шло, как указывают многие корейские историки, под руководством маршалов Малиновского, Мерецкова и Бирюзова. А весной 1950 года в Северную Корею была направлена группа новых военных советников из высших офицеров Генштаба и Главного политического управления Советской Армии.

Считается, что 11 марта 1950 года Ким Ир Сен встретился с тремя высшими военными советниками из СССР, сообщил им о принятом политическом решении начать вторжение на Юг и предложил разработать план этой операции. Всего через две недели план был представлен Ким Ир Сену (известны имена переводчиков, переводивших его с русского на корейский), и начались практические мероприятия по его осуществлению.

На протяжении последующих трех лет Советский Союз предоставлял неограниченные материальные ресурсы для северокорейской армии, огромного корпуса китайских «добровольцев», не говоря уже о прямом участии в боевых действиях советских летчиков, советников и технических специалистов, о роли которых мы, по существу, ничего не знаем до сего дня.

Что касается политической поддержки, то до самой своей смерти Сталин создавал в мире впечатление, что Советский Союз близок к вступлению в войну, что конфликт в Корее может быть прелюдией к третьей мировой войне, и это заставляло задумываться многих, в первую очередь, конечно, тех в Соединенных Штатах, кто предлагал блокаду Китая, транспортных морских коммуникаций, перенесение военных действий на китайскую территорию и даже применение в Корее ядерного оружия.

Таким образом, было бы неверно считать, что Сталин просто согласился с инициативой Ким Ир Сена. Степень оказывавшейся ему поддержки показывает, что он преследовал свои собственные и, видимо, значительные интересы. Какие?

3 декабря 1950 года, когда война вступила в самый тяжелый позиционный период, государственный секретарь США Дин Ачесон на совещании в Пентагоне говорил: «Самая сильная головная боль состоит в том, что мы сражаемся с подставной страной. Действительный наш противник — Советский Союз, а мы воюем со вторичным врагом. Если мы будем продолжать воевать с китайскими коммунистами, сколько энергии у нас останется для противостояния СССР, получающему от этой войны все выгоды? Если мы будем продолжать растрачивать силу и ресурсы в войне с китайцами, мы не сможем укреплять нашу оборону в Европе».

Об этом было не принято говорить раньше, не решаются упоминать и теперь. Сталин испытывал глубокое недоверие к Мао Цзедуну. Не было лучшего способа сделать его послушным, чем прямое вовлечение в конфликт с Соединенными Штатами всего через год после провозглашения Китайской Народной Республики. С другой стороны, это было время сталинской муштры в только что созданном «социалистическом лагере» (в том числе с помощью политических фальсифицированных процессов по образцу московских 1937—1938 гг.) и мятежа против сталинской «дисциплины» в Югославии. Полыхавший очаг войны в Восточной Азии как нельзя лучше отвечал интересам Сталина в Европе — консолидировать свою власть над странами «народной демократии» без больших помех со стороны Запада, истощающего себя в войне с огромной корейско-китайской армией за тысячи километров от США и Европы.

Мы приоткрыли завесу тайны и дезинформации над нашей историей, хотя и здесь остается непочатый край работы. Но мы практически ничего не знаем о замыслах Сталина в отношении послевоенного устройства и «переустройства» мира. Считал ли он послеялтинскую Европу «окончательным решением», или у него были планы распространения народных демократий дальше на Запад. Судя по тому, что в апреле 1949 года довольно поспешно был создан Североатлантический союз, наши бывшие союзники в мировой войне остро ощущали угрозу. Мы также не знаем планов Сталина в отношении Югославии или Китая, хотя трудно себе представить, что кремлевский горец мог оставить в покое кого бы то ни было, кто попытался бы выйти из-под его железной руки.

Поэтому представляется поверхностным высказываемое многими мнение, что молодой Ким Ир Сен сумел обольстить Сталина перспективой скорого объединения Кореи силой, преодолев осторожность и нежелание перемен у стареющего диктатора. Это тем более маловероятно, если ясно представить себе, как мог относиться 70-летний Сталин к 38-летнему Ким Ир Сену.

ОТ ХАБАРОВСКА ДО ВОНСАНА

Что объединяет Сталина с Ким Ир Сеном, так это реконструкция их биографий настолько радикальная, что о первых периодах жизни трудно утверждать что-нибудь наверняка. Если верить официальным корейским историографам, Ким Ир Сен появился в Пхеньяне как освободитель Кореи от японских оккупантов, национальный герой и признанный теоретик марксизма-ленинизма применительно к корейским условиям. Таким образом, выбор руководителя корейцами был как бы предопределен еще в 1945 году, если бы американцы не раскололи страну надвое, посадив в Сеуле своего ставленника Ли Сын Мана.

...Заброшенная таежная деревушка в 35 километрах от Хабаровска. Здесь в начале 40-х годов собирали солдат-корейцев, которых было немало в частях китайской освободительной армии. Китайские войска, подчинявшиеся националистам (Чан Кайши) и коммунистам (Мао Цзедун), вели тяжелые, зачастую партизанские бои с японцами. После поражений порой единственный для них выход был искать убежище на советской стороне границы. Многие из этих корейцев стали добычей ГУЛАГа по обвинению в шпионаже в пользу Японии (так же, как их соплеменники, изначально проживавшие на территории Советского Союза). Но часть перебежчиков, признанных благонадежными, переправлялась в таежную деревню под Хабаровском под командование советских офицеров и командиров-китайцев из Народно-освободительной армии.

К 1945 году, когда начала вырисовываться перспектива вступления Советского Союза в войну с Японией, группа корейцев получила название 88-й бригады особого назначения. Командиром ее 1-го батальона (численностью около 50 человек) был назначен кореец по имени Ким Ир Сен.

Некоторые японские историки считают, что этот человек, ставший впоследствии великим вождем Северной Кореи, взял себе чужое имя. Дело в том, что нынешний Ким Ир Сен, воевавший в составе китайских частей против японцев в Маньчжурии, по возрасту и другим данным не мог быть одним из двух командиров-корейцев с тем же именем, достаточно известных и оставивших след в документах японской военной разведки. Японская армия специально охотилась за теми двумя, и, судя по сохранившимся архивам, оба они погибли. Хотя, конечно, может быть и так, что японская армейская разведка просто дала ложные сведения в центр о гибели двух известных Ким Ир Сенов. Во всяком случае, версия о том, что нынешний вождь взял в свое время имя у одного из героев антияпонского сопротивления, не имеет достаточных оснований.

Задачей батальона Ким Ир Сена, как и 88-й бригады, была разведка на территории Китая и Кореи в интересах советских войск. Иногда можно встретить утверждения, что 88-я бригада была создана специально для подготовки руководящих военных и политических кадров. Действительно... многие высшие руководители страны в 50-е годы были в свое время подчиненными капитана Советской Армии Ким Ир Сена. Но до осени 1945 года бригада выполняла свою задачу, и в Москве никто не знал имени командира первого батальона, за исключением нескольких корейцев-коммунистов, работников Коминтерна, которые курировали политическую работу в бригаде.

Существуют свидетельства, что молодой Ким Ир Сен старался завязать тесные связи с советскими офицерами, и последние высоко ценили его. Есть также данные, что в период службы в 88-й бригаде специального назначения он участвовал или был инициатором интриг против своих товарищей — офицеров-корейцев.

Так или иначе, нет никаких оснований сомневаться в личной храбрости Ким Ир Сена, в удачных действиях частей под его командой в боях против японских войск на территории Китая или в его успешном руководстве разведывательным батальоном Советской Армии. По завершении войны в сентябре 1945 года капитан Ким Ир Сен был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Но что не подлежит никакому сомнению, Ким Ир Сен не участвовал в освобождении Кореи, не говоря уж о том, что не был главным действующим лицом. Он прибыл в порт Вонсан примерно через месяц после капитуляции японцев на борту советского парохода «Пугачев».

ЭРА ПЕРЕВОДЧИКОВ

Так называют корейские историки период между 1945 и 1948 годами, когда Советская Армия, освободившая Северную Корею, покинула страну, передав власть Ким Ир Сену. Именно в течение этого периода советское командование и высшие политработники остановили на нем свой выбор. Наверняка в этом сыграла роль и его служба в 88-й бригаде особого назначения.

В этом смысле выделяется дата 14 октября 1945 года, когда на стадионе в Пхеньяне впервые после освобождения собрался большой митинг. Генерал-майор Лебедев произнес на нем речь, в которой упомянул, что среди собравшихся присутствует герой освободительной борьбы корейцев товарищ Ким Ир Сен. По толпе прошло движение, все хотели увидеть, кто это такой. Движение толпы, в свою очередь, в глазах советских военных как бы подтвердило популярность будущего вождя в народе.

Ким Ир Сен тоже выступил на митинге с речью. «Корейский народ должен объединиться,— сказал он.— Никакая фракция, никакой политик не могут осуществить эту великую задачу. Вся нация должна быть едина, чтобы построить демократическую, независимую страну». Призывы к консолидации и фразеология выглядят достаточно современными даже по теперешним меркам. Но, по свидетельствам очевидцев, речь эту трудно было воспринимать. Не по причине ее содержания, а потому, что она была написана в политотделе 25-й армии по-русски, а затем в спешке плохо переведена на корейский язык. Но именно с нее началось восхождение будущего лидера Северной Кореи.

Разумеется, в это время в Пхеньяне были и другие деятели, гораздо более известные. Часть из них поддерживал Мао Цзедун. Но некоторые из них не нравились Сталину, поскольку имели старые связи с деятелями бывшего Коминтерна или были слишком независимыми, некоторые именно из-за симпатий к ним Мао. А последний не мог настаивать, поскольку нуждался в полной поддержке Сталина в борьбе с Чан Кайши. Сталин твердо выбрал бывшего капитана Советской Армии. И не ошибся.

До начала корейской войны Ким Ир Сен тесно сотрудничал с политическими советниками из Москвы и политработниками армии. Именно они подготовили текст конституции, устав партии, проект земельной реформы, многие другие законы и постановления, переводившие Северную Корею в семью социалистических стран в качестве одного из самых дисциплинированных ее членов. Точно известны имена советских политработников, писавших эти тексты, и переводчиков-корейцев из Советского Союза, переложивших их на корейский язык. Ким Ир Сен с энтузиазмом и большими административными способностями проводил их в жизнь.

Поэтому нет серьезных оснований считать, что Ким Ир Сен убедил Сталина поддержать его в намерении объединить страну силой. Скорее наоборот, Сталин сумел создать впечатление, что из соображений пролетарского интернационализма Советский Союз должен поддержать попытку освобождения южнокорейских братьев молодой народной демократии, стонущих под игом американского империализма и местной буржуазии.

Истинные мотивы Сталина, масштабы нашего участия в этой войне, наши потери и затраты остаются белым пятном и ждут настоящего исследования. Эта война была авантюрой и преступлением не меньшим, чем Афганистан, хотя, возможно, человеческие жертвы, принесенные нашим народом, были в ней меньшими. Она была оплачена жизнями миллионов корейцев и китайцев. Но то, что последовало за перемирием, для некоторых участников оказалось более ужасным, чем сама война. Во время войны только один северокорейский генерал, начальник генштаба армии Кан Кон погиб во время налета американской авиации. А после войны 70 генералов погибли во время «чисток» или оказались в изгнании. Это составляет 95 процентов высшего командного состава, участвовавшего в той войне.

Сталину потребовалось 20 лет после революции и гражданской войны, чтобы развязать массовый террор в стране. Ким Ир Сену — значительно меньше.

За сорок лет, прошедших после корейской войны, отстроился разрушенный американскими бомбардировками Пхеньян. Вознесся к небу монумент «Чхолима» во славу великого вождя Ким Ир Сена. 20 его золотых (или позолоченных?) статуй стали местами поклонения.

Все здесь сказанное публиковалось в Соединенных Штатах, Японии и Южной Корее. По нашей же традиции могло бы быть опубликовано в Советском Союзе только после ухода со сцены действующих лиц. Но кто-то должен первым нарушить эту традицию. Мы и решили это сделать.

Пусть будет и Валишевский...

Как-то раз после публичной лекции об императрице Елизавете Петровне ко мне подошла пожилая женщина, речь и манеры которой свидетельствовали о ее принадлежности к последним петербуржцам, и тихо спросила: «Скажите, как вы относитесь к "Дочери Петра Великого" Казимира Валишевского? Помню, как папа по вечерам доставал из шкафа этот огромный роскошный том и мы, дети и взрослые, рассматривали гравюры...» Я понимал, что за этим вопросом — бесценные воспоминания о теплом и уютном домашнем очаге, о свете лампы, вокруг которой собирались близкие. И поэтому нельзя было пренебрежительно махнуть рукой и сказать: «Знаете, Валишевский — это несерьезно, ненаучно и даже нехудожественно». Не так все просто. Позолоченные суворинские издания Валишевского — это частички дореволюционной культуры. Мы ее долго и старательно вытаптывали, а теперь пытаемся хотя бы отчасти возродить.

Конечно, не все одинаково ценно в литературе, которой зачитывались наши прадеды. Критически надо подходить и к сочинениям Казимира Валишевского.

Поляк по происхождению, он написал на французском языке и издал во Франции в конце XIX — начале XX века немало книг по русской истории. Можно с уверенностью сказать, что труды Валишевского о Петре I и Екатерине II остались в стороне от столбовой дороги научных исследований прошлого. Этому есть немало причин. В русском переводе книги Валишевского появились незадолго до Октябрьской революции, после которой жизнь российских императоров надолго перестала быть в центре внимания советских историков. Писать о так называемой «эпохе дворцовых переворотов» (1725—1762) было не принято, и если об этом упоминали, то лишь в разделе «Внутренняя политика феодально-крепостнической России XVIII века» или бегло обрисовывая фон общественно-политической борьбы, жизни Ломоносова или Радищева.

Кроме того, многие историки вообще не считали книги Валишевского научными трудами и не включали в историографию. Сам он с удовольствием ссылался на мнение историка В. А. Бильбасова, назвавшего его произведения романами. Валишевский писал, что эту характеристику «готов принять... за похвалу». Я, правда, не исключаю, что Бильбасов вкладывал в свое определение саркастическое содержание, подчеркивая ненаучность сочинений бойкого бытописателя...

К какому же жанру отнести труды Валишевского? Думаю, что он был в определенном смысле первопроходцем научно-популярной литературы. Он проработал огромное количество исторических документов. В частности, изучил многочисленные донесения французских и немецких дипломатов, аккредитованных при дворе Елизаветы Петровны. Они хранятся в архивах Парижа и Берлина и не всегда доступны современному исследователю. Добросовестная работа в архивах и библиотеках, несомненно, дала плоды — книга Валишевского «Дочь Петра Великого» до сих пор остается наиболее полным собранием сведений о двадцатилетнем царствовании Елизаветы Петровны.

В то же время у Валишевского полностью отсутствовало понятие об источниковедении как науке, о принципах работы с историческим источником. Из всевозможных толкований одного сюжета он просто выбирал то, которое ему казалось наиболее подходящим. И даже гордился своим дилетантизмом: «**Да, излагая перед читателями содержание хотя бы и дипломатических документов, я считаю возможным сделать чтение их не менее привлекательным, чем фельетон. Это достижимо при условии устранения из них всего того, что не представляет действительного интереса, то есть девяти десятых большинства текстов, и введения в них того, что составляет прелесть всего человеческого: жизни**». Хочется возразить Валишевскому: как раз источник и создает прелесть возрождения ушедшей навсегда жизни, ибо сам он и есть жизнь, ее частичка! Но сегодня если и вступать в этот спор, то не с автором, творившим на рубеже веков, а с теми современными романистами и популяризаторами, которые гнушаются работы с источниками. Что до Валишевского, то, когда читаешь его книги, не покидает ощущение «легкости мысли необыкновенной». Особенно это хорошо видно по тем «философским» отступлениям о судьбах России, в которые время от времени пускается автор. Например, только улыбку могут вызвать рассуждения о специфике «дамского правления» XVIII века. Валишевский стремится отразить все, на чем останавливается его взгляд, и, обладая несомненным литературным дарованием, делает это подчас виртуозно.

Валишевский — историк, которого у нас мало читали, но много ругали, относя его творчество к разряду «чтива», бульварной литературы. Представление это весьма неточно. В книге "Дочь Петра Великого" перед разделом с интригующим названием «Интимные нравы. Ночной император» автор пишет: «**Однако я приступаю здесь к области интимной жизни, где опыт прошлого заставляет меня подразделить моих читателей на категории. Пусть те из них, чью стыдливость я имел несчастие оскорбить в своих прежних трудах, лучше покинут меня здесь и вновь ко мне вернутся в следующей главе**». Ах, скажем мы, какое кокетство! Но суть не в этом. Прочитав раздел о ночных императорах, иной читатель крайне удивится, не найдя в тексте ничего фривольного, и подумает, что издатели сделали купюры. Ничего подобного — никаких купюр нет. Просто сильно изменились времена, и нравы, и литература. Из иных современных бульварных исторических романов мы узнаем по воле их авторов такие подробности, о которых Валишевскому и в голову не пришло бы рассказать. Интерес к такого рода литературе усиливается в обществе в определенные периоды — в кризисных ситуациях, накануне потрясений. Не случайно предыдущая вспышка популярности Валишевского произошла перед Октябрьской революцией. В такие моменты человек нуждается в нетрадиционной, шокирующей, не обязательно достоверной информации — идет ли речь об оккультных науках или о вольностях в исследовании прошлого.

Ни в коей мере не отношу себя к поклонникам Валишевского, я считаю, что он должен вновь появиться в поле нашего зрения и дать еще один оттенок многоцветию исторической литературы. Давайте доверять вкусу и знаниям читателей. Пусть будут серьезные монографии, сборники документов, исторические романы, пусть будут "черный хлеб" истории и «пирожные», пусть будут Карамзин, Соловьев, Платонов, Покровский, Тарле. Пусть будет и Валишевский...

Евгений АНИСИМОВ,
доктор исторических наук

Казимир ВАЛИШЕВСКИЙ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

Это был ум ясный, точный, определенный, прямо идущий к цели, без колебаний и уклонений, машина, управляемая верною рукой.

Его корреспонденция характерна в этом отношении. Он не писал длинных писем, как делала его преемница, Екатерина II. Он не имел времени. Ни фраз, ни рассуждений, ни тем более каллиграфии и орфографии. Его обыкновенное письмо почти так же неудобочитаемо, как наполеоновское. В большинстве слов не хватает букв. Он следующим образом начинает записку, адресованную Меншикову: „Mein hez brude, in Kamamara",— когда хочет сказать: „Mein Her Bruder und Kamarad" (Мой милый брат и товарищ). Даже в своей подписи «Пер» он вводит фантастическое сокращение, принятое в славянском алфавите. Но он говорит быстро и хорошо то, что он хочет сказать, сразу и без усилий подыскивая правильное выражение, слово, которое определяет и выражает его мысль. Однако он любит во всем шутку, и возможно, что Екатерина Великая просто подражала ему в этом отношении. Он писал, например, Меншикову на имя любимого дога. Очень часто у него бывали шутки, остроты и вольности, как по мысли, так и внешней форме, но еще чаще он бывал резок и едок. Вице-адмирал Крюи прислал ему донесение, в котором он жалуется на своих офицеров, прибавляя несколько комплиментов по адресу царя: «человек, любящий море, как Петр, лучше чем кто-нибудь знает, насколько дисциплина важна в морском деле». Он ответил: «вице-адмирал сам делает выбор своих подчиненных, ему самому и надлежит приняться за их недостатки. В последнем случае он кажется менее убежденным в качествах, которые он действительно приписывает государю. Его критика, как и его похвалы, должно быть, делались после выпивки: он на ногах не стоял. Или нужно меня вычеркнуть из числа понимающих моряков, или не говорить мне белое, когда я говорю черное».

Восточный оттенок проявляется в естественных и пластических оборотах его речи. По поводу своего союза с Данией и неудовольствий, которые он ему причинял, я нахожу следующее выражение, вырвавшееся из-под его пера: «два медведя в одной берлоге не могут ужиться»; и еще: «наш союз, как пара молодых лошадей, впряженных в телегу». Или если дело шло о Польше, где умы были в постоянном брожении: «дела идут там, как молодая брага». Человек, который принимает неосновательные решения, сравнивается с «медведем, который говорит, что может перегнать кобылу». Даже в качестве законодателя он иногда выражается таким языком. Создавая пост генерал-прокурора в Сенате, он сказал, что «хочет воспрепятствовать, чтобы законами играли, как картами, подбирая их по мастям». Прокурор будет его «оком».

Не будучи историком, он не был лишен исторического чутья. Он только описывает события, но короче понимает их смысл и значение. Он правильно их объясняет, даже в своих письменных беседах с Екатериною. Очевидно, что он ведет точный учет всему, что творится и происходит вокруг него.

Его воображение естественно склонно к большому и даже к огромному. В последние годы он задумал возобновить колосс Родосский между Кронштадтом и Кроншлотом, в виде огромной башни — коня над проливом, под которой бы проходили самые большие корабли, а на вершине которой была бы небольшая крепость и маяк. Уже была начата ее постройка в 1724 году.

В некоторых его порывах я нахожу шекспировские черты. В 1697 году, в то время, когда его отъезд в первое путешествие по Европе был задержан раскрытием заговора Циклера, он, заметив общую преступную связь между настоящим и прошлым, приказал вырыть труп Ивана Милославского, опущенного в могилу уже 12 лет тому назад и уже съеденного червями. Его останки отвезли в Преображенское на санях, запряженных двенадцатью свиньями, и поместили их в открытом гробе *под эшафотом*, на котором должны медленно умереть Циклер и его сообщник Соковкин, разрубленные и рассеченные на мелкие куски. С каждым ударом ножа кровь казнимых будет падать мстительными каплями на того, кто остается ненавистным врагом, оторванным от покоя смерти, чтобы подвергнуться страшному наказанию от своего победителя.

В 1723 году Преображенское было свидетелем другого зрелища, менее безобразного, но все-таки страшного. Петр приказал сжечь там свой деревянный дом, который восстановили по его приказанию на его прежнем месте, так как он был перенесен. Обыватели в то время предпринимали переселение в стране, тогда близкой еще к жизни кочевников. Памятный и символический пожар. В этом именно доме — признавался он герцогу Голштинскому — Петр составил проект своей ужасной борьбы со шведом, теперь уже окончившейся, и на радостях, по случаю заключения мира, он хочет уничтожить все следы тяжелых пережитков до этого памятника включительно. Но чтобы придать больше торжественности мирной демонстрации, он решил придать ей большое великолепие при помощи фейерверка: он поджег наполовину сгнившие столбы своей хижины римскими свечами, и, когда крыша освещалась снопами разноцветных огней, он сам бил в барабан в продолжение всего пожара.

Временами, даже в сфере пониманий и ощущений гораздо более тонких, он, кажется, без усилий возвышался и парил в облаках с душами великих исторических избранников, как по высоте полета, так и по широте размаха. В 1712 году Стефан Яворский, малороссийский монах, которого он перевел из Киева в Москву, чтобы назначить архиереем, публично напал на него в своей речи, разразившись ею против мужей, бросающих своих жен, и людей, не соблюдающих постов.

Возникло дело об оскорблении Величества, и государю было представлено донесение в этом духе. Петр ограничился подписью на полях: «Сперва один на один, потом при свидетелях». А так как Яворский говорил, что он удалится в монастырь, то он этому воспротивился, но добился присылки от Константинопольского патриарха разрешения, ко-

горое оправдывало его отступления от православных постов.

Один фанатик пытался убить его, произведя один за другим два выстрела из пистолета, когда он спал. Оружие каждый раз давало осечку, и человека этого охватил ужас, и он разбудил царя, чтобы сообщить ему о случившемся. Бог послал его для того, чтобы дать монарху удивительное доказательство своего благоволения. «Теперь убей меня»,— прибавил он. «Посланников не убивают»,— ответил спокойно Петр и позволил злоумышленнику удалиться. Может быть, рассказ не очень достоверен, и я не думаю, чтобы Петр согласился так легко выпустить из рук столь удобный случай для следствия, розыска сообщников и заседаний в комнате пыток. Фокус с Яворским, очевидно, единственный в своем роде. Но, вероятно, выдуманное во всех мелочах, или по крайней мере преувеличенное, происшествие это соответствует манере, которая была свойственна царю, в особенности в последнем случае.

Я нахожу, что он часто при самых разнообразных обстоятельствах представлял доказательства высшего понимания, самой высокой философской широты взгляда по отношению к себе лично.

Явившись в Варшаву после злосчастного Прутского похода и получая поздравления по случаю благополучного прибытия, он возражал: «Мое счастье заключается в том, что вместо ста ударов палками я получил только пятьдесят». Потом, как бы говоря сам себе: «Пришел, увидел, победил»... и сам же возражал: «не столь! не столь!»

Один из его любимых учеников, Неплюев, явился с опозданием на утреннюю аудиенцию, которая ему была назначена в судостроительной мастерской. Царь был уже там. Неплюев извинялся: он засиделся ночью с друзьями. «Это хорошо; я тебя прощаю, потому что ты сказал правду, да к тому ж,— тут Петр будто бы сделал указание на себя, применив к этому случаю местную пословицу,— кто бабе не внук».

Были ли эти приемы мысли, слова и дела у него самостоятельны, естественны? Соответствовали ли они действительно внутренним чертам ума и характера? Не являются ли они скорее результатом рисовки, которую ему приходилось менять по оплошности, по капризу или за ненадобностью? Сомнение допустимое, ибо он столь часто менял их и противоречил им.

При въезде в Дербент в 1723 году он будто бы сказал: «Александр выстроил этот город, а Петр его взял». На одной из триумфальных арок, воздвигнутых в лесу под Москвой еще задолго до Полтавы, он приказал при возвращении из персидского похода следующим образом упомянуть об этой легкой победе: «Храбрый выстроил, храбрейший взял этот город».

Очевидно, в этот день он забыл свою скромность. При взятии Нарвы, в 1704 году, он забыл благородство, давши пощечину коменданту Горну, виновному единственно лишь в том, что слишком хорошо защищался, приказавши бросить в воду труп его жены, убитой во время приступа. При взятии Выборга, в 1710 году, он обещал осажденным военные почести, потом же, при капитуляции, он задержал гарнизон в плену. Тот же факт повторился и при Дерпте и под Ригой.

Это тот же человек, который после сражения под Тваэрмюнде (июля 1714 г.) обнял командира фрегата Эренскьельда и заявил, что гордится сражением с таким противником. Он точно выполнил в 1721 году мирные условия, подписанные с Швецией, но способ, которым он открыл военные действия, был образом вероломства.

В мае 1700 года, возвратившись из Воронежа в Москву, он дружески упрекал шведского резидента Книперкрона за беспокойство, которое проявляла, живя на даче в Воронеже, его дочь, опасаясь столкновений между обеими странами. Он старался ее успокоить «Глупое дитя,— говорил он ей,— как могла ты подумать, что я соглашусь начать неправую войну и нарушить мир, который я поклялся вечно хранить». Он обнимал Книперкрона при свидетелях и расточал перед ним вернейшие обещания. «Если польский король возьмет Ригу, он, Петр, отнимет город, чтобы возвратить его шведам». В это же время он уже заключил союз с Августом против Швеции, составив план нападения общими силами и дележа предстоящей добычи. В следующем августе, 8-го числа, получивши от своего посла в Константинополе, Украинцева, новость о подписании мира с Портой, которого он ожидал, чтобы снять маску, он двинул свои войска в поход против Нарвы; а в то же время его другой посол, князь Хилков, получив аудиенцию у Карла XII, продолжал уверять его в миролюбивых намерениях своего повелителя.

Преимущественно практическое направление его ума делало его иногда ограниченным и узким. Когда Лейбниц предложил ему устроить по всему пространству его обширной империи магнитные обсерватории, он едва не утратил уважение к великому ученому. Это не помешало ему увлечься открытием Берингова пролива, он имел в виду его как коммерческий путь и видимую от него пользу.

Он был экономен до скупости. Он пользовался математическими инструментами, которые постоянно носил с собою, для измерения убыли сыру, который ему подавался, а чтобы вознаградить за недостаточность жалованья, которое он платил своему главному повару Вельтену, он разрешил брать по дукату с головы за ужины, на которые он созывал своих друзей. Он охотно соглашался крестить, так как любил вмешиваться во все и у всех; но подарок, который он делал роженице, иногда не превышал дуката, положенного под подушку, если это была жена офицера, или рубля, если это была простая солдатка. В награду Тимофею Антипову, спасшему его жизнь в 1694 году в бурю на Белом море, он дал тридцать рублей, и это было с его стороны огромным шагом благородства.

Итак, я нахожу его всегда и во всем вполне верным самому себе и вполне естественным в своих противоречиях. Конечно, он разнообразен в том смысле, о котором я еще скажу, и его нравственные устои, как и воспитание, очень отличаются от обычных. Не будем забывать страну, в которой он родился, нацию, к которой он принадлежал, традиции, которые он унаследовал. Рюрик, Олег, св. Владимир, Святополк и Мономах, эти герои русской истории и сказки, конечно, крупные фигуры, но нужно остерегаться рассматривать их в историческом и сказочном свете древнего европейского мира.

Очевидно, те же самые противоречия встречаются у Петра и в отношении к морали и религии. Был ли он верующим? В этом можно еще сомневаться, ибо временами он так же бесцеремонно относился к обрядам и служителям церкви, как и в других случаях сильных увлечений. Я нахожу его у постели его сестры Марии во время ее агонии выгоняющим монахов, пришедших для того, чтобы совершить над нею по обычаю священный обряд; они принесли умирающей разные яства и пития и спрашивали у нее сладким голосом, «не желает ли она, расставаясь с жизнью, не быть лишенной хоть пищи». К черту все обманы! Пусть так, он сам держится простой веры и преследует притворство.

Но я вижу, что он имеет привычку помнить праздники, которые сам устанавливает, и английский посол Витворт, в своей депеше от 25 марта 1712 года, говорит об одной блестящей, одержанной во сне, победе над тигром, которая укрепила царя в его воинственных замыслах. В то же время приличия, добрые или дурные нравы, вежливость и скромность — все это казалось для него мертвою буквой. В 1723 году Ягужинский, один из выскочек, которыми он был окружен, чтобы жениться на дочери канцлера Головкина, решил развестись с своей женой, которую он ни в чем не мог упрекнуть и от которой он имел взрослых детей. Так как Ягужинская с одной стороны и Головкин с другой — восстали против этого проекта, то Петр, которому он пришелся по душе тем, что мог унизить этим старую аристократию перед новой, не постеснялся вмешаться: жена была заключена в монастырь, а отец был принужден дать согласие; Петр объявил первый брак расторгнутым и принял на себя расходы по второму. Вот пример, как он поступал в частных делах; по этому можно судить об остальном.

В Берлине, в 1718 году, посещая кабинет медалей и античных статуй, он обратил внимание на статуэтку с непристойной позой бога, которым римляне любили украшать свои брачные комнаты. Он зовет императрицу и приказывает ей поцеловать фигурку; так как та попробовала было защищаться, то он грубо крикнул на нее: «Голову долой!», давая понять ей, чем она рискует в случае неповиновения.

После этого он просил у короля, владельца ее, уступить ему эту редкую вещь, а также еще несколько других штук и, кроме того, кабинет для курения, стоивший огромных денег, по словам маркграфини Байрейтской.

В Копенгагене точно так же, увидевши мумию в естественноисторическом музее, он выразил намерение приобрести ее. Королевский смотритель донес об этом своему господину, который ответил вежливым отказом: мумия исключительной красоты и величины, другой подобной нет в Германии. Петр вернулся в музей, схватил мумию, отколол ей нос, всячески изуродовал ее и ушел со словами: «теперь можете ее хранить». В 1711 году, в Дрездене, покидая гостиницу Золотого Кольца, он снял собственноручно и хотел уложить в свой багаж, несмотря на сопротивление слуг, ценные занавеси, которые саксонский двор прислал для украшения его покоев. В Данциге в 1716 году, будучи в церкви, где ему причинял неудобство холодный сквозной ветер, он, не говоря ни слова, протянул руку, снял с бургомистра, стоявшего рядом с ним, парик и надел его на себя.

Я не верю совершенно тому, что барон Прикцен должен был однажды взобраться на вершину мачты, чтобы представить свои верительные грамоты московскому государю, в то время как тот был занят прикреплением веревок и не соглашался прервать свое занятие.

Это отсутствие мелочности, эта ненависть к обычным правилам поведения, это презрение к благопристойности уживались, однако, в одном и том же человеке с глубоким чувством полного уважения к долгу, закону и порядку. Почему и как? Без сомнения, потому, что он считал, что здесь должно быть нечто другое, чем бессознательное отрицание основ какого-либо общественного строя. Помимо некоторой доли каприза и фантазии, которыми объясняется большая часть его непоследовательных поступков, здесь надо искать и более серьезные причины. Петр предпринял перемены в жизни народа, для которого на добрую половину имели значение мелочи и предрассудки как в области религии, так и нравственности. Обладая в достаточной доле наблюдательностью, он видел в них главное препятствие на пути к прогрессу, а имея здравый смысл, он не пропускал ни одного случая к их исправлению.

БИБЛИОГРАФИЯ

Валишевский К. Ф. Смутное время. Спб., 1911.

Валишевский К. Ф. Первые Романовы. Спб., 1911.

Валишевский К. Ф. Роман императрицы Екатерины II по ее запискам, письмам и неизданным документам государственных архивов. М., 1911.

Валишевский К. Ф. Вокруг трона. Екатерина II, императрица Всероссийская, ее любимые сотрудники, друзья, фавориты, интимная жизнь. М., 1911.

Валишевский К. Ф. Петр Великий. Воспитание. Личность. Дело. М., 1911.

Валишевский К. Ф. Дочь Петра Великого. Императрица Елизавета. М., 1912.

Валишевский К. Ф. Марысенька (Мария де Ланграннж д'Аркшин, жена Собесского, королева Польши). М., 1912.

Валишевский К. Ф. Сын Великой Екатерины. Император Павел I, его жизнь, царствование и смерть. Пг., 1914.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Видимо, нетрудно представить, с каким удивлением я прочитал в № 10 журнала «Родина» за 1989 год в рубрике «Есть мнение» публикацию Владимира Векшина «На вечную память». Только то обстоятельство, что утверждвнив автора статьи о том, что по приказу Сталина якобы «из Кремлевской стены был изъят и уничтожен прах выдающегося соаетского военачальника С. С. Каменева», было сделано из лучших побуждений, как-то оправдывает публикацию искаженного факта. Ничего подобного не было, хотя по логике того страшного времени вполне могло случиться.

С. С. Каменев скоропостижно скончался 25 августа 1936 года сразу же после сделанной ему инъекции, о которой, как выяснилось впоследствии, не знал лечащий врач.

Урна с прахом С. С. Каменева была захоронена в Кремлевской стене со всеми воинскими почестями. Но Сталина на похоронах не было, не было даже его соболезнования семье.

А через год, 12 июня 1937 года, по воинским подразделениям зачитывался специальный приказ Наркома Обороны СССР, который снимал имя Каменева с 21-й Пермской стрелковой дивизии, 2-го Киеаского артиллерийского училища, Гурзуфского санатория РККА, 14-й механизированной бригады 5-го мехкорпуса, 111-й истребительной авиабригвды. Был распространен слух, будто он участвовал в «заговоре» с Егоровым, Тухачевским, Гамарником. Почти на двадцать лет его имя было вычеркнуто из истории.

Именно в этот период мемориальная доска С. С. Каменеаа в Кремлеаской стене на короткий пвриод драпируется искуственной ветвью дикого винограда. Каждый день дочь командарма 1-го рвнга Наталья Сергеввна приходила на Красную площадь в ожидвнии, что доска будет снята, но неожиданно ветвь былв убрана. Доска оствлась на месте. Популярность челоаека, возглавиашего аооружвнные силы республики в годы гражданской войны, имеющего все существующие в то время награды — орден Красного Знамени и почетное революционное оружие, награжденного специально учрвжденной нагрвдой — Почвтным огнестрельным оружием и орденом Красного Знамени, была в то время очень велика.

Трудно пришлось семье Сергея Сергееаича. Правда, аресту они не подаерглись, но его жена, Варвара Федоровна Каменева, была лишена данной ей пенсии. Под предлогом реконструкции микрорайона было принято решение о сносе дома по Смоленскому бульвару, 16, где жила семья.

Только в 1955 году нам, остаашимся вдвоем с матерью, дали квартиру, а Наталье Сергвевнв назначили пенсию. На вопрос матери, что же все-таки произошло с Сергеем Сергеевичем, помощник Булганина ответил, что никакого «дела» нет и не было.

До самой своей кончины а 1968 году Наталья Сергеевна занималась делом восстановления памяти своего отца. Написала несколько повестей, книгу. Теперь этим занимаюсь я. Публикация в «Родине» застааила меня еще раз обратиться к коменданту Мавзолея с вопросом о возможном изъятии урны с прахом деда. Я получил категорический ответ — никогда не изымалась.

Геннадий КАМЕНЕВ, внук С. С. Каменева
Москва

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

От съездов к Собору

**Владимир КАРПЕЦ,
кандидат
юридических наук,
член СП СССР**

Подлинная беда России сегодня, по моему мнению, в том, что она оказалась перед ложным выбором. С одной стороны, левые, поддерживаемые в собственных геополитических целях Западом, стремятся к разрушению единой и неделимой России, разделению ее сначала на экономические, а затем и политические зоны (слово-то какое!). С другой — за единственный путь сохранения страны «правые» (а точнее, псевдоправые) выдают следование «ленинским принципам», защиту «завоеваний социализма». Однако осуществить «ленинские принципы» на деле и означает, с одной стороны, снова во имя идеала, начертанного в «Государстве и революции», «экспроприировать» теперь уже не буржуазию, а номенклатуру, с другой — разваливать страну через «самоопределение вплоть до отделения». То есть осуществить на деле требования левых, отстранив и «экспроприировав» псевдоправых. Россия напоминает сейчас ракового больного на предпоследней стадии болезни, и если мы не поставим точный диагноз, заключающийся в том, что так называемые «принципы социализма» есть заложенная в соборное тело страны «компьютерная программа» самоуничтожения, смерть неизбежна.

Единственный путь спасения России — путь возрождения Православия. Если это произойдет, все остальное приложится, в том числе и восстановление государственности в ее полноте. Россия погибла на невидимом уровне, из-за оскудения веры и расцерковления правящих сословий, и только после омертвения внутреннего произошло крушение на уровне видимом — февральская революция, а за ней октябрьский переворот. На всех нас лежат два страшных греха — клятвопреступление и цареубийство. В 1613 году русский народ присягнул дому Романовых **на вечные времена.** Нарушение этой клятвы, этого церковного обета в феврале — марте 1917 года неизбежно обрушило на Россию все горе и беды после Октября. И не важно кто руководил екатеринбургским злодеянием, вина за него лежит не только на непосредственных исполнителях, но на всем предавшем своего Государя народе. В этом прежде всего необходимо покаяние — покаяние **церковное,** подобное тому, каков наложил в 1612 году на русский народ св. Патриарх Гермоген. Право «вязать и решить» здесь принадлежит только Всероссийскому Поместному Собору Русской Православной Церкви, который должен следом за этим благословить созыв уже Земского Собора. Но Церковный Собор не может быть созван в полноте своей, ибо Русская Церковь по политическим причинам до сих пор разделена на Патриаршую и Зарубежную. Главным препятствием для их объединения является вынужденная Декларация 1927 года, отказ от которой никак не поколебал бы, а только укрепил положение Московской Патриархии. Произошло бы соборное воссоединение Русской Церкви. Только Церковному Собору принадлежит **законное** слово о будущей судьбе государственности России — в общем виде (не как вмешательство, а как церковное благословение) — о монархии или республике, ибо Церкви принадлежало **первое** слово. В случае, если Церковью будет снята клятва 1613 года, то не будет законных препятствий к установлению **любого** строя (в этом смысле **все** правовые документы начиная с марта 1917 года незаконны, и потому любые разговоры о «правовом государстве» не имеют смысла). В самые трудные времена истории России первое и главное слово принадлежало Церкви. Так было в 1380 году, в 1612-м, в 1918—1920 годах (послания св. Патриарха Тихона). Слово это произносится Духом Святым. Предрешать его мы не можем. Но **исторический** подход, безусловно, свидетельствует в пользу монархии. У нас был полугодовой опыт республики, закончившийся в октябре 1917 года одной из самых кровавых диктатур в истории человечества.

Итак, сразу же после Церковного Собора должен быть созван Земский Собор, включающий все слои населения России, а также Русского Зарубежья — беженцев гражданской и второй мировой войны и их потомков. Земский Собор должен быть надпартийным, надблоковым, вообще надполитическим. Цель его — призвание законного Государя. Время до Земского Собора с точки зрения политико-юридической следует считать переходным периодом и, лояльно относясь к **любой** власти, если она не вынуждает к нарушению заповедей Божиих, помнить о ее глубинно-корневой незаконности. Что же касается конкретного пути к Земскому Собору, то здесь не надо ни «понукать» события, ни прятаться от неизбежного. Непримиримые противоречия между западниками-демократами, насадителями лианы парламентаризма на среднерусский суглинок, и «советскими патриотами» манихейско-корчагинского толка рано или поздно приведут к параличу государственного строя и потребуют не поиска невозможного между ними согласия, но **иного** согласия на ином, более высоком уровне, не отрицающем сущее, но поднимающемся **над ним.** Однако чудо возможно только ради праведности и чистоты жизни православных, то есть при подлинном воцерковлении и покаянии.

В связи с возможностями восстановления Православного Царства у многих возникает вопрос о том, как быть с многонациональным, разноверным составом страны, особенно ввиду грозящего распада нынешнего СССР? На самом деле никакого вопроса здесь нет. Если распад произойдет, что могло бы иметь последствия страшные для всего мира — втягивание Запада и Востока в бесконечные войны между нищими уделами расколотой Евразии,— то Россия, какова бы ни оказалась ее территория, уж точно окажется перед необходимостью сама решать судьбу своей государственности и не будет связана ничем. Если же Союз сохранится, то при наличии самостоятельности и суверенитета его участников вполне возможна конфедерация православной монархической России, лютеранско-католической демократической Прибалтики и, скажем, исламских республик или эмиратов Туркестана. Дело в том, что залогом прочности любого государственного союза является не единообразие политических устройств, но единство политической воли, без которого самые взаимно единообразные структуры распадаются и рушатся, что и происходит сегодня в СССР. При наличии же единой воли или хотя бы общих интересов возможны государственный союз и даже единая в многообразии империя. Основы такого устройства, кстати, закладывались именно в Российской империи. Существовала ведь самостоятельная конституция Финляндии или тот же Бухарский эмират. Конечно, было и обратное, но всегда надо различать данность и заданность, **сущее** и **раскрывающееся.** Именно **историческая заданность** оказалась на долгое время подавлена и приостановлена революцией.

Итак, единственный не погибельный путь возрождения России — церковно-земский, путь не влево и не вправо, а **вверх.**

В Свердловске несколько кладбищ. Но только над одним, Восточным, висит, как меч, народное проклятие...

Нет, здесь, особенно в родительский день, полно посетителей. Люди разбредаются по аллейкам, дорожкам. Плачут, молчат, поминают усопших. Как везде.

Только в сектор № 15 никто не спешит. Тут, как правило, пустынно, царит мрачная тишина. Десятки могил. Многие забыты, плохо ухожены, заросли. Отсюда ничего не выносится (старые венки, сухая и скошенная трава, например, сжигаются, всякие раскопки и земляные работы здесь строго запрещены. Сектор периодически осматривают сотрудники СЭС. Про этот «саркофаг» знают высокие должностные лица Свердловска и области, на плане города, говорят, этот уголок кладбища помечен красным крестом.

Какую же тайну хранит сектор № 15 Восточного кладбища, что и посегодня вызывает страх?

ХРОНИКА НЕОБЪЯВЛЕННОЙ СМЕРТИ

Что случилось в Свердловске в апреле 1979 года?

ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ

С раннего утра 4 апреля 1979 года в Чкаловском районе Свердловска (неподалеку от 19-го военного городка, где разместились лаборатории НИИ вакцинных препаратов Министерства обороны СССР) стали твориться непонятные вещи. В службе «Скорой помощи» не умолкали звонки: ни с того ни с сего люди теряли трудоспособность, наступала слабость, резко, под 40, повышалась температура, появлялись надрывный кашель, рвота... Больных — кого из дома, кого с работы, а иных прямо с улицы — повезли в горбольницу № 24. Вскоре здесь уже не было свободных мест (единственный терапевтический корпус мог принять только 100 человек), пораженных (чем — еще никто не знал) стали направлять в соседнюю, 20-ю больницу...

Рассказывает главный врач 24-й горбольницы **Маргарита Ивановна ИЛЬЕНКО:**

— Стационара десять лет назад у нас действительно не было, жили и лечили в тесноте. Такой наплыв больных для нас оказался совершенно неожиданным, часть из них мы повезли в «двадцатку». И вдруг оттуда мне звонит главврач Яков Иосифович Клипницер:

— Слушай, Ильенко, у нас тут двое «твоих» умерли...

Я опешила:

— Диагноз?

— Похоже, пневмония...

Через некоторое время — снова звонок. Клипницер:

— Маргарита Ивановна, я в панике: еще трое скончались!

— От чего?

— Токсическая пневмония...

Честное слово, аж пот прошиб. Ведь если болезнь не затянута, если в это время нет других осложнений, «накладок», то летальных исходов от пневмонии практически нет, что, думаю, подготовленному медику хорошо известно.

А тут почти мгновенная, тяжелейшая форма! Люди умирали от легочного кровотечения. И тогда меня осенило: господи, да это же какая-то инфекция!..

Но какая?

Вспоминает **Роза Хазиевна ГАЗИЕВА**, заведующая приемным отделением 24-й больницы:

— Мне, тогда старшему терапевту, выпало дежурить в ту страшную ночь. Людей везли и везли. Их негде было размещать, клали в коридорах. Иные, кто после оказания первой помощи чувствовал себя получше, пытались дойти до дома... Их потом находили на улице — люди теряли сознание. А в корпусе беда: умер мужчина. В критическом положении находилась женщина, я ее в реанимацию, делала искусственное дыхание — рот в рот. Бесполезно. За ночь — четыре трупа. Едва дождалась утра. Испугалась...

В воздухе зашелестело: инфекция, инфекция, инфекция. У Газиевой вообще чуть ноги не отнялись: на руках трое маленьких детей, сама еще молода — жить хочется. Но это чувство пришло чуть позже, а пока голова разрывалась на части: что происходит, почему умирают люди, как остановить беду?

Когда в приемный покой пришла М. И. Ильенко, Газиева была готова плакать. Обход — просто кошмар. В палатах — мертвые и живые вперемежку...

М. И. ИЛЬЕНКО:

— Я поняла, почему персонал оказался в шоке: смотрю на больного — обречен. Но даже за две-три минуты до смерти он глядит на врача спокойно, словно ничего не случилось, хотя все тело больного (откуда-то из-за спины) уже покрывалось характерными трупными пятнами. Еще мгновение — кровь горлом, и конец...

Да, налицо все признаки пневмонии: слабость, тошнота, высокая температура, прерывистое дыхание, отхаркивание, отек легких. Мы стали тут же сортировать больных и пациентов: «здоровых» — в «чистые» палаты, зараженных оставляли на прежнем месте, а трупы — в морг. Но...

К мертвым-то никто не подходит, все боятся. А время идет. И тогда М. И. Ильенко отважилась на вопиющее (с точки зрения педантичных администраторов) нарушение. Правдами и неправдами она собрала сантехников, плотников, разнорабочих и, сунув кому стакан спирта, кому трешку, уговорила прибрать мертвых. Сама, конечно, помогала.

Но дальше — еще страшнее. Мертвых, как велит христианский долг, надо предать земле. Стали вызывать родственников. А те... напрочь отказывались забирать тела своих близких. Либо игнорируют сигналы, либо приедут, выбросят паспорт и с глаз долой. Мол, делайте что хотите. Страх и паника убивают в человеке все лучшее. Так что пришлось Ильенко еще и хоронить своих бывших пациентов на кладбищах.

Спустя два дня — наконец-то! — «наверху» проснулись. Диагноз: сибирская язва! Ситуация круто изменилась. На ноги была поднята вся медицина города. В ликвидации беды, ее последствий участвуют органы СЭС, ветеринарные службы, пожарные, военные, предприятия и организации Свердловска. ЧП стало предметом крупных разбирательств в областных и верхних эшелонах власти. На Урал прибыли высокопоставленные руководители Минздрава СССР, в том числе главный санитарный врач страны П. Н. Бургасов.

Медики 20-й и 24-й больниц получили приказ: всех людей, пораженных сибирской язвой, переместить в городскую клиническую больницу № 40, в инфекционный корпус. Коллективам начать вакцинацию населения и дезинфекцию территории Чкаловского района.

Людей перевезли. Все больные попали под пристальное внимание медперсонала, лучших специалистов области. Но... продолжали умирать.

Инструкция органов СЭС «Порядок вскрытия и захоронения трупов людей, умерших от сибирской язвы» от 12 апреля 1979 года:

«Труп умершего от сибирской язвы обертывают в простыню, смоченную 20-процентным хлорно-известковым молоком или 10-процентным раствором 2/3 основной соли гипохлорита кальция, и затем укладывают в металлический гроб или гроб из плотно сколоченных досок, обитый внутри клеенкой, на слой хлорной извести толщиной 10 см; труп засыпают хлорной известью со всех сторон. Крышку гроба заколачивают гвоздями и больше не открывают.

Если есть возможность, гроб с трупом подвергают кремации (сжиганию). В случае невозможности кремации производят захоронение на общих кладбищах. Гроб зарывают в могилу не менее 2 метров.

В местностях с высокостоящими подпочвенными водами гроб с трупом устанавливают в плотный, просмоленный изнутри и сверху ящик. Пространство между стенками гроба и ящика заполняют сухой хлорной известью, ящик заколачивают плотной просмоленной крышкой.

В тех случаях, тогда труп еще не удален из квартиры, его укладывают в гроб с соблюдением указанных выше правил и приступают к дезинфекции помещения. При этом обработку начинают с гроба, который орошают одним из дезинфицирующих растворов, рекомендованных для обеззараживания помещений.

Перевозка трупов сибиреязвенных больных к месту захоронения разрешается только с соблюдением указанных выше правил».

Далее следуют подписи ознакомившихся с инструкцией.

Дадим слово очевидцу. Заместитель начальника производственного жилищно-коммунального объединения Свердловского облисполкома **Евгений Михайлович КОЛТЫШЕВ** в те дни возглавлял городское управление жилищно-коммунальных предприятий и непосредственно отвечал за проводы умерших в последний путь.

— Тогда у нас действовало шесть кладбищ. Крематорий только строился. Стали думать: где хоронить? Остановились на Восточном кладбище. Почему? Почва там — глина, гроб с трупом как бы попадал в своеобразный «замок», воде не пробиться. Захоронением у нас занималась специально созданная бригада. Умершим делались вне очереди памятники, за погребение с родственников не брали ни копейки. Архивы на этот счет сохранились...

Не только архивы. Андрею Ракову и Сергею Зайчикову тогда было по 30 лет. И даже им, всякого повидавшим за время столь своеобразных «спецработ», меры предосторожности, которые предписывала СЭС, казались подозрительными. В подобных бригадах, сами понимаете, слабонервные не работают. Но однажды, когда крышка гроба с трупом очередной жертвы сибирской язвы вдруг съехала и упала, могильщики кинулись врассыпную, и потом долго не находилось охотников прибить ту крышку гвоздями.

Галина Алексеевна ЛЯШЕНКО в 1979 году работала заведующей конторой обслуживания (погребальный ритуал) производственного комбината № 1:

— Что особенно врезалось в память? Сама обстановка вокруг вспышки сибирской язвы. Нервная, малопонятная. Страх, недомолвки, паника... И, конечно, огромное горе, трагедии семей. Только мне довелось хоронить не менее полусотни умерших. Это в основном были мужчины среднего возраста...

Несмотря на минимум информации, слухи о ЧП стремительно расползались по Свердловску.

Свидетели тех событий хорошо помнят тот апрель, атмосферу дикого страха среди населения, панику, массу тревожных слухов (вплоть до того, что ЭТО в 19-м военном городке «рвануло» и отраву протащило через Чкаловский район). Люди старались не есть мясо, колбасы, сосиски, избегали выходить из жилищ, задраивали окна и двери, ограничивали контакты друг с другом. В местных газетах публиковались разъяснительные статьи с рекомендациями, как уберечься от сибирской язвы.

Но многие не верили официальной версии. И основания тому были. Так, при поступлении больных в 40-ю горбольницу у них интересовались, имеют ли они какое-либо отношение к 19-му военному городку. Ограниченный круг свердловчан более или менее ведал, что за крепким армейским забором в секретном научном подразделении велись работы, связанные с вакциной. Не оттуда ли пришла загадочная болезнь?

«Нет»,— услышали свердловчане. Оказывается, территория области «обоснованно считается эндемичной по сибирской язве». Что это значит? По данным столичных ученых, занимавшихся анализом чрезвычайной ситуации, на Среднем Урале с 1936 по 1968 год в 34 городах и районах было зарегистрировано 159 вспышек сибирской язвы среди животных. Выявлен 371 стационарно неблагополучный пункт, из них в 48 эпизоотии повторялись по 2—6 раз.

Еще одна справка. В ней сделан вывод о том, что заболевания людей и животных в Свердловской области свидетельствуют о наличии почвенных очагов сибирской язвы, действующих в ряде случаев более 40—50 лет. Они мозаично охватывают обширную территорию. И возникновению подобных вспышек способствуют неправильное захоронение павших животных, плохое содержание скотомогильников, ведение масштабных земляных работ без согласования с органами ветеринарного и санитарного надзора, резкие подъемы подпочвенных и грунтовых вод...

И — по данным военных ученых — «сибирской язвой заболел скот у гражданина Перевалова из села Аверинского Сысертского района, в конце марта здесь начался массовый падеж животных». Отсюда, мол, источник трагедии.

Но вот загвоздка: из приведенной статистики о распространении сибирской язвы — 159 вспышек — вполне определенно следует, что раньше эта «чума» поражала скот и обходила людей стороной. Почему именно весной 1979 года она обошлась с нами столь избирательно и жестоко? Нет ответа.

Впрочем, вот что говорит главный государственный ветеринарный инспектор по Свердловской области Валентин Петрович Ярославцев (он много лет работает в этой должности, очень квалифицированный специалист):

— Узнав о ЧП и поставленном диагнозе, мы немедленно подняли на ноги своих людей, провели тщательные исследования, сделали сотни анализов почвы, кормов и воздуха. Так что буду краток: источника болезни, вспышки сибирской язвы по линии своей службы мы не нашли...

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ?

Вот какой факт обращает на себя внимание. Едва ли не во всех документах, публикациях, справках (в том числе и в выступлениях военных), касающихся печальных событий 1979 года в Свердловске, постоянно мелькают ссылки, цитаты, цифры из статьи профессоров И. С. Безденежных и В. Н. Никифорова «Эпидемиологический анализ заболеваний сибирской язвой в Свердловске», напечатанной в пятом номере «Журнала микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии» за 1980 год. И это едва ли не главный аргумент сторонников официальной версии вспышки.

Но давайте перечитаем статью.

«Спорадическим заболеваниям сибирской язвой людей в одном из районов Свердловска предшествовала вспышка сибирской язвы среди сельскохозяйственных животных в индивидуальных хозяйствах... Заражение животных произошло, вероятно, через корма.

В марте — апреле заметно увеличился убой скота в индивидуальных хозяйствах, и мясо продавалось на окраинах города, в частном порядке. При этом не исключалась возможность продажи частным сектором мяса животных вынужденного убоя...»

Здесь требуется краткий комментарий.

Во-первых, для столь серьезных ученых, делающих далеко идущие выводы (заражение людей сибиреязвенной болезнью произошло через мясо домашнего скота), аргументы типа «вероятно», «не исключалась возможность» вряд ли приемлемы.

Во-вторых, надо совершенно не знать деревенского уклада жизни, психологии крестьянина — собственника по своей натуре, чтобы утверждать, будто в марте — апреле он решится без жалости в массовом порядке пустить под нож свою домашнюю живность. Никогда! В деревне скот забивают с осени, с наступлением первых настоящих холодов, затем — в разгар зимы, но всегда с расчетом: стадо должно воспроизвести себя, не допустить убытка.

Цитируем дальше:

«Распределение больных по датам заболевания с учетом непродолжительности инкубационного периода позволило исключить инфицирование через мясо, поступившее для питания населения в централизованном порядке. В этом случае следовало бы ожидать вспышки заболеваний.

Из мяса, взятого на исследование в двух семьях, где имелись больные, был выделен возбудитель сибирской язвы. В обоих случаях мясо было куплено у частных лиц на неорганизованных рынках, штаммы возбудителя сибирской язвы, выделенные из мяса, не имели отличий от штаммов, выделенных от больных людей...»

Что же все это доказывает? По мнению И. С. Безденежных и В. Н. Никифорова, то, что инфицированное мясо послужило причиной заражения людей.

Юрий Михайлович ГУСЕВ, директор Свердловского завода керамических изделий:

— Этот кошмар для нас начался примерно в конце апреля. Первого мая — еще четыре смерти. Мы на демонстрацию идем и там вдруг узнаем о решении горисполкома: остановить завод! Но потом все-таки «ограничились» цехом грубой керамики, он был закрыт примерно на месяц. Но пострадали и другие подразделения...

Нет-нет, на территории предприятия никто не умер, ни одного трупа. Речь идет о поселке, прилегающем к заводу.

Я знаю, имеется версия: мол, рабочие пострадали из-за мяса, купленного у частников,— причем, дескать, купленного предприятием организованно. Это не так. В канун праздника мы действительно приобрели мясо в совхозе «Кадниковский» Сысертского района. С этим хозяйством у нас давние и хорошие отношения, коллектив помогает совхозу, в частности, в уборке урожая. Но заявляю со всей ответственностью: мясо было проверено ветеринарной службой, на нем стояла печать, то есть положительное заключение.

Источник заболевания надо искать в другом месте. И причину тоже. Ибо завод тогда потерял более двух десятков работников. В мирное, заметьте, время...

Конечно, заражение от инфицированного мяса в принципе возможно. Но в деревне, где все на виду, ничего не скроешь. Представим: у кого-то занедужила телка. Должны проявиться признаки поражения сибирской язвой: слабость, цианоз, начинаются кровянистые выделения из кишечника, носа и рта. Что сделает крестьянин? Тут же побежит за ветеринаром, чтобы спасти скотину. И любой мало-мальски подготовленный специалист при данных симптомах страшную болезнь определит. Тем более если в его присутствии телка будет забита: ведь вследствие антикоагулирующего действия сибиреязвенных бацилл кровь таких животных не свертывается, она густая, черно-красного цвета.

Допустим, найдется и такой хозяин, который захочет скрыть заболевание от врачей, соседей и повезет тайком продавать зараженное мясо в город. Но ведь речь идет не о единичном случае, а о массовом падеже скота. Так что и этот аргумент не срабатывает.

Далее специалисты пишут:

«...Были зарегистрированы единичные заболевания сибирской язвой среди людей, причем имели место кожные и кишечные формы инфекции. Сибиреязвенная природа заболеваний была подтверждена результатами лабораторного обследования людей и животных».

Непонятно, что значит «единичные заболевания»? Семь десятков смертей (по неполным данным, ведь захоронения не только на Восточном кладбище) — это что?

И почему авторы называют лишь две формы инфекции? Сибирская язва у людей проявляется в трех основных клинических формах: кожной, легочной и кишечной. Кишечная форма возникает в результате употребления в пищу мяса больных животных. При кожной форме местом проникновения возбудителя являются повреждения кожного покрова, главным образом открытых частей тела (лица, шеи, кистей рук, предплечий). Обе они, признаем, весной 1979 года «имели место».

Вот, в частности, мнение **Якова Александровича ХАЛЕМИНА**, директора Свердловского научно-исследовательского кожно-венерологического института:

— Я был в те дни в 40-й больнице. Мне сказали: хотите взглянуть на больных сибирской язвой? Пошли в палаты. У некоторых действительно я заметил на руках карбункулы — очаги поражения кожи характерного черного цвета...

Но почему же Безденежных и Никифоров даже не упомянули про легочную форму инфекции? Может, ее не было? Была, в чем убеждают свидетельства медиков 20-й и 24-й больниц.

Дело, видимо, в том, что при легочной форме заражение происходит аэрогенным путем во время работы с материалами, зараженными спорами сибиреязвенных бацилл. Болезнь протекает по типу тяжелой бронхопневмонии. Не это ли разгадка страшной трагедии 1979 года? Чтобы так заболеть, надо, грубо говоря, что-то в себя вдохнуть, то есть микробы, находящиеся в воздухе в «подвешенном» состоянии!

Из беседы с **Фаиной Афанасьевной АБРАМОВОЙ** (в прошлом — доцента кафедры патологической анатомии Свердловского медицинского института):

— В 1979 году я уже была на пенсии, но меня пригласили поработать в 40-й больнице патологоанатомом. Так что печальные апрельские события я помню хорошо.

Однажды в субботу, это было в начале месяца, к нам доставили молодого крепкого мужчину, а в понедельник он уже скончался. Меня попросили посмотреть: дескать, очень сложная и непонятная болезнь.

Ладно. Провели вскрытие. Бросилось в глаза поражение лимфатических узлов и легких. Но, кроме этого, я обратила внимание на геморрагическое воспаление оболочек головного мозга, мы обнаружили так называемую «шапочку кардинала». Что это такое? Я говорю: похоже на сибирскую язву. Но и клиницисты, и инфекционисты, присутствовавшие тут, усомнились: полноте, с сибирской язвой мы давно покончили...

Я спрашиваю: а в городе все чисто, нет ли где-нибудь инфекции? И кто-то

тогда признался: дано указание приготовить палаты, ждем больных, что-то, выходит, есть.

Мы решили провести бактериологические исследования, созвонились с отделом особо опасных инфекций облСЭС, отправили труп туда. В микроскопических срезах было полно микробов сибирской язвы! И завертелось...

Выяснилось, что в 20-й больнице — вспышка, несколько смертей от поражения легких. Но диагноз другой: пневмония. Вызывают к заведующему облздравотделом Н. С. Бабичу, в Свердловск прилетел из Москвы профессор В. Н. Никифоров. И собравшимся патологоанатомам, судмедэкспертам однозначно объявили: да, это действительно сибирская язва. Мы поверили и принялись за свою адскую работенку.

Всех пораженных людей свозили в 40-ю больницу. По каждому подозрительному случаю в других районах города мы выезжали немедленно. В первые дни в целях безопасности медперсонал глотал антибиотики. Мне пришлось обрабатывать очень много трупов, 42 случая я знаю точно...

Что было потом, когда вспышку победили? Случай-то во всех смыслах уникальный. В высших медицинских кругах (с ведома П. Н. Бургасова) решили по «горячим следам» ЧП подготовить и опубликовать монографию (причем в Свердловске). Запланировали под это дело кандидатскую диссертацию. Занимались ею я и Лев Моисеевич Гринберг, работавший тогда патологоанатомом в тубдиспансере.

Материалы были собраны, мы поехали в Москву, еще две недели работали там, написали. Оставили в том числе и 80—90 цветных слайдов. Морфологическая картина была очень богатой. Но... больше о монографии (диссертации) мы ничего не слышали! Дважды меня приглашали выступить с докладами о ЧП, сибирской язве в Москве (в Боткинской больнице) и в Свердловске, на областном семинаре патологоанатомов. Но оба раза в последний момент я слышала: сообщения отменяются, сибирская язва не относится к числу особо опасных инфекций...

«В память» о тех днях у меня остались именные часы — подарок Свердловского облисполкома — и убеждение, что заражение людей в апреле — мае 1979 года происходило в основном аэрогенным путем.

Татьяна Игоревна КОЗАК, патологоанатом:

— Когда случилась эта беда, специалистов нашего профиля объединили при 40-й больнице. Едва был поставлен диагноз, нам сказали и о том, что заражение сибирской язвой происходит через мясо. Но мои личные наблюдения говорят о другом, многое не укладывается в голове.

Во-первых, среди погибших было много алкоголиков, то есть людей с явно ослабленной иммунной системой.

Во-вторых, я помню двух инженеров — офицеров запаса, проходивших в те дни военные сборы в одной из воинских частей, размещенных в Свердловске. Оба скончались все по той же причине.

В-третьих, умирали люди, совершенно не имевшие отношения к мясу. Путь заражения не пищевой, а воздушно-капельный. Уникальный случай! Откуда? Не знаю...

По этому поводу до сих пор ходит множество слухов. И отчасти, наверное, потому, что в свидетельствах о смерти вместо слов «сибирская язва» мы ставили шифр 022. А если что-то начинается с нуля, то народ убежден: это секретно...

Что это означает?.. А то и значит, что среди большинства населения, равно как и у отдельных общественных деятелей и специалистов, играющих не последнюю роль в своем деле, бытует стойкое убеждение, что ЧП десятилетней давности свердловчанам «подарил» НИИ вакцинных препаратов Министерства обороны СССР, с давних пор разместившийся в 19-м военном городке, в гуще жилого массива города.

На память приходят малоразумительные, туманные публикации нашей печати десятилетней давности. Зарубежные радиоголоса однозначно и прямо называли ЧП в Свердловске выбросом «бактериологического оружия», наши средства массовой информации неуклюже «оборонялись», железно придерживаясь своей позиции: в Свердловске была сибирская язва, люди заразились через мясо, проведен ряд мер по дезинфекции территории, вакцинации (иммунизации) населения, скота, профилактические работы...

Передо мной «Литературная газета» от 6 августа 1980 года. Статья «Бифштекс по-английски и «уральская сенсация» (обратите внимание на рубрику — «Антисоветизм. Как это делается»).

О чем же в ней говорится? В связи с новой волной интереса к «свердловской истории» западные средства массовой информации разразились серией материалов о ЧП 1979 года. Поэтому автор «Литературки» присущими той поре пропагандистскими методами пытается уличить своих зарубежных коллег в некомпетентности, антисоветизме и графоманстве, не приводя сколько-нибудь серьезных аргументов в пользу «сибиреязвенной» версии.

ВИРУС ИЗ ВЕДОМСТВА

Комментарий **Маргариты Ивановны ИЛЬЕНКО:**

— Нет, это была не сибирская язва. Я же профессионал, старый и опытный медик. У больных, виденных мной, были поражены легкие, дыхательные пути. Плюс удивительная скоротечность болезни. С чем же мы имели дело? Мне кажется, с каким-то специально выращенным в определенных условиях микробом. И мне очень жаль, что правда об этом утаивалась с самого начала. Многих последствий удалось бы избежать, ошибок, неправильных действий, страха...

Главный врач НИИ охраны материнства и младенчества **Тамара Федоровна КИРЕЕВА:**

— Мы получали списки улиц района, откуда нам категорически запрещалось принимать рожениц. Еще от нас забирали в 40-ю больницу сестер-анестезиологов, и по своим врачебным каналам мы знали, что туда поступали больные из «зоны» — в основном с поражением легких...

Что это были за списки? Удивительная закономерность: особенно много пострадавших привозили с улиц Сельскоровская (16 человек), Эскадронная, Ляпустина, Полдневая, Военная, Агрономическая (речь идет о 24-й больнице)... Почему? Если посмотреть на карту города, то нетрудно заметить: все эти географические точки находятся... к югу от 19-го военного городка! Особенно из предприятий района не повезло рабочим завода керамических изделий.

Люди вспоминают: ветер в первые дни апреля 1979 года дул преимущественно с севера на юг...

17 февраля этого года в Свердловске произошло, пожалуй, беспрецедентное событие. Коллектив Сектора военной эпидемиологии (СВЭ) — одного из структурных подразделений НИИ микробиологии Министерства обороны СССР, созданного в 1986 году на базе научно-исследовательского института вакцинных препаратов того же ведомства,— распахнул двери своих лабораторий для гражданских лиц. В гости к военным-ученым в 19-й городок были приглашены народный депутат СССР В. И. Шмотьев, первый секретарь Свердловского горкома партии В. Д. Кадочников, представители районных властей, ученые Уральского отделения АН СССР, экологи, журналисты. Состоялись осмотр засекреченного доселе объекта, пресс-конференция. И, конечно же, разговор коснулся событий 1979 года.

Задавался, например, такой вопрос:

— Что представляет собой Сектор военной эпидемиологии, какие задачи он сегодня решает?

— Наш Сектор является научно-исследовательским учреждением Министерства обороны СССР,— ответил начальник СВЭ, кандидат технических наук полковник А. Т. Харечко.— Научная тематика предусматривает решение широкого комплекса вопросов в области противобактериологической защиты. Это разработка средств и методов дезинфекции местности, военной техники, вооружения и различного войскового имущества, средств индивидуальной и коллективной защиты людей от биологических аэрозолей, а также средств быстрого обнаружения вредных веществ в окружающей среде. Проводим также исследования и изучение механизма биоповреждений военной техники, то есть влияния различных природных микроорганизмов на конструкционные материалы этой техники, ибо в природе существуют и технофильные микробы, разрушающие металл, пластмассы...

— Как же расценивать деятельность Сектора в условиях изменившейся в последнее время военно-политической обстановки в мире? Не является ли подобная работа излишней?

— Нет,— возразил Анатолий Трофимович.— Исследования в этой области в западных странах ведутся в широких масштабах, правда, уже не в частных, а не только в государственных лабораториях. И если посмотреть уставы вооруженных сил этих государств, то они по-прежнему предусматривают меры противобактериологической защиты, так что прекращать нам эти работы в одностороннем порядке — неоправданная беспечность...

— Жители Свердловска до сих пор связывают вспышку сибирской язвы весной 1979 года с деятельностью учреждения, расположившегося на территории 19-го военного городка. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Это мнение является глубоко ошибочным. Слухи, которые ходили по городу весной 1979 года о якобы имевшем место взрыве на территории нашего учреждения и выбросе во внешнюю среду возбудителя сибирской язвы, не имели под собой реальной почвы. Прежде всего потому, что мы никогда не имели ничего общего со взрывами. В наших лабораториях просто не было веществ, материалов, процессов, которые бы могли привести к взрыву. Думаю, что эта абсурдная версия получила распространения потому, что большинство людей склонно больше верить в каких-то фантастические вещи, нежели в реальные и естественные объяснения. Сама необычность и трагичность ситуации требовали, видимо, таких же необычных, сенсационных причин. Немаловажную роль сыграли и режим секретности, пресловутые ведомственные интересы.

То, что эта тема вновь поднимается сейчас, как ни печально, скорее всего можно объяснить наличием определенных групп и лиц, которые пытаются добиться признания и популярности, возбуждая у общественности негативное отношение к армии. Это деструктивная политика...

Итак, специалисты Сектора военной эпидемиологии утверждают: выброса возбудителей сибирской язвы с территории 19-го городка отродясь не бывало, какого-либо взрыва — тоже.

Да, слухи среди населения об этом ходили. Но ведь выброс отравы мог произойти и «тихо» — через вентиляцию, например. До 1986 года Сектор, а раньше — НИИ занимался разработкой технологии и производством вакцинных препаратов для защиты войск и населения страны от ряда опасных инфекций. А где вакцина, там и штаммы вирулентных культур возбудителей, которые использовались в лабораториях. В том числе и сибирской язвы.

Настораживает не только это. В первые же дни вспышки медики обратили внимание: среди пострадавших — главным образом мужчины. На пресс-конференции, кстати, сотрудники СВЭ приводили статистику: в ходе ЧП заболели 96 человек. Из них 25 процентов — женщины, 75 процентов — мужчины. Заболел также один ребенок.

Ну, и о чем же все это говорит? В первую очередь о странной избирательности болезни. Она «косила» взрослое, наиболее трудоспособное население, а среди мужчин — возрастные группы от 31 до 40 лет (преимущественно). Чем все это объяснить? Только ли тем, что на керамический завод, скажем, в тот злополучный день привезли для продажи непроверенное мясо? А может, просто вирус, случайно вырвавшийся на волю, был запрограммирован?

Справка:

«Сибиреязвенные бациллы в бульонной культуре в запаянных ампулах сохраняются 40 лет, а споры — 58—65 лет. В сухом состоянии споры сохраняются до 28 лет, в почве — десятилетиями. Они более устойчивы к действию дезинфицирующих веществ. Вегетативные формы при 65 градусах С погибают за 40 минут, при 60 градусах С — за 15 минут, от кипячения — за 1—2 минуты.

Споры же термоустойчивы, выдерживают кипячение на протяжении 15—20 минут. От автоклавирования при 110 градусах они погибают в течение 5—10 минут, разрушаются через два часа от воздействия 1-процентного раствора формалина и 10-процентного раствора едкого натра».

Смотрите. На ликвидацию последствий вспышки были брошены немалые силы. Выше об этом кратко уже говорилось. Но, кроме того, в район Вторчермета были мобилизованы (по-другому, вероятно, и не скажешь) автотранспортные предприятия, служба благоустройства, студенты Свердловского мединститута и т. д., и т. д. В районе 19-го военного городка люди в серо-зеленых защитных костюмах брали пробы грунта. Кое-где, в частности, на месте бывших коллективных садов за «керамикой», снимался верхний слой почвы. Отдельные улицы покрывались новым слоем асфальта. Пожарные мыли крыши, тротуары, большие здания и дома...

М. И. ИЛЬЕНКО:

— Когда вокруг все стали поливать спецраствором (который, по идее, должен был убить остатки сибиреязвенных пор), ситуация, по-моему, опять ухудшилась. После этого снова пошли больные, смерти...

В чем дело? Медики предполагают: к моменту массовых работ по дезинфекции территории района аэрозоль (если принять версию об «утечке»), или так называемая «пыль», уже успел осесть, захорониться. А теперь вновь поднялся в воздух. Дальнейшее понятно. Ничего не подозревающие люди глотали смертельную «пыль», та поражала слизистую оболочку верхних дыхательных путей, легкие. Бронхопневмония — летальный исход...

ЦЕНУ ЖИЗНИ СПРОСИ У МЕРТВЫХ

Не дает покоя вопрос: отчего военные вдруг стали такими общительными? Конечно, сегодня приходится считаться с общественным мнением. Интерес к событиям десятилетней давности в Свердловске проявил народный депутат СССР Г. Э. Бурбулис. А главное — Сектор с 1989 года перешел на хозрасчет. Он мог бы на договорной основе поставлять питательные среды для лабораторий, проводить сложнейшие химические анализы для медиков, стерилизовать инструменты и материалы, заниматься тематическими исследованиями, делать бактериологическую паспортизацию местности, вести экологические наблюдения. Ведь оборудование в СВЭ такое, что гражданским и не снилось!

Но для этого нужны партнеры, необходима безукоризненная деловая репутация, во всех делах надо исповедовать не только выгоду и коммерческий расчет, но и честность, доверие. Это, пожалуй, одна из причин, которая побудила провести в феврале пресс-конференцию в 19-м военном городке.

Однако ни до, ни после нее уверенности в том, что развитие событий весной 1979 года шло именно так, как утверждает официальная версия, по-прежнему нет. Военные, например, недвусмысленно намекают: ЧП — целиком на совести службы СЭС, это из-за ее ротозейства и халатности распространилась сибирская язва.

Что ж, весной 1979 года в окрестностях Свердловска, в Сысертском районе, фиксировались случаи заболевания домашнего скота сибирской язвой. Но можно допустить с той же вероятностью, что эта вспышка совпала по времени с «выхлопом» НИИ вакцинных препаратов и это впоследствии было использовано военным ведомством для собственного алиби.

Автор никоим образом не претендует на конечность своих суждений. Тем более было бы преждевременно и по меньшей мере легкомысленно делать скороспелые и категоричные выводы. Но разговор о трагической истории с «сибирской язвой» в Свердловске так или иначе должен был состояться. Пока же у советского гражданина нет уверенности, что информация, которую ему преподносят официальные инстанции и засекреченные ведомства, объективна и достоверна. Примеры? Судьба Арала, Чернобыль, цепь кровавых, страшно запущенных конфликтов в Закавказье, кровавый апрель в Тбилиси. И где гарантия того, что сегодня мы не сидим на очередной «бомбе»?

Полковник А. Т. Харечко говорит:

«Отработка режимов дезинфекционной обработки проводится сегодня с использованием только непатогенных микроорганизмов. Любые работы с культурами вирулентных микробов в Секторе запрещены. Таких культур нет даже в музейной коллекции СВЭ. Что же касается самих дезинфекционных средств, таких, как перекись водорода, хлорсодержащие препараты, то они используются в таком количестве и в таких условиях, которые полностью исключают возможность их вредного воздействия на окружающую среду. Необходимо добавить, что все работы в Секторе ведутся под постоянным контролем со стороны службы техники безопасности и охраны внешней среды. Все воздушные выбросы и сточные воды контролируются на наличие в них вредных химических веществ в соответствии с общесоюзными требованиями санитарии. Случаев превышения допустимых концентраций таких веществ в воздухе и сточных водах ни разу не было».

Все бы хорошо, но одно смущает: кто все это видел и хоть раз действительно убедился в сказанном? Гражданских в Сектор не допускают. Получается, что А. Т. Харечко контролирует сам себя, никого не пуская за военный забор, и уговаривает: верьте мне.

Не верится.

Частное расследование журнала провел Сергей ПАРФЕНОВ.

Свердловск.

ДОМЫСЕЛ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Комментарий академика АМН СССР П. Н. БУРГАСОВА

Мы уже привыкаем к тому, что иные сенсационные сообщения наших корреспондентов, основанные часто на эмоциональных высказываниях очевидцев трагических событий прошлого, становятся обычными. Может быть, такие воспоминания, о которых в прошлые годы мы не могли говорить полным голосом, в какой-то степени отвлекают нас от сложной действительности нашей жизни и подтверждают необходимость открытых квалифицированных обсуждений и оценок.

Журнал «Родина» — издание публицистическое, не профессиональное медицинское, поэтому полемизировать с Сергеем Парфеновым, проводившим частное расследование событий 1979 года в Свердловске, по специальным вопросам, так же как и опровергать некоторые воспоминания очевидцев-врачей было бы неуместным, поскольку речь идет о гибели многих свердловчан, память о которых жива в семьях.

Журналист С. Парфенов, занимавшийся расследованием трагических событий, поставил своей целью доказать (а может быть, и убедить себя), что вспышка заболеваний сибирской язвой людей была связана с выбросами при взрыве или «тихо», через вентилятор, возбудителя сибирской язвы из лабораторий военного городка. Правда, в одном месте он сомневается, был ли это возбудитель сибирской язвы или «запрограммированный» вирус, избирательно поражавший мужчин, меньше женщин и щадивший детей. Но в одном автор убежден: имела место легочная патология, возникшая при вдыхании бактериального аэрозоля. Сами названия статьи *«Хроника необъявленной смерти»* и подзаголовков *«Официальная версия»*, *«Фальсификация»*, *«Вирус из ведомства»*, обобщающие личные гипотезы автора, художественно оформленные как доказательства, опираются на свидетельские показания очевидцев. Автор в популярной форме излагает медицинские инструкции о правилах захоронения умерших от сибирской язвы, приводит данные по характеристике возбудителя (его устойчивости к физическим и химическим воздействиям).

Одно смущает С. Парфенова — публикации профессора Безденежных И. С. и члена-корреспондента Никифорова В. Н. О себе, «высокопоставленном», я уже не говорю. Поскольку *«спустя два дня — наконец-то! — «наверху» проснулись. На Урал прибыли высокопоставленные руководители Минздрава СССР, в том числе — главный санитарный врач страны П. Н. Бургасов»*. Если отбросить пренебрежительное отношение автора к ученым, чьи доводы его не устраивают, то официально я, как ответственный руководитель организации и осуществления противоэпидемических мероприятий, прибыл на место через несколько часов после телефонного звонка из Свердловска.

С первых же дней этой ситуации непосредственное участие в работе приняли главный эпидемиолог РСФСР профессор И. С. Безденежных, чья компетенция и объективность не подлежат сомнению, и главный инфекционист РСФСР член-корреспондент АМН СССР В. Н. Никифоров с группой специалистов. Только их самоотверженным трудом были спасены многие обреченные больные, сняты испуг и беспомощность персонала инфекционного отделения больницы № 40. Эти лица не фигурируют у С. Парфенова в качестве свидетелей событий, так же как не фигурирую и я — профессионально имеющий прямое отношение к эпидемиологии и профилактике сибирской язвы.

Несомненным домыслом С. Парфенова является утверждение о мобилизации автотранспорта, массовом привлечении студентов мединститута, снятии грунта почвы, мобилизации пожарных команд и милиции, асфальтировании улиц и мытье тротуаров. Все это автором приурочено к мерам борьбы с выдуманным им аэрозолем. Доктор М. И. Ильенко, по свидетельству С. Парфенова, видела, *«когда вокруг все стали поливать спецраствором»*. Каким? Когда и где? Чтобы окончательно раздельаться со «столичными» учеными (имеются в виду профессора В. Н. Никифоров и И. С. Безденежных), С. Парфенов пишет, что они совершенно не знают *«деревенского уклада жизни, психологии крестьянина»*, который, по мнению автора, в марте — апреле не пустит *«под нож домашнюю живность. Никогда!»*. Правда, излагая мнение этих ученых о том, что *«инфицированное мясо послужило причиной заражения людей»*, автор пишет: *«Действительно, такая возможность не исключена»*. Но при этом срочно забывает сказанное и приводит разговор с начальником отдела агропромышленного комитета Свердловской области Валентином Петровичем Ярославцевым, который якобы заявил, что после широких исследований *«источника болезни, вспышки сибирской язвы по линии своей службы мы не нашли»*. Должен огорчить Валентина Петровича цитированием некоторых документов по его службе. Комиссия в составе старшего ветврача экспедиции Главветупра МСХ РСФСР Хромченко Н. Г., старшего ветврача ветотдела Кузнецова Н. В., депутата сельского Совета (он же управляющий отделением совхоза «Абрамцево») Кадникова Н. В., директора Свердловской межрайонной ветлаборатории Кажичина Г. И., зав. отделом Облветстанции Вознесенского Т. У. составила акт (13 апреля 1979 г.— село Абрамово Сысертского района) о том, что на период с 10 по 13 апреля 1979 года были обследованы хозяйства жителей села и при этом установлено, что в 12 хозяйствах имел место падеж овец, коров, телок от сибирской язвы. Все трупы были сожжены.

Та же комиссия 25 апреля 1979 года составила акт о проведении мероприятий по сибирской язве в с. Абрамово Сысертского района. При этом установили (пункт 1): «Заболевание сибирской язвой среди животных с. Абрамово подтверждено экспертизой».

Следователь прокуратуры Орджоникидзевского района г. Свердловска В. Н. Коротаев издал 16 мая 1979 года постановление по уголовному делу № 409806, возбужденному по фактам заболевания отдельных граждан и животных в Чкаловском районе г. Свердловска сибирской язвой. Суть документа следующая: 1. У гражданки Гориной М. И. (поселок Рудный, Чкаловский район) заболели неизвестной болезнью три из шести овец. Больных овец, без ведома ветнадзора, забили 28 марта, 7 и 8 апреля 1979 года. От забитой овцы 28 марта мясо Горина продала местным жителям, а забитых 7 и 8 апреля — семье дочери.

Эпидемиологическим расследованием этого случая установлено, что сама Горина, два ее зятя и отец одного из них, занимавшиеся убоем овец, заболели кожной формой сибирской язвы, четверо купивших мясо и употребивших его в пищу заболели и погибли от кишечной формы (или сибиреязвенного сепсиса). Настаивая на своей неоригинальной версии об аэрозольном поражении жителей Чкаловского района спорами сибирской язвы, автор скрывает, что пострадавшие были не только отсюда: 14 заболевших и умерших не имели к этому району никакого отношения. Странным, не подтверждающим версию автора статьи обстоятельством является благополучие жителей военного городка, примыкающего к военному объекту. Может быть, запрограммированность возбудителя — своих не трогать? Можно, конечно, договориться и до этого. Но для чего? Какие задачи и цель перед собой поставив?

Признавая, что *«в окрестностях Свердловска, в Сысертском районе, фиксировались случаи заболевания домашнего скота сибирской язвой»*, автор выкладывает последний аргумент. Он пишет: *«Но можно допустить с той же вероятностью, что эта вспышка совпала по времени с «выхлопом» НИИ вакцинных препаратов...»* Больше автор добавить уже ничего не смог, завершив повествование напоминанием судьбы Арала, Чернобыля, целью *«кровавых конфликтов в Закавказье, Тбилиси...»*.

Вряд ли есть необходимость дальше останавливаться на каждой строчке статьи, в которой болезненная фантазия автора полностью игнорирует объективные данные. Эти данные коротко сводятся к следующему: 1. Свердловская область относится к территориям, неблагополучным по сибирской язве. В этой связи весь обобществленный скот ежегодно прививается против сибирской язвы, кроме скота частных владельцев, который обычно становится жертвой эпизоотии. Весной 1979 года в сельских районах ощущался острый недостаток кормов, особенно у частных владельцев, которые всеми мерами доставали для добавки в корм мясокостную муку, которая при нарушении технологии производства оказалась зараженной спорами сибирской язвы. Заболевания скота нарушили *«психологию крестьянина»*, который, не дожидаясь падежа животного, забивал его тайком от ветнадзора и, пользуясь исключительным дефицитом мяса в городе, вывозил его для продажи.

Чкаловский район Свердловска является воротами подвоза продуктов из южных районов области, поэтому первыми «обогащались» такими покупками жители этого района. В семьях мясо прежде всего потреблялось взрослыми рабочими, поскольку дети, организованные в коллективы, основное питание получали в детских учреждениях. Население военного городка снабжалось мясопродуктами системой военторга, и попадание непроверенного мяса в этот большой коллектив могло быть только исключением. Приближались первомайские праздники, и нетрудно представить, что заготовка «случайного» мяса в семьях, обеспеченных холодильниками, приняла широкие масштабы.

Следует подчеркнуть, что в качестве меры предупреждения распространения сибирской язвы среди населения города уже с 10 апреля на основных шоссейных дорогах были установлены милицейские посты, которые изымали ввозимое без контроля мясо и сжигали его.

Самой сложной проблемой профилактики явилась кампания изъятия и уничтожения мяса, хранившегося в холодильниках у населения. По этой причине появление больных и смертельные исходы продолжились до 18 мая. По датам заболевания регистрировались в следующие сроки: четвертого апреля — 5, пятого — 5, шестого — 5, седьмого — 7, восьмого — 7, девятого — 6, десятого — 10, одиннадцатого — 9, двенадцатого — 7, тринадцатого — 5, четырнадцатого — 4, пятнадцатого — 5, шестнадцатого — 1, девятнадцатого — 1, до восемнадцатого мая было зарегистрировано 20 больных. Всего было зарегистрировано 96 больных, из них умерли 64 человека, имевшие кишечную (септическую) форму. Срочным вмешательством врачей, руководимых профессором Никифоровым В. Н., при интенсивном лечении удалось спасти 17 человек, обреченных на смерть.

Думаю, вряд ли есть необходимость дискутировать с Сергеем Парфеновым относительно классификации клинических форм сибирской язвы. Легочной формы болезни, при которой возбудитель, размножаясь в тканях легких, выделяется во внешнюю среду при кашле, с мокротой, не существует. За всю историю изучения сибирской язвы никто не наблюдал случаев заражения человека от больного сибирской язвой. Видимо, человек является биологическим тупиком возбудителя. Проникая в кровь и размножаясь в ней (сепсис), возбудитель одномоментно погибает, из его клеток освобождается сильнейший яд — сибиреязвенный токсин, который убивает больного.

Все материалы при многочасовой дискуссии и демонстрации данных, касающихся свердловской трагедии, были доложены нами в США на конференции ведущих специалистов, и с нами согласились. Несогласным остался только Сергей Парфенов. Что делать? Вольному воля.

ОТ РЕДАКЦИИ. *В преамбуле своего комментария на материал С. Парфенова академик П. Бургасов весьма настойчиво и решительно призывает читателя к бдительности: дескать, чего-чего, а к подобным «сенсациям» мы уже попривыкли, к тому же представленная публикация не более как частное расследование журналиста, и сам журнал «Родина» — издание отнюдь не профессиональное медицинское, а потому и относиться ко всему написанному в нем о свердловской эпидемии 1979 года надо соответствующим образом.*

Все так: «узких» специалистов по заявленной теме в редакционном штате действительно нет. Как, впрочем, нет сексопатологов, хирургов, окулистов и проч. ... В своей работе мы полагаемся на житейский опыт сотрудников, их эрудицию и высокие профессиональные качества, логику и элементарный здравый смысл.

Наконец, следует покаяться в главном. Готовя к печати публикуемый материал, редакция ставила перед собой единственную цель: установление истины, какой бы она ни оказалась.

Памятуя о том, что в столь сложном исследовании всякий его пункт требует многократного подтверждения, мы жестко, придирчиво оглядывали с разных сторон каждый называемый факт. Отзыв бывшего главного санитарного врача страны П. Бургасова заставил продолжить эту работу с еще большим тщанием, однако наши с академиком противоречия в оценке тех или иных событий стали оттого еще острее. И об этом стоит рассказать подробно. Как и о вновь открывшемся.

Отстаивая официальную версию, которая утверждает, что заражение людей произошло через инфицированное мясо, купленное у частных лиц, П. Бургасов ссылается на выводы специальной комиссии, работавшей с 10 по 13 апреля 1979 года и установившей случаи падежа скота от сибирской язвы в 12 хозяйствах жителей села Абрамово Сысертского района. При этом обращает на себя внимание такая подробность, отмеченная в акте комиссии: все трупы были сожжены!

Странным обстоятельством, не подтверждающим версию автора статьи, академик называет благополучие жителей самого военного городка, примыкающего к военному объекту. При этом не отказывает себе в удовольствии иронически заметить: «Может быть, запрограммированность возбудителя — своих не трогать?».

Вот уж действительно все это было бы смешно, когда б не так печально! Странным, и даже очень, здесь выглядит другое: заболевшие и умершие люди были и в 19-м городке, и в близлежащем 32-м, о чем Петр Николаевич никак не мог не знать.

Заболевание скота П. Бургасов объясняет добавками в их корм мясокостной муки, зараженной спорами сибирской язвы. Однако В. Белоус, главный ветврач Свердловска, сказал буквально следующее: «Костная мука вырабатывается на Свердловском мясокомбинате, с нею было все в порядке, и с Бургасовым я не согласен». То же самое подтверждает главный государственный ветеринарный инспектор по Свердловской области В. Ярославцев: «В костной муке мы ничего не нашли, Бургасов говорит неверно». Тут же попутно заметим, что костной мукой подкармливают животных не только частники, но и в общественных хозяйствах. И окажись мука зараженной, неминуемо случился бы массовый, повальный падеж скота, чего на самом деле не было.

Чкаловский район Свердловска академик Бургасов образно называет воротами подвоза продуктов из сельской местности. Однако, если взглянуть на карту, станет совершенно очевидным, что везти мясо из того же Сысертского района ко Вторчермету, территории в черте Свердловска, наиболее пострадавшей от эпидемии, крестьянину совсем не с руки: пришлось бы съезжать с прямой дороги, делать изрядный крюк.

Неубедительной представляется и версия о том, будто и на заводе керамических изделий, где заболело и умерло более двух десятков человек, люди пострадали от потребления инфицированного мяса. Муссируется, правда, и другая, параллельная версия: заражение могло произойти и от глины, которую завозят из других регионов страны. Однако экспертиза как мяса, так и глины ничего не выявила. Зато привлекает внимание другое: больше других пострадал трубный комплекс завода, имеющий мощную вентиляционную систему, которая осуществляет забор свежего воздуха со стороны 19-го военного городка. В период эпидемии, когда одно несчастье пошло за другим, с завода уволилось около семисот человек, то есть примерно 30 процентов кадровых рабочих. Для предприятия это был удар не менее ощутимый, чем сама эпидемия...

Совершеннейшим домыслом автора статьи называет П. Бургасов его утверждение о привлечении множества людей и технических средств, с помощью которых велись профилактические работы среди населения, крупномасштабная дезинфекция местности и расположенных на ней объектов. Но ведь это реалии, которые нетрудно подтвердить, справившись о том в соответствующих ведомствах, что мы и сделали. В этих мероприятиях участвовали клинические ординаторы, сандружинники с предприятий, студенты 6-го курса мединститута, пожарники. Мыли тротуары, строения — с крыши донизу. Людям говорили, что проводятся занятия по гражданской обороне населения.

— Уж если заражение пошло через мясо, тогда зачем понадобилась такая «подробная» дезинфекция? — спросили мы у главного санитарного врача области Б. Никонова.

— Ну, вы же понимаете, у людей существуют всякие естественные выделения...

Да, это, конечно же, понятно — про выделения, но чтоб вот так... выделять... до самой крыши — трудно представить.

Кстати, жители микрорайона Никаноровка не без сарказма подмечают, что купаться бы, наверное, а грязи им и поныне, если б не та эпидемия 79-го, когда весь поселок спешно заасфальтировали.

Подытоживая свои рассуждения о причинах и формах заболевания сибиреязвенной болезнью, П. Бургасов разъясняет, что «легочной формы болезни, при которой возбудитель, размножаясь в тканях легких, выделяется во внешнюю среду при кашле с мокротой, не существует. За всю историю

изучения сибирской язвы никто не наблюдал случаев заражения человека от больного сибирской язвой».

Нетрудно заметить, что Петр Николаевич, желая окончательно «разоблачить» С. Парфенова, попросту приписывает последнему слова, которых тот не говорил. Давайте вспомним:

С. Парфенов: «Болезнь протекает по типу тяжелой бронхопневмонии... Чтобы так заболеть, надо, грубо говоря, что-то в себя вдохнуть, то есть микробы, находящиеся в воздухе в «подвешенном» состоянии!»

Академик П. Бургасов, неприметно подменяя предмет разговора, лукаво забывает собственные же слова, сказанные ранее: «Но в одном автор убежден — имела место легочная патология, возникшая при вдыхании бактериального аэрозоля».

А при чем же тут кашель, какая, простите, мокрота?

Всякое чрезвычайное происшествие, особенно с человеческими жертвами, становится, как правило, предметом разбирательства в правоохранительных органах. Однако, как поведали нам в Чкаловском районном народном суде, ссылаясь на слова одного из следователей, ныне покойного, после семьдесят первого смертельного исхода дела были забраны в местное управление государственной безопасности. И хотя комитетчики всячески отрицали это, рекомендуя искать нужные нам материалы в районной и областной прокуратурах, следов документов мы так и не обнаружили. Зато попутно узнали, что на следственных материалах был проставлен гриф «Секретно».

Еще одна примечательная подробность. Первая наша беседа с главным государственным ветеринарным инспектором по Свердловской области В. Ярославцевым не состоялась по причине довольно престранной. Валентин Петрович огорченно посетовал: «За мной тоже ведут контроль, и я... несколько не волен. При обсуждении тех событий надо пригласить сотрудника определенного ведомства». На том и разошлись.

В другой раз, уже через пять дней, В. Ярославцев любезно согласился ответить на наши вопросы. Выдумывать не станем, сотрудника из определенного ведомства в кабинете не было. Зато на столе инспектора стоял магнитофон, который с первой же минуты бесстрастно фиксировал каждое наше слово.

Между прочим, Валентин Петрович удовлетворенно подчеркнул, что благодаря принятым его службой мерам заболевания животных прекратились 13—14 апреля. М-да... А люди заболевали еще и в мае — отчего?

«Не знаю»,— пожал плечами главный ветинспектор области.

Было и множество других встреч, бесед, споров... Наконец, после полученного военными из Москвы разрешения на беседу с журналистами состоялся разговор и в Секторе военной эпидемиологии в 19-м городке.

Никаких новых фактов из уст начальника Сектора А. Харечко мы не услышали.

Тем не менее суть разговора привести стоит.

— Я глубоко убежден,— сказал Анатолий Трофимович,— что именно ведомственные интересы, нежелание некоторых организаций и служб взять на себя ответственность за свои упущения в работе не позволили обратиться за помощью к нам. А возможности у Сектора немалые. И мы бы, смею вас заверить, не крыши мыли, а спасали б людей.

Нет, руки сложа мы не сидели, предлагали и сами чрезвычайной противоэпидемиологической комиссии свою помощь. Но получили отказ. Нам не показали ни единой бумажки, которая помогла бы хоть как-то проанализировать ситуацию. Зато... еще и диагноза точного не было, а уж сразу нашли виновных,— 19-й городок.

«ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

После опубликования в журнале «Родина» интервью с народным депутатом СССР Ельциным Б. Н.[1] в одном из номеров журнала предполагается публикация статьи, в которой в искаженном виде интерпретируется эпидемия сибирской язвы, возникшая в Свердловской области в 1979 году... Статья, не преследующая никакой позитивной цели, может быть расценена как очернительство...

...Публикация статьи, по содержанию противоречащей ранее опубликованным, крайне нежелательна...

Начальник Генерального штаба генерал армии М. Моисеев»

Это письмо поступило в редакцию, когда материал еще в сыром виде лежал на редакторском столе и даже не засылался в типографию. Каким образом он оказался в военном ведомстве — загадка...

[1] «Родина» № 1, 1990 г.

Искусственное солнце

Система облучения растений в теплицах СОРТ-1-10 предназначена для круглогодичного выращивания овощных, цветочных и злаковых культур при отсутствии или недостаточной естественной освещенности (в 0:1 световых зонах).

Применяется в ангарных теплицах и оранжереях, в камерах фитотронов для досвечивания и светокультуры различных растений, находит все более широкое применение в отрасли защищенного грунта.

Аппаратура системы облучения состоит из модуля, в который входят шесть светильников с лампами ДКСТЛ-10000, пульт управления и комплект запасных ламп (18 штук). Один модуль СОРТ-1-10, в зависимости от вида выращиваемых растений, условий их возделывания и района применения, может облучать от 60 до 200 кв. м рабочей площади. Светильники предназначены для стационарной подвески на высоте не менее 3,5 м над уровнем грунта (в зависимости от световой зоны района).

По сравнению с другими системами облучения СОРТ-1-10 обладает следующими преимуществами:

— благодаря компактной конструкции облучателей максимально используется естественное облучение в теплицах, облучатели не создают помех при уходе за растениями и не требуют демонтирования в летний сезон;

— лампы ДКСТЛ не требуют балластных устройств, что обеспечивает значительную экономию электроэнергии (до 20 процентов);

— спектр излучения ламп ДКСТЛ из всех существующих источников света наиболее близок к солнечному спектру в видимой области;

— отсутствует ультрафиолетовое излучение, отфильтрованное легированной кварцевой колбой лампы.

Лампы ДКСТЛ работают в режиме беспрерывного освещения полуторный-двойной гарантийный ресурс, а после этого срока продолжают давать до 70 процентов первоначального светового потока еще не менее одного гарантийного срока. При использовании ламп в режиме непрерывного освещения выделяемого ими тепла вполне достаточно для поддержания в теплицах температуры +20 градусов, что не требует дополнительных источников отопления в зимний период. Лампы ДКСТЛ-10000 имеют воздушное охлаждение.

Техническая характеристика СОРТ-1-10

Питание от сети, В, ГЦ	**380/220, 50**
Потребляемая мощность, кВТ	**65**
Освещенность при высоте подвеса светильников 3,5 м, лк	**до 2000**
Габаритные размеры, мм	
светильник	**1471×406×331**
пульт управления	**566×246×707**
Масса, кг	
светильник	**30**
пульт управления	**60**

За высокие технические и эксплуатационные качества система удостоена диплома на международной выставке «Сельхозтехника-78».

Система СОРТ-1-10 прошла опытную эксплуатацию в Институте физиологии растений АН СССР, в Главном Ботаническом саду АН СССР, Якутском НИИ сельского хозяйства, Мироновском НИИ селекции и семеноводства пшеницы, Булдурском совхозе-техникуме Латвийской ССР, в совхозе «Декоративные культуры» г. Симферополя.

Стоимость системы 6566 рублей.

С заявками на приобретение систем обращаться по адресу: 362031, г. Владикавказ, СО АССР, завод «Гран». (Телефон для справок: 4-04-51).

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА

Исповедь опаленной души

Зачем хранить старые письма? Давно нет человека, который их писал, да и та, что получала (то есть я), не могла не измениться за прошедшие почти полвека. Но стоит коснуться этих истертых листков — и оживает притупившаяся боль, а я опять с удивлением вчитываюсь в строки писем.

...Мы учились в одном классе 44-й школы имени Коминтерна в Ташкенте. Сергей Покровский был на год или два старше остальных, потому что перед тем, как попал в наш класс, около двух лет пролежал, прикованный к постели тяжелой болезнью. Он выделялся среди нас блестящими способностями к физике и математике, стремлением к научному познанию мира.

А потом был Военный институт иностранных языков Красной Армии в Ставрополе-на-Волге, фронт...

Наталья МИХАЙЛОВА

1942 год

Март. Ташкент

Я — не война.
Я — не умею воевать.
Я — не хочу воевать.
Война мне противна.

Я не хочу этим сказать, что будто бы я боюсь войны или смерти. Нет. Это глупости, бояться смерти. Я не боюсь ее.

Но дело вот в чем.

Если бы я любил войну, если бы я чувствовал склонности к военным профессиям, я бы чувствовал себя совсем по-другому; ибо, что бы там ни было, я согласен с тобою, что наша война — справедливая, и я бы пошел воевать без раздумья, без колебания.

Но я не могу переносить этого слова — «война». Я не могу заставить поверить, что это прекрасно или хорошо. Я не могу заставить себя принять существующую кровавую войну как единственный выход.

Я не хочу идти в армию.

Я не хочу работать в тылу для войны. Любая профессия, так или иначе связанная с войной, мне противна. И не потому, повторяю, что считаю эту нашу войну несправедливой, а потому, что чувствую ненависть, отвращение ко всякой войне. И что же я могу поделать, как же я могу заставить себя поверить в какой-то идеал и идти воевать со спокойной совестью, на глупую и безобразную бойню, где крошат и губят миллионы прекрасных людей (о подлецах я не говорю, туда им и дорога; но настоящих людей! Ведь война не разбирается, к т о и ч т о).

Я не могу, Наташа.
Я не могу. Я протестую.
Я не могу...
Глупо, глупо...

Разве так перестраивают общество? Разве так надо бороться со злом? Это все равно, что лечить человека ядом, от которого он сделается калекой, вместо того чтобы употребить более безопасные и верно действующие средства.

«Кровь за кровь» (?) Глупо.

Скажи, «зло за зло» — это принцип, соответствующий человеку? А «кровь за кровь», это не то же?

«Кровь за кровь» — это принцип зверя.

Что делать?

Желая уничтожить подлецов и негодяев, душат миллионы честных людей... а подлецы остаются.

Это все равно, что желать уничтожить несколько вредных книг, уничтожая целые библиотеки.

Разве это война? Разве это «цель»? Разве это благородно? Разве это верно?

ЗЛО НАДО ИСКОРЕНИТЬ.
МИР НАДО ПЕРЕУСТРОИТЬ.
ВСЕ НАДО ИЗМЕНИТЬ.
ЖИТЬ ПО-СТАРОМУ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ.

Да разве так это надо делать?

Разве так нужно приниматься за это?

Да разве грубая сила и звериные чувства, кровь и смерть под штыком или миной есть то средство, что приведет к цели? Неужели вырождается человек? Обращается в «дикаря с автоматом»? Где же УМ человека? Где же то, ЕДИНСТВЕННОЕ, что отделяет его от животного и возвышает над всеми? Где же УМ его, УМ и ЗНАНИЯ, которые сильнее всякой грубой силы?

Бьется, бьется человеческий род в страшных судорогах все сильнее и сильнее. Миллиарды людей, населяющих планету. И живут они разумной жизнью уже тысячи лет. И до сих пор не хватило у них ума, чтобы покончить сразу с этой страшной болезнью. И весь ум

лишь направлен на то, чтобы увеличить и усилить эти ужасные приступы. И они, глупые твари, ждут и верят, что это даст им облегчение.

Не туда нужно ум свой направить сейчас.

ЛИШЬ НАУКА, ЗНАНИЕ И УМ дадут возможность изменить все и найти счастье для людей.

Я ни во что больше не верю.

Лишь в науку, знание и ум.

Все остальное — бред и ерунда.

И уж если даже пошло на то. Если люди озверели и грызутся так, что груды трупов растут с ужасающей быстротой и миллионы дорогих, бесценных, прекрасных, милых, любимых, умных человеческих настоящих жизней гибнет безвозвратно, бесцельно и глупо, то надо все мысли свои направить на то, чтобы впитать в себя все, что можно из завоеваний человеческого ума, и найти верное средство (которое может дать только наука!), которое дало бы возможность одним ударом покончить с этим безобразием.

Все, кто чувствует к науке любовь, все, кто любит ее, все, кто не знает ничего более прекрасного и первостепенного, чем наука, кто желает счастья людям, должны работать без устали, но не для того, чтобы найти новые средства массового умерщвления людей, или средства, повышающие производительность оборонных промышленностей (что делают сейчас все научные работники, «работающие для обороны») (Это противно!!!), а для того, чтобы открыть такую СИЛУ (природы), которая могла бы дать возможность применить ее как могучее, верное и благородное средство, СРАЗУ прекратившее бы всякое умерщвление людей и кровавую бойню, которые называются войною, дала бы возможность изолировать или даже уничтожить всех явных помешанных милитаристов, потерявших человеческий облик, возможность предупреждения в дальнейшем таких преступлений, как война, и не только ее предупреждения, но и предупреждения возникновения необходимости в ней; дала бы средство для быстрейшего, скорейшего и, возможно, более безболезненного освобождения человечества от рабских уз жестокой и несправедливой необходимости беспросветной и удручающей каторжной подневольной работы; дала бы верное средство для приближения радости и счастья.

Я глупый мальчишка. Я невежда и не обладаю большими способностями. Я, может быть, ничего не смогу сделать в своей жизни. Но я весь горю надеждой на то, что я сделаю что-нибудь для этого великого дела. Я хочу, я мечтаю о том, чтобы добиться этой смутно-невидимой, недобытой еще «силы» природы, которая повернет мир к свету и счастью.

Это то, что кажется мне сейчас единственно верным путем, и я хочу пойти этим путем.

Я мечтаю сейчас об одиночестве, о том, как бы вырваться мне из этой сети законов, военкоматов и прочей путаницы и скрыться где-нибудь и быть свободным и учиться, и искать то, что спасет мир.

Да, может быть, это глупо звучит, но я не могу сказать по-другому, ибо ТОЛЬКО ТАКАЯ ЦЕЛЬ ИМЕЕТ СМЫСЛ.

20 мая, Ташкент.

Ты не представляешь себе, как наполняется мое сердце хорошими-хорошими чувствами, возвышенными и нескончаемыми, желанием знания — для одной, для одной-единственной цели,— громадной, гигантской работы — любви к Человеку, ко всем обреченным. Спасти их, дать волю к великой жизни, воспитать их в людей. Наполнить, насытить сердца их стремлением к истине. Заставить их самих убедиться в низости факта войны. Возродить в них человека. **Человека,** Наташа! И не будет войны. Никогда. И зачем она будет нужна, если все одинаково думают. Веру, веру, правду, сознание сеять и сеять в народе. В массе.

12 декабря.

...Да. Надо на фронт. Хорошо — на фронт. Медленно все-таки учимся мы, и конца я, например, пока еще не вижу.

...Надо скорее кончать эту войну. Доконать эту проклятую Германию, этого Гитлера. Навсегда докончить!

Надо сделать что-то такое, чтобы ушло навсегда в глубь веков это полное ужасов время, чтобы прекратилось это чудовищное подавление человеческой личности, человеческих лучших качеств его мощности, его способности.

Человечество во время войны все равно что разъяренная голодная цепная собака у входа в прод. склад, которая так ревниво стережет его, что сама подыхать будет с голода, но не пустит туда спасителя своего, который бессилен накормить и спасти это больное, голодное, страдающее животное. Тысячи людей бьются в тисках войны, бессильные помочь страдающему миру. Надо сорвать с мира-собаки цепи заблуждения. Накормить ее. Вылечить. Спасти, и тогда опомнится она и с благодарностью лизнет руки тому, кто нашел великое и сильное средство порвать эти ненавистные цепи.

...С какой безнадежной нежностью думаю я о том времени, когда будет возможность забыть все сегодняшнее, когда существование твое не будет прерываться терзаниями и опасениями обязательности долга каких-то выдуманных, нечеловеческих, неестественных, противоприродных порядков, уставов, заведений, когда не будет висеть над тобою сознание тяжелого груза обязанностей, порой непосильных и всегда бессмысленных и в самой своей первоначальной, первичной сути и в самом глубоком его корне лишенного значения большого абсолютного мирового смысла.

Что делать? Я с трудом сдерживаю себя от того, чтобы не заниматься математикой и физикой. Может быть, я глупо делаю? Может быть, надо откинуть все соображения и поступать лишь по требованиям души? Не знаю. До настоящего времени хватало сил сдерживаться: лишь немецкий — но жду как выхода из этого натянутого безобразно неловкого положения немецких книжек и учебников по физике, которые как-то стушевали бы эту болезненную разницу между желаниями и требуемым. Кто-то раздобудет их? И раздобудет ли их кто-нибудь? Но жду и надеюсь.

Ладно! Ничего! Пусть!

Не отступим! Лбом колотиться будем о каменные стены, ногти сломаются — заплывши кровью, силы будут иссякать — ничего!

Это все ерунда. Боль — ерунда. Болвзнь и страдания — ерунда перед тем великим и светлым — свободной человеческой личностью — настоящей большой свободной сознательной, разумной части человечества...

1943 год

2 апреля.

...Почти на фронте. Считается, что на фронте. Резерв фронта. Но это еще не то... Недавно здесь были немцы.

...Из института мы пошли сначала до Куйбышева пешком, прямо по Волге. Была еще зима, но морозы уже кончились. Было это месяц назад. Прошли около 100 км. Шли 3 дня. Из Куйбышева ехали до Москвы 3—4 дня. Там явились в резерв НКО и ждали назначения... Москва такая жв будто бы, как я ее прежде видал... Метро четкое, удобное, шикарное. Троллейбусы, и трамваи я проклял — их не дождешься, подводят здорово неискушенного.

...В Москве мне присвоили звание мл. лейтенанта. Из Москвы — на фронт: пассажирским, товарным, пешком и машинами вперемешку. И вот сейчас только добрались до резерва фронта. Ждем назначения.

Когда ехали сюда, впервые увидел немецкие трофейные машины, орудия, патроны, документы, вагоны и пр., пр., горами наваленные исправные и вконец разбитые. Вдоль дороги трупы немецкие валяются.

...Все, что написал,— просто хроника жизни. В душе всякие думы. Но они не идут на бумагу. Не могут.

...Жду настоящего фронта, да никак что-то не дождусь...

30 сентября.

Дорогая Наташа!

Слегка отдохнул. Могу немного написать. Горит коптилка. Мы в хате! Сушимся. Целый день шли под дождем. Не было сухой нитки. Погода пасмурная, осенняя. Обычно мы НИКОГДА не останавливаемся в домах или хатах. Щель, землянка в 3—4 наката — вот наше жилище. А то вместо сна — марш ночью. Это — часто. Немцы отступают. Догонять надо.

...Пишу спустя дней 5. Вихрь событий захватил, оторвал от письма.

Сначала мешал сильный обстрел — артиллерийский и минометный — отчаяннейшая попытка сдержать нас прежде, чем мы нагоним его. Прикрываясь этим сумасшедшим огнем, он вывозит все, а потом вдруг все стихает. Последние автоматчики и минометчики садятся в машины и от немца ни слуху, ни духу — убегает. То же самое было и в этот раз. До вечера пришлось скрываться от снарядов и осколков в траншеях. А потом ночью, когда все стихло, пошли вперед.

Снова впереди нас пламя пожарищ зажженных при отступлении немцев деревень. И опять километры за километрами зашагали наши ноги. Идем и днем, и ночью. Нагоняем его, подхлестываем и опять идем. Только сегодня выбрал минутку дописать письмо.

Между прочим, здешнее население очень приветливое. Крестьяне скрывались от эвакуации немцев по лесам. Сейчас же, как приходим — «вылазиют». Там, где немцы не спалили, очень гостеприимны. Угощают медом, яблоками...

26 ноября.

...Дела идут неплохо. Часто бывает очень радостно за наши успехи, но эти успехи не изменили еще того положения, в котором мы находимся, и угроза неудач, тяжелых положений, тяжелой борьбы, потери жизни и пр. пр. ни на минуту, ни на вершок не удалились от нас.

...Иногда в их газетах встречаются статьи на научные темы, о физике. Тогда перевожу их с удовольствием. Почему у нас таких никогда нет? Как началась война, так и пошло все сплошное военное. Зря.

Да! Как изголодался по учебе! С каким бы наслаждением я сейчас снова взялся за старые книги! За старые знакомые, за знакомые, но непрочитанные, за незнакомые, но желанные. От одной мысли, что это еще возможно, у меня голова начинает кружиться. Почему я так бессилен в своей судьбе? Когда же кончится это насилие над личностью? Ты права, конечно, когда пишешь, что «надо жить, верить, бороться». Только пока это для меня наполовину бесполезно. «Жить» — живу (да и то от меня не зависит). «Верить» — вот это, пожалуй, одно только и выполняю. Пока верю. А «бороться» — здесь понятие растяжимое. Борюсь со своими чувствами и со своими настроениями. А судьба моя сейчас «непоборима». Когда буду свободным, гражданским, тогда можно будет и говорить об этом. А сейчас я сабе не принадлежу.

Но вопрос «когда? когда?» стучит безостановочно в моем мозгу. И это не у меня одного. Сколько страданий сейчас на земле! Целые районы сожжены. Сотни, тысячи деревень разорены. Люди остались зимой без крова, без пищи, без дорогих близких, родных. Горе разлито на тысячи километров ЗДЕСЬ. Горе проникло и в тылы. Да и солдату не легче. Часто условия, в которых он находится, НЕВЫНОСИМЫ, не говоря о том, что лишний шаг — смерть, а каждая прожитая минута — годы. И день и ночь их мозги утомленные, усталые кричат: «когда все это кончится?».

1944 год

2 марта.

Немного ожил. Напали на деревню, где находятся книжки. Прочел еще раз «Воскресенье» Толстого, прочел очень понравившуюся мне повесть Зарина «Дети-невольники» (из записок акробата), обменялся несколькими словами с людьми совершенно других со мною взглядов и...

...Почувствовал себя вдруг снова человвком, который еще может что-то сделать, который еще не окончательно отупел. Почему у меня появилось это чувство, честное слово, не знаю.

Но с характером со своим я ничего не поделаю. Несмотря на все надежды и веру в другое, лучшее будущее, несмотря на то, что мне вовсе не интересно получать от тебя писем, в которых ты возмущаешься моим настроением,— грустные чувства гложут меня.

Как оторвешься хоть на минутку от дела или от компании, как останешься один со своими мыслями, так и поплыли перед тобою мечты-ожидания чего-то (а я уж знаю чего, да и ты знаешь) другого, хорошего.

Я знаю, что зря писать обо всем этом, но ЧТО ПИСАТЬ, если только это и определяет твое настроение?

Наташа! Знаний хочу! Действий хочу! Жизни другой хочу! (Ой, как хочу!).

И все эти слова — пустой звук.

Я жду, надеюсь, верю, но... конца не видать.

Вот мой душевный мир.

А внешне: дела много. Комсомольской работы еще напоручали. Но обо всем внешнем неохота писать. Все это проходит, как во сне. Ну и пускай проходит. Не жалко.

Еще одно маленькое успокоение нашел. Раскопались старенькие учебники физики и химии. Все, правда, знакомое; но даже такое простое «продумывание» и перечитывание старого дает успокоение и хорошее, приятное настроение. Книжки эти — чужие, хозяйские. Если уедем отсюда раньше, чвм я прочитаю их, рискну попросить хозяина продать или подарить. Хоть на некоторое небольшое время будет подспорье.

А о тебе (когда подступают эти думы) думаю всегда с большой и глубокой нежностью. И так и кажется, что увидеть тебя так нетрудно (но увижу ли? И когда? Кто знает!).

Ты прости меня, дурного. Я никогда не претендую на твои чувства. Лишь бы ты была счастлива. Ведь что мы с тобой? Хорошие друзья, и только. Правда? Ну так вот — моя рука всегда будет с тобой, где бы ты ни была и с кем бы ты ни была. Конечно, что сейчас моя рука? — пустой звук. Но если это все из-за сложившейся обстановки, которая изменилась с тех давних пор, то чувства и отношения мои к тебе не изменились. И хотя это и пустой звук сейчас, но это правда.

И поэтому я пишу тебе. Пишу потому, что набегают иногда (хоть и не так часто) минуты излияния собственной правды и охота запечатлеть их для тебя на бумаге. А порою так чувствуешь себя одиноко!

15 марта.

Немного о своих делах. Сейчас мы снова воюем. Первые дни наших боевых операций после всех этих маршей и переходов были какие-то странные. Немцев мало. Отходят сами. А мы их тесним и тесним. И немцы не те, и война не та. Так, ерунда какая-то. Между прочим, перешли старинную дореволюционную границу. Говорят, что это Австрия, а на самом деле гл. обр. поляки, а австрийцев никаких и в помине нет.

...Расскажу немного о двух проведенных днях, чтобы ты знала, как же я все-таки живу...

После завтрака принялся за неоконченную работу — составление описей к делам. Писал часа 3. Занятие это было нудное и скучное. Даже устал от этих бесцельных переписываний. Только успел я это кончить — заходит ст. лейтенант и говорит, что привезли пленного раненого. Сейчас надо начинать допрос. Надо помочь внести его в комнату.

Я выбежал на улицу. На подводе лежал закрытый соломой человек с небритой бородой и бледно-грязным лицом, как у мертвеца. Я даже подумал, что вряд ли состоится допрос, но тут же увидел, что раненый приподнял голову и открыл глаза. Человек был еще жив.

Нас четверо внесли его на палатке в комнату, положили на лавку. Когда его переносили, он несколько раз стонал от боли. Его положили, оставили в покое. Он закрыл глаза и утих. Мы дали ему немного отдохнуть, пока я приготовлял бумагу и карандаш.

И мы начали допрос. Я не буду рассказывать о том, что он передал нам. Замечу только, что, когда мы спросили у него номер полевой почты, он забеспокоился и попросил нас сказать ему, будет ли сохранено в тайне то, что он говорит. Когда мы задали ему вопрос — почему он это спрашивает, он ответил, что очень боится, как бы не узнали о том, что он в плену. Если это будет известно на родине или в части, то его жену обязательно арестуют. В Германии очень часто бывает так, что люди вдруг внезапно пропадают и никогда больше не появляются.

И еще он спросил: нельзя ли как-либо передать его жене, что он жив. Мы ему ответили, что, к сожалению, до конца войны вряд ли он будет иметь возможность сообщить что-либо своей жене. И потом задали вопрос, почему он ничего не спрашивает о себе, о своей судьбе, а спрашивает только о жене. «Потому что прежде всего,— ответил он,— я спросил то, что лежит у меня на сердце».

Он очень многое рассказал нам о военных вещах, очень ценных и очень нужных. А сам он учитель начальной школы. Учил детей писать, читать, считать. Не настоящий немец — австриец. Жил в Вене. Очень любит детей. Дома у него молодая жена, но своих детей нет.

...Допрашивали мы его долго. Я переводил, составлял протоколы, разговаривал с ним. Между прочим, он сказал, что ему очень понятно, что надежды на победу Германии нужно оставить, какая же победа, когда русские уже в Польше.

Спросили, хочет ли он кушать. Он ответил, что если можно немного покушать, то он будет очень благодарен. Ему дали мясного супа с картофелем.

Настал вечер. Подъехала подвода для отправки его в медсанбат. Я разбудил его. Он улыбнулся и сказал, что хорошо поспал (а спал он всего с ½ часа). Я спросил, не хочет ли он кушать. Он поблагодарил и ответил, что не имеет аппетита. «Только пить». Ему дали стакан молока. Он припал к нему своими воспаленными губами и залпом выпил. Потом мы его стали выносить. Снова ему было очень больно, и он стонал. Его положили на телегу, полную сена. На улице было холодно, и он стал дрожать. Пришлось покрыть его своей шинелью, а наверх положить еще сена. Лицо у него снова стало мертво-бледное. На прощанье он протянул мне руку и крепко пожал. Когда телега тронулась, махнул мне рукой из-за сена...

Наконец вернулся из поездки в медсанбат Сутягин, мы поужинали и легли спать. Сутягин рассказал нам, как раненый пленный, когда его вывезли за деревню, показал на отверстие автомата и, указывая на себя, проговорил «пук-пук?» (т. е., очевидно, хотел сказать «расстреляют ли меня?»). Сутягин его успокоил, знаками показав, что тот поедет в госпиталь. Когда его туда привезли, то при прощании он даже поцеловал Сутягину руку.

18 июня.

...Чувства мои — хаос из грусти и тоски по дому, по милым людям, по дорогим занятиям и из жгучей радости ощущения собственной жизни, природы... война — вне меня.

Хотя дело — сплошное военное, и подавляющее большинство часов занято военными вопросами. Из занятий моих преобладающее — только одно — язык. Есть у нас антифашист Бауласккель. Всякое свободное время говорим с ним, и он поправляет мои ошибки, разъясняет неясное. По-русски он не понимает. Это хорошая школа.

Жить, жить и жить... Учиться! Стихи меня больше тянут к себе, чем прежде. В них — чувства не выражающиеся в прозе.

Жить хочу не только я сам, мой организм, но и мои чувства.

Но чувствую себя по себе лишь тогда, когда я один и вне дел. Когда я в пути — на поле, в лесу — один. Хорошо!

А от дел — боль в голове. Канцелярщина. Телефоны. Война. Противник. Наблюдение и пр. пр.

...Самое главное то, что ты меня не забываешь (а я-то уж тебя вообще никогда и нигде не забывал и не забуду).

Ничего! Пожалуй, не так уж много осталось ждать. Чем жестче будут дни, тем лучше. Чем яростнее будут сражения, тем быстрее конец. Чем скорее все это кончится, тем лучше.

И тогда — пан или пропал! Мечты или крах. Середина не прельщает (тем более в теперешней моей оболочке). Противно.

А сейчас все в тумане. (Да он и вообще, пожалуй, никогда не рассеивался с самых первых дней). Дела проходят сквозь руки, в сознании не задерживаются. К чужой стихии привыкнуть трудно. Я-то, во всяком случае, не привык и не привыкну.

Одного хочется — скорее вперед! Потому что жаждем развязки.

Ну а писать — нечего писать.

Когда будет, что писать,— дело не встанет. Пока только коротко — в душе — ТЫ и ТЫ, а остального ничего нет, хотя день мой тесен, а ночь урывками.

Хотелось бы быть веселым, довольным, радостным.

Было спокойнее — было такое чувство (когда оставался один на один с природой). А сейчас все в дыму.

Ну ладно, пока.

Пиши, не забывай

Весь твой С.

Это письмо от Сергея было последним. В июле 1944 года неподалеку от польского городка Санок Сережа погиб, прошитый немецкой автоматной очередью.

НА РАСПУТЬЕ,

ИЛИ КАКОЙ ВЫБОР СДЕЛАЕТ СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Лилия ШЕВЦОВА,
доктор исторических наук

1. КРИЗИС ПЕРЕСТРОЙКИ. КТО ВИНОВАТ?

Пять лет назад мы начали свой путь из пропасти. Конечно, если сравнивать наше общество с тем, чем оно было пять лет назад, прогресс несомненен. Но есть ли радикальные сдвиги в политической структуре, в работе экономических механизмов, в социальной сфере? Увы, изменений здесь очень мало. Сегодня стало ясно, что главный источник неудач — в самой политике перестройки, в попытках обновить партийно-этатистскую систему, не отказываясь от ее глубинной сущности, от основных принципов ее работы. Все новое, что прививалось этой системе, либо ею отторгалось, либо деформировалось до неузнаваемости и продолжало служить ее же потребностям. Попытки перестроить авторитарный социализм, которые неоднократно предпринимались в Венгрии, Польше и Югославии, закончились бесславно. И здесь раньше, чем у нас, в том числе и в марксистских кругах, стало ясно: изменить ход партийной структуры невозможно. Надо создавать новую. Мы же, как обычно, не удосужились извлечь выводы из горького опыта соседей. Не останутся ли наши лидеры-реформаторы на полустанке, с грустью глядя вслед уходящему поезду? Во всяком случае, линия наших руководителей в последние месяцы заставляет сомневаться, что они смогут вскочить на подножку. Впрочем, уже ближайшее время даст ответ на этот вопрос.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАЛИТРА

Пока страна все еще стоит на перепутье и решает, что ей делать и куда идти. Вперед? Назад? Продолжать перестройку? Ни один из этих вариантов развития не исключен. Причем за каждым из них стоят определенные силы.

Взглянем на палитру нашей политической жизни. Очень динамичное поле «слева» — множество новых организаций, партий, течений. Но все они пока в состоянии броунова движения. Расплывчатость платформ, слабость социальной базы и самое главное — отсутствие смычки с массовыми отрядами трудящихся, рыхлость объединительных связей. Да, в период последних выборов демократам удалось консолидироваться в некоторых городах, в первую очередь в Москве и Ленинграде, получить большинство в Советах. Но сегодня мы видим, сколь непрочен их союз, как расшатывают его мелкие противоречия.

А что происходит «справа»? Еще вчера казалось, что сталинистские и неосталинистские силы если не разбиты, то по крайней мере находятся в нокдауне. Но как же мы недооценивали их способность к самовыживанию и защите! Создание партии аппарата — РКП, а затем использование XXVIII съезда КПСС для сохранения позиции номенклатуры — только одна из акций, но может быть, самая значительная на этом пути. До нее уже были другие: формирование Объединенного фронта трудящихся с целью подчинить своему влиянию хотя бы часть рабочего класса; создание крестьянского союза — настоящей партии советских помещиков, призванной помешать реформам в деревне. Судя по всему, номенклатура пытается использовать идею плюрализма в своих интересах, чтобы подорвать позиции демократов, отбить у них массы.

Если демократы все еще мучаются в поисках путей для объединения общества, то у «правых» он найден — примитивный эгалитаризм на классовой закваске и откровенный национализм (и притом необязательно русский). В каждой республике местная партократия использует свой собственный национальный жупел. Мне лично еще недавно казалось — не может быть у неосталинистов серьезной социальной поддержки; думалось, что они генералы без армии. Но тут послушала я наших социологов, присмотрелась к тому, что происходит вокруг, и поняла: нельзя недооценивать степень люмпенизации нашего общества. Отсутствие всяких традиций политической и гражданской культуры становится почвой произрастания нового авторитаризма, причем в еще худшей версии, чем, скажем, авторитаризм брежневского типа. Нельзя в этой связи не видеть перестановок, происшедших в рядах неосталинистов. Первая линия защитников — партаппарат. Кое-где он терпит поражение, и на его место выдвигается вторая линия — представители военно-промышленного комплекса, то есть те, в чьих руках находится немалая доля реальной власти.

Либерально настроенная интеллигенция в своем кругу часто спорит: насколько опасна нынешняя консолидация «правых»? Можно ли говорить об угрозе контрреформации или контрреволюции? Некоторые считают, что это пустое: и что мы якобы наблюдаем последние судороги издыхающей системы. Думаю, однако, что рано еще сбрасывать фундаменталистов со счетов. Основной пакет власти в нашем обществе принадлежит пока им.

Конечно, полностью исключить угрозы военного путча «правых» нельзя. Ведь недаром же в этой связи постоянно муссируются имена некоторых молодых и не совсем молодых генералов. В армии уже идет процесс формирования демократической фронды — из лейтенантов, капитанов, майоров. Их представителей мы видели в новых парламентах. Они свой выбор сделали, и генеральские погоны их не страшат. Вспомним, что подобная когорта военных совершила демократическую революцию в Португалии. Так что заставить сегодня армию повторить Новочеркасск — дело непростое. Особенно трудно ее будет использовать против демократических сил и рабочего движения в России. Попытаться же толкнуть армию на путь гражданской войны могут. Если консервативная часть армейских чинов «возьмется за дело», то произойдет неосталинистский переворот. Но что-то их сдерживает. Только ли опасения, что армия за ними не пойдет? Может быть, отсутствие окончательной договоренности с аппаратом, с КГБ? Или неясность относительно фигуры возможного бонапарта?

Сознает ли Президент опасность со стороны армейских консерваторов, или он надеется ее нейтрализовать, полагаясь на свое искусство тактика?

Политизация армии может привести к размежеванию в ней на демократов и реакционеров, а впоследствии обернуться всем чем угодно. Дело, видимо, не столько в их силе, сколько в сохраняющейся пока слабости и разрозненности демократов. Давайте скажем прямо: угроза правого переворота (военного либо гражданского) в советском обществе существует, и сейчас она острее, чем в предыдущие годы. Но одновременно задумаемся: а на что могут надеяться потенциальные кандидаты в диктаторы? Как они надеются управлять распадающимся обществом, начиненным взрывными страстями, разрушенной экономикой? Тысячу раз прав был Горбачев, когда он сказал: «Никакая диктатура ничего не решит». Но все-таки надо быть начеку.

А что же центр? Есть ли он в нашей жизни, или отсутствует? Есть, конечно, и он представлен Горбачевым и его командой, как это принято сейчас говорить. В сложные исторические времена, в моменты переворотов умение лидеров занять центристскую позицию (вспомним де Голля и Черчилля) позволяло предотвратить раскол общества, облегчало сохранение его стабильности. Так почему же Горбачева сегодня и у нас, и за рубежом все чаще упрекают в центризме? Приведу лишь одно мнение на сей счет. «Я считаю ошибкой Горбачева то, что он пытается играть роль центра,— сказал мне как-то Р. Легволд, директор Гарримановского института по изучению Советского Союза.— В этом случае он оказыва-

ется под двойным огнем». Сейчас вижу, что прав был Легволд. Все дело в том, что порой привычные западные схемы у нас не срабатывают, а бывает, что приводят и к совершенно иным результатам.

Горбачева постоянно атакуют с двух сторон. «Правые» критикуют за то, что он сделал. «Левые» за то, чего не сделал. Центризм Горбачева на поверку чаще всего оказывается мнимым. Может быть, и помимо его воли. В сравнении с развитыми странами в советском обществе нет соответствующей социальной базы, каковой обычно является средний класс, отсутствуют и традиции диалога, умеренности, компромиссов. Но мы хорошо поднаторели в другом — в искусстве непримиримой борьбы, «стенка на стенку». Вот и получилось, что при отсутствии центристского движения наши руководители в поисках социальной поддержки вынуждены сдвигаться в сторону. В противном случае они рискуют оказаться в вакууме. Мне кажется, что гораздо чаще они сдвигались «вправо», чем «влево». Или я ошибаюсь?

Есть еще один момент, который делает центристскую политику именно в данный момент и именно в СССР уязвимой. Переход к новой общественной системе предполагает обрубание концов и связи с прошлым. И тогда такая политика превращается в препятствие, осложняет движение вперед.

Конечно, представленная выше схема политической жизни в советском обществе упрощена. Учтем тот факт, что среди «левых» и «правых» есть свои деления на радикалов и умеренных. Если в «левом» лагере такие деления проявились уже давно, то на «правом» фланге обозначились только недавно. Предпринятые, в частности, на Учредительном съезде РКП попытки фундаменталистов взять инициативу в свои руки, думаю, сыграли свою роль и оттолкнули умеренных, во всяком случае, напугали их. Таким образом, на поле «справа» тоже не все однозначно: наряду с консолидацией самых ярых и активных неосталинистов вырисовывается умеренное крыло, не желающее быть в одной упряжке с «динозаврами». Это как раз тот случай, когда поляризация полезна.

Наличие умеренных сил с той и с другой стороны может облегчить предотвращение гражданского противостояния, к которому двигается наша страна. Но вот вопрос: насколько последовательны правоцентристы, не сомкнутся ли они при первом же удобном случае с «крайне правыми»? И способны ли к диалогу с ними «левые» — тоже пока неясно.

Интересна расстановка сил и в отдельных республиках. Она неоднозначна. В Прибалтике борьба за независимость привела к победе сил, в политике которых пока преобладают радикально-демократические элементы. В зависимости от ряда обстоятельств здесь может усилиться националистический фактор. А это уже консерватизм, правда, в иной упаковке. В ряде других республик мы видим такое явление — под прикрытием лозунгов о суверенитете и независимости, используя национально-патриотические движения, местная партократия пытается сохранить свою власть.

Но, по-видимому, то, как пойдут дела на местах, в отдельных республиках, во многом зависит от ситуации в России. Драматизм положения здесь заключается в том, что ни одна из оформившихся политических сил не может пока окончательно стать хозяином положения. Многое зависит от того, на чью сторону сегодня встанет центр, то есть Президент и его окружение. Пришло время «исторического компромисса». И правы все те, кто считает, что поворот, по крайней мере России, зависит от создания левоцентристского блока, то есть союза Горбачева с «левыми». Но для этого требуются встречные шаги с обеих сторон, отказ от взаимных обид. Возможно ли это? Время, которое отпущено для создания левоцентристского блока, к которому призывает вся наша интеллигенция, постепенно уходит. Или уже ушло? Завтра этот блок окажется невозможным, и тогда наступит сдвиг центра «вправо»?

3. У КОГО ВЛАСТЬ?

Итак, расстановка сил в стране остается архисложной. Где реально концентрируется власть — в партийных структурах, в парламенте, в Президентском совете, в руках самого Президента? Кому принадлежит власть на местах? Ответить на эти вопросы однозначно уже нельзя. Сейчас в нашем обществе одновременно можно выявить ситуации и единовластия, и двоевластия, и безвластия. На значительной части территории страны еще удерживают власть, вернее, пытаются ее удержать, партийные структуры. В Москве, Ленинграде, Львове, Кузбассе, Донбассе начали действовать Советы либо стачечные комитеты. В Прибалтике власть уже перешла к новым силам, стоящим на некоммунистической платформе. И, наконец, все чаще можно встретить ситуацию, в которой трудно, а иногда и невозможно определить, кто же реальный субъект власти. Старые структуры уже не управляют, а новых пока нет либо они слабы. Это не только мое наблюдение. Об этом же писал публицист В. Селюнин. Прямо скажу, опасный момент. Ибо власть, повисшую в воздухе, может подхватить кто угодно. Вспомним, как это сделали большевики в 1917 году. Дай-то Бог, если преувеличиваю. Но ведь углубление анархии подтверждает этот вывод.

Мы еще не осознаем всего могущества *создаваемых* десятилетиями «теневых», подспудных структур власти, заменивших у нас все естественные общественные отношения. Невидимые и никем не контролируемые, они опасны вдвойне. Вспомним, чем закончилась попытка генерал-майора в отставке О. Калугина предупредить общество о сохраняющейся смычке партии и КГБ (а ведь мы и сами догадывались). И что в результате? Указ Президента о лишении Калугина всех его званий и наград. Чтобы другим неповадно было. Как видим, и Президент не устоял. Это ли не доказательство влияния нелегальных структур власти? Почти как в Румынии. Чаушеску расстреляли и компартию распустили. А власть людей секуритате как была, так и остается, продолжая сковывать души леденящим страхом. Да, нелегким будет процесс окончательного разрушения этих структур и у нас.

Меня, правда, могут упрекнуть, что я забыла о президентстве. Помню, еще недавно мы горячо спорили, нужно ли вводить пост Президента и не станет ли это шагом к диктатуре. Да, институт президентства оказался у нас уникальным. В отличие от цивилизованных стран в советском обществе нет никаких противовесов на пути возможных авторитарных тенденций. По существу, именно в годы перестройки и создана правовая основа для нового режима культа, причем даже более мощного, чем прежде. Хорошо, что мы сейчас имеем в должности Президента Горбачева. А если будет кто-нибудь другой?

Признаем в то же время, что наш Президент не использует свои полномочия, даже когда это необходимо. Либо использует их с большим запозданием, либо бросает на весы весь свой авторитет для того, чтобы поддержать заранее проигрышное дело (как это было с поддержкой проекта экономической реформы, предложенной правительством Рыжкова). Думаю, что очень скоро мы будем опять жалеть: какие шансы упущены! Ведь пока власть была в одних руках, можно же было совершить радикальный поворот. Но этого не произошло. Почему? Либо власть была эфемерной, либо Горбачев оказался заложником более могущественных сил, которые и правят бал. А может быть, он стал заложником собственных стереотипов, идеологических ограничителей, боязни оторваться от прошлого? Вспомним, как в один из драматических моментов полемики с «правыми» он с горечью воскликнул, что все мы из прошлого! Да, действительно все, но все в разной степени.

Есть, конечно, и позитивные моменты. Я имею в виду даже не создание, как выразился народный депутат СССР И. Заслаеский, «архипелагов демократии», то есть зон, где власть берут Советы во главе с демократами. Вряд ли можно что-то изменить существенно в отдельно взятом районе или городе. Я имею в виду другое — провозглашение суверенитета России и создание ее самостоятельных органов власти. В принципе это может означать поворот в обновлении СССР. Речь идет о формировании нового сообщества независимых государств на основе прямых горизонтальных связей отдельных республик с Россией. Этот процесс уже начался. А какова в таком случае роль центра? Так как в подавляющем большинстве союзных республик уже доминируют тенденции если не к отделению, то к суверенитету, вскоре центр может превратиться в институт английской королевы, которая царствует, но не правит. Уже сейчас союзные органы — и парламент, и правительство — напоминают декорацию. Так что российские органы могут стать новым средоточием власти. Но как бы опять не перегнуть палку. Содружество наций, которое начинает формироваться на основе распадающегося СССР, будет нуждаться в координационном органе. Ибо где-то надо же разрешать возникающие между новыми государствами проблемы (не забудьте о вопросах безопасности, охраны границ, международного сотрудничества).

Но на пути этого варианта развития опять-таки много «если». Несомненной победой демократов было избрание Б. Н. Ельцина руководителем российского парламента. И взятая им *линия* говорит о правильности выбора. Но сумеют ли российские депутаты подняться до осознания необходимости

радикальных перемен или будут блокировать их проведение? А последнее очень возможно.

Да и Российская Компартия, равно как и КПСС в целом, уж постарается, чтобы демократы легкой жизни не имели. Поэтому в этих условиях, возможно, целесообразнее было бы избрать Ельцина Президентом, но избрать всенародно и на ограниченный срок — не более двух лет, как это сделали в Чехословакии. Это должно дать ему свободу маневра для проведения радикальной политики. А что касается российского парламента, то его надо переизбирать досрочно, уже на многопартийной основе. Все это предстоит, и довольно скоро.

А пока самое важное — избежать конфронтации между российской властью и *союзным* центром (не забудем, что в его руках и армия, и контроль за ресурсами), которая может быть губительна для всех. «Правые», видно, только и ждут этого.

4. КАК ПЕРЕХОДИЛИ К ДЕМОКРАТИИ ДРУГИЕ

Итак, один этап развития себя исчерпал, а второй еще не наступил. Мы пока топчемся в тамбуре. И сейчас особенно остро возникает проблема концепции перехода к новому обществу.

Нам предстоит выбираться на дорогу, по которой идет все человечество, и почему бы не отбросить наши притязания на неповторимость и исключительность, почему бы не оглянуться вокруг и не посмотреть, как другие страны переходили от авторитаризма к демократии. Мир накопил немалый опыт таких переходов, причем уже в послевоенный период. Одни страны переходили к демократическому правлению под контролем внешних сил, как, например, Западная Германия. Другие самостоятельно, но в ходе революции, как Португалия. Либо мирным путем, при содействии здравомыслящей части самих авторитарных сил. Так было в Испании. Кое-где инициативу перехода взяли на себя прогрессивные круги в армии, как в Греции. Несмотря на все своеобразие этого движения, в нем проявились и определенные общие черты.

Практически во всех странах вставал вопрос: как переходить к демократии — революционным или реформаторским путем? Кстати, эта же проблема возникла в Восточной Европе. Некоторые страны, в частности Венгрия и Польша, перешли к строительству новой системы мирно, в ходе консенсуса различных сил. Другие — ГДР, Чехословакия — в ходе народных движений, пусть и имевших мягкие формы. В СССР была сделана попытка реформирования «сверху». Она, как мы видим, оказалась неудачной. Процессы перехода от авторитаризма к демократии и в Европе, и в Латинской Америке позволяют сделать вывод о новом типе общественных преобразований. Его невозможно втиснуть в рамки привычных понятий «реформа» и «революция». Там, где все начиналось с массовых движений, затем понадобился ряд реформ. Там, где начиналось с реформ, потом потребовалось придать им революционное *со*держание. Западный политолог Т. Эш в этой связи придумал даже слово «рефолюция».

И еще одна проблема: какая форма власти более эффективна в переходный период — президентская или парламентская? Как показывает практика, президентство обычно обеспечивает бо́льшую стабильность, но одновременно ограничивает демократизм преобразований. Парламентская система, в свою очередь, более демократична, но может замедлить выбор варианта развития.

Вот еще одно условие успешного перехода к демократии — лидер. Во всех странах, в то или иное время проделавших этот путь, наполовину, если не больше, успех обеспечивала личность, стоявшая во главе государства. И вот что показывает мировой опыт. Люди, свой основной путь прошедшие при прежних режимах, оказывались неспособными возглавить быстрые и радикальные преобразования. Там же, где во главе общества встали, по существу, молодые люди, например, в Испании, удалось добиться разрыва с прошлым.

Нам предстоит проделать то, что в мире до сих пор не делалось,— преобразовать партийное государство и директивную экономику. Все западные, латиноамериканские, азиатские, наконец, страны шли к демократии, уже имея рынок. А правовое общество, политический плюрализм воздвигались уже на его основе. У нас и в Восточной Европе все наоборот (таково следствие социалистического развития — по перевернутой схеме): вначале мы встали на путь гласности, демократизации. И только теперь подходим к формированию рыночных отношений. Создавать их приходится в до предела политизированном, накаленном распределительными страстями обществе.

Ряд стран, думается, уже прошел первую, весьма ответственную фазу на пути создания новой общественной системы. В Венгрии, Польше, Чехословакии, ГДР закреплены механизмы плюралистической власти, сделаны важные шаги к рынку. Что же мы можем извлечь из опыта этих стран? Первое и основное — нет смысла продлевать жизнь структур и организаций, принадлежащих иному времени, другой эпохе. Это относится к партийно-этатистской системе в целом, но в особенности к марксистско-ленинской партии — становому хребту этой системы. Остановимся особо на проблеме партии.

Польские, венгерские, чехословацкие, немецкие коммунисты пытались преобразовать свои партии неоднократно, но без видимых результатов. Впрочем, результат был, но противоположный ожидаемому — безуспешные усилия превратить компартии в действительно демократические организации лишь привели к дискредитации в обществе социалистической идеи, усилили разочарование и даже враждебность достаточно широких слоев по отношению к самим коммунистам. В марксистских кругах этих стран появилось убеждение в том, что бессмысленно реставрировать организацию, *от* которой общество отвернулось. Необходимо создавать новые «левые», социалистически ориентированные партии. И только у нас (если не считать Кубы да азиатских стран социализма) продолжаются энергичные попытки сохранить компартию традиционного типа. Известно, к чему это может привести. Хотя создание «левых» парламентских партий в восточноевропейских странах тоже идет медленно. И они пока никак не могут завоевать массовую поддержку. В этой связи один из наших руководящих деятелей даже не без ехидства заметил: «Вот вы все о парламентской партии. В соседних странах компартии преобразовались в такие партии. И что толку? Все равно проиграли». Но ведь это произошло потому, что решились они на такой шаг слишком поздно.

Скажем честно, что и социал-демократизация «левого» движения дается трудно. Не так-то легко вчера быть марксистом, а сегодня стать социал-демократом. Да и массам еще предстоит доказать, что создание новой партии не простая смена вывесок. Главное, пожалуй, не в этом. Социал-демократия — это, по существу, продукт зрелого общества всеобщего благоденствия, в котором есть что распределять. Для развития нормальных социал-демократических партий необходима соответствующая социальная база, то есть средний класс, рабочая аристократия. Нужны традиции соучастия масс в управлении производством; навыки компромиссного решения политических проблем. А каковы могут быть социал-демократия и ее роль в обществе, где всего этого нет, но есть дефицит и популистские устремления? И все же это наиболее перспективное движение «левых» сил.

Конечно, нельзя не видеть и различий между СССР и Восточной Европой. Там все же сохранились остатки гражданского общества, определенные ниши, в которых продолжали развиваться традиции альтернативного мышления. Все это сделало возможным быстрое развитие оппозиции. И сам этот факт приобрел не разрушающее для общества (как привыкли думать об оппозиции у нас), а совсем наоборот — стабилизирующее значение. В восточноевропейских странах власть выпала из одних рук, но ее тут же подхватили другие, и развитие продолжается без национальных трагедий и потрясений. Иное дело в СССР: одни эффективно править уже давно не могут, а сумеют ли это делать другие?

Да и расстановка сил у нас совсем не способствует радикальным реформам, особенно в экономике. В большинстве стран Восточной Европы выросло свое поколение лидеров, ставящих целью восстановление общецивилизационных структур. В советском же обществе поле «справа» заполнено махровыми партийными ортодоксами. Как слабы у нас альтернативные, несоциалистические ориентации! Мы все еще бьемся в весьма жестких рамках одного ви́дения общественного развития. Пока мы не взрастим наших собственных неоконсерваторов и либералов классического типа, перейти к созданию настоящего рынка и правового государства не удастся.

Рискну здесь сделать еще одно замечание. Думаю, действительно неплохо, что сегодня в ряде стран Восточной Европы у власти оказались «правые» (подчеркиваю: в западном значении этого слова). Объективно это хорошо для «левых» сил, ибо обладание властью никогда не способствовало их критической оценке самих себя. Только переход той или иной организации в оппозицию создает стимул для переоценки ценностей, для поиска новых средств своей актив-

Окончание на стр. 96.

Левее левых

Письмо лидера партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) Марии Спиридоновой в ЦК большевистской партии было написано в Кремле, где она находилась под арестом, и датировано ноябрем 1918 года. В начале 1919 года письмо было опубликовано партийной левоэсеровской прессой. Можно посчитать злой иронией, что в этот критический период психически неуравновешенная и истеричная Спиридонова оказалась вождем левых социалистов-революционеров. Осужденная в 1906 году за убийство, она вступила на каторге в эсеровскую партию, была освобождена февральской революцией и немедленно включилась в политическую жизнь. Вместе с Камковым и другими эсеровскими лидерами она усердно работала над осуществлением раскола формально единой партии эсеров, возглавив ее левое крыло, а затем и отделившуюся партию левых эсеров. При этом почти во всем Спиридонова шла за большевиками, а потому устраивала Ленина, не видевшего в ней серьезного политического противника.

Непосредственной причиной для открытого письма Спиридоновой большевикам был разгром партии левых эсеров 6—7 июля 1918 года. Документ этот — еще одно доказательство того, что «восстания левых эсеров» не было, что замышлялось только убийство германского посла Мирбаха, «а другого ведь ничего и не готовилось».

6 июля, вскоре после убийства Мирбаха, Спиридонова прибыла в Большой театр, где заседал Пятый съезд Советов, и вручила секретарю ВЦИК большевику Аванесову письмо с объяснением смысла убийства германского посла. Поездка Спиридоновой была предварительно одобрена на заседании левоэсеровского ЦК. Левые эсеры посчитали, что Спиридонову большевики тронуть побоятся и конфликт будет исчерпан. Ленин же воспользовался убийством как предлогом для разгрома ПЛСР.

Не только не было «восстания левых эсеров», не было и «акта ЦК ПЛСР», поскольку, например, член ЦК ПЛСР Александрович о планируемом убийстве Мирбаха ничего не знал вплоть до последней минуты,— вот вывод, который напрашивается сам собой из письма Спиридоновой. Был заговор одних членов ЦК ПЛСР (добавим: при участии ряда членов ЦК большевиков, безусловно, Дзержинского, а вероятно, еще и Бухарина с Пятаковым) втайне от других членов ЦК ПЛСР с целью убийства германского посла Мирбаха. Но — «вышло все не так», как планировали заговорщики. Партию левых эсеров разгромили. Расстреляли члена ЦК ПЛСР и заместителя Дзержинского Александровича. Арестовали Спиридонову. Все, что оставалось ей теперь,— анализировать причины поражения. И она пыталась сделать это в своем письме.

Она красочно описывает «подлую и гнусную травлю» большевиками левых эсеров. Но все-таки забывает указать, что до 6 июля 1918 года ПЛСР вместе с большевиками столь же «подло и гнусно» травила все партии, стоявшие правее. Она распинается в преданности революции и Интернационалу, но отмежевывается от меньшевиков и эсеров (последних она упоминает лишь с маленькой буквы и в сокращении, в то время как про свою партию — прописными и полностью: «Левые Социалисты-Революционеры»). Не упоминает Спиридонова и о разгоне несоветских крестьянских организаций. А если и возмущается чрезвычайками, то отнюдь не за их террор против «контрреволюционеров», да и тут переваливает на большевиков всю вину, не деля ее с ними. Между тем в Коллегии ВЧК из 20 человек 7 были левыми эсерами, в том числе два заместителя Дзержинского — Закс и Александрович. Трудно подвергать сомнению заявление Спиридоновой, что Александрович неоднократно просил ЦК ПЛСР отозвать его из ВЧК. В то же время именно Закс зачитывал во ВЦИК доклад о разгроме анархистов в ночь с 11 на 12 апреля. Нельзя не поддаться эмоциональному настрою письма, например, в той его части, где Спиридонова осуждает убийство «тысяч людей... в истерике... из-за поранения правого предплечья Ленина». По общечеловеческой склонности доверять мы могли бы не отождествлять левых эсеров с этим террором, если бы газета «Известия» не оставила нам противоречащего письму Спиридоновой документа и не опубликовала 1 сентября 1918 года резолюцию ЦК ПЛСР от 31 августа с призывом к красному террору «против всех империалистов и прихвостней буржуазии». В резолюции, в частности, говорилось:

«Слугами буржуазной контрреволюции ранен Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин. Мы, стоящие на крайне левом крыле революционного социализма, считающие террор одним из способов борьбы трудящихся масс, будем всеми силами бороться против подобных приемов, когда они имеют целью удушить русскую революцию... Покушение на Ленина — один из таких эпизодов контрреволюционного падения, и на такие попытки контрреволюции трудящиеся массы должны ответить встречным нападением на цитадели отечественного и международного капитала...»

С точки зрения левых эсеров, партия большевиков была недостаточно революционной и радикальной; истинными революционерами, «стоящими на крайне левом крыле революционного социализма», были левые эсеры, а не большевики. В этом главный смысл и резолюции ЦК ПЛСР от 31 августа, и ноябрьского письма Спиридоновой. В этом же заключалась и суть разногласий между большинством большевистской партии и левыми эсерами в вопросе о Брестском мире. Первоначально поддержав точку зрения Ленина, Спиридонова со временем, под влиянием большинства своей партии, заняла более радикальную позицию. Именно с целью изменить советскую политику в отношении «германского империализма» экстремисты из ЦК ПЛСР в союзе с левыми коммунистами (большевиками) пошли на убийство Мирбаха.

Менее радикальное, если судить по письму Спиридоновой, отношение левых эсеров к красному террору следует считать во многом тактическим ходом, предпринятым для увеличения популярности партии среди «советских избирателей». Кроме того, выступать против большевистского террора в ноябре 1918 года заставлял левых эсеров и запоздавший инстинкт самосохранения.

Несколько труднее разобраться в разногласиях большевиков и левых эсеров по крестьянскому вопросу. Существо проблемы заключалось в том, что большевики никогда не имели опоры в деревне, а в крестьянских Советах доминировали несоциалистические группировки часто вообще беспартийных крестьян. Большевистско-левоэсеровский блок как раз и был с успехом использован левыми эсерами для широкого проникновения в деревню, где их функционеры в Советах постепенно оттеснили на только беспартийных, но и «правых» эсеров. Пока сильна была оппозиция «справа», большевиков вполне устраивало меньшее зло — господство ПЛСР в сельских Советах. Соответственно обе партии осуществляли общую крестьянскую политику. Большевики проводили в жизнь эсеровский «Декрет о земле», а левые эсеры полностью поддерживали так называемую монополию хлебной торговли. Они готовы были поддержать и декрет СНК от 19 мая 1918 года «О продовольствии», позволявший городу беспощадно грабить деревню, выступая лишь против диктаторских полномочий, предоставленных декретом наркому продовольствия большевику Цюрупе. 20 мая во ВЦИК они поддержали Свердлова, выступившего с предложением «восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии», т. е. начать в деревне гражданскую войну. 26 мая, на Первом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, левые эсеры указали на опасность «сельского кулачества», которое «может ощетиниться». Наконец, 11 июня 1918 года при обсуждении во ВЦИК декрета СНК об организации в деревне Комитетов бедноты левые эсеры, хотя и выступили против образования комбедов, голосовать против самого декрета не стали, а предпочли в голосовании не участвовать.

Между тем принятый по инициативе большевиков декрет об организации в деревне Комитетов бедноты имел своей целью ослабление власти сельских Советов, в которых доминировали эсеры, левые эсеры и меньшевики. Исключив через три дня из числа легальных советских партий меньшевиков и эсеров, большевики смогли направить всю энергию на то, чтобы лишить власти находящихся на местах левоэсеровских функционеров, заменяя их собственными функционерами из новообразованных комбедов. Разгромив после 8 июля и весь левоэсеровский актив, большевики установили в России однопартийную коммунистическую диктатуру.

Письмо Марии Спиридоновой — своеобразный эпилог к недолгому большевистско-эсеровскому союзу.

Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ (США)

Публикуется в авторской редакции.

Террор угнетенных и террор победителей

Вслушиваясь в звенящий, как струна, голос Спиридоновой, размышляя над фактами, которые она приводит в своем письме, мы должны прийти к одному по крайней мере выводу: не все так просто, как прежде казалось; история этого периода еще не написана.

Легко установить, когда появилось письмо. С одной стороны, в нем упоминается годовщина Октября и революция в Германии, с другой — заседание трибунала по делу о мятеже левых эсеров (27 ноября 1918 года), очевидно, еще не состоялось. Хронологические рамки (10—27 ноября) не означают, конечно, что и вся фактура относится именно к этим двум неделям. Режим Кремлевской гауптвахты был довольно-таки либеральным, так что возможно было встречаться с товарищами по партии и получать информацию.

Труднее сказать, читал ли послание В. И. Ленин: ни в Полном собрании сочинений, ни в «Биохронике» таких сведений нет. Ни разу не сослался он на этот документ в своих официальных выступлениях, письмах и записках. Тем не менее мы полагаем, что читал. Ежедневно знакомясь с огромной почтой со всех концов России, не мог он не получить пухлого пакета с рукописью от корреспондента, находившегося всего в нескольких сотнях метров от кабинета Председателя СНК. А получив, не пробежать хотя бы взглядом.

Попробуем перечесть это письмо вместе с Лениным. Наверное, он пожал плечами, встретив упрек в том, что большевики как бы нарочно сберегают советские имения целехонькими, чтобы в случае реставрации передать их помещикам,— ведь именно левые эсеры по преимуществу разрабатывали «Основной закон» о социализации земли», по которому «культурные экономии» разделу между крестьянами не подлежали. Несомненно, такой же реакцией была встречена оценка Брестского мира: по мнению Спиридоновой, он «извратил нашу революцию и задержал ее поплода германскую», большевики же, напротив, были уверены, что Брест сохранил нашу революцию, а германскую приблизил. Усмешкой должен был отозваться Владимир Ильич на утверждения, будто «все кулаки и подкулачники назывались большевиками», «решение продовольственного вопроса невозможно вне мировой революции» (мировая революция когда еще грянет, а кормить народ надо сегодня), левые эсеры — «единственно последовательная и стойкая интернационалистическая партия» и тому подобное.

Куда серьезней, как представляется, должен был отнестись Ленин к тем страницам письма Спиридоновой, где речь шла о продовольственной политике и настроениях крестьянства, об изменениях природы, можно сказать, мутации Советской власти и сущности террора. В искренности таких людей, как Мария Александровна, Ленин не сомневался (только на V съезде Советов он повторил это не раз), стало быть, отдавал себе отчет в том, что ее голосом кричит боль крестьянская. Характерно, что вопрос о политике в этой сфере стал центральным на состоявшемся в марте 1919-го VIII съезда РКП(б).

«Неслыханные мерзости» ЧК, о которых упоминала Спиридонова, для Ленина не были внове. Он и сам публично заявлял о «безобразном поведении местных властей, особенно в захолустье», а где, как не в захолустьях-то, большей частью и обитал российский мужик? Владимир Ильич предостерегал, что насилие по отношению к крестьянству было бы «идиотизмом, тупоумием и гибелью дела». Он с отвращением говорил о злоупотреблениях карьеристов и авантюристов, примазывавшихся к правящей партии, о тех, кто выслуживался, выколачивая так называемые «излишки» хлеба. Так что на съезде РКП(б) Ленин должен был признать: «*сплошь и рядом* по неопытности советских работников, по трудности вопроса, *удары, которые предназначаются для кулаков, падали на среднее крестьянство*. Здесь мы *погрешили чрезвычайно*». (Разрядка наша.— **А. Р., Л. О.**)

Однако это признание не означало принципиальной перемены политики, напротив, 11 января 1919 года был принят декрет о продразверстке. О том, как он реализовался, дает представление, к примеру, телеграмма, отправленная в центр из Симбирска: «Некоторые упродкомы отказываются от разверстки, мотивируя отказ неимением излишков. В каждый уезд высланы работники губпродкома. Хлеб стал поступать».

«Кулаков» и «богатеев» в деревне уже не стало — они были «экспроприированы» летом 1918 года. Разверстка падала на середняков, которые, естественно, сокращали посевы до минимума — все равно отнимут! Соответственно СНК предписывал: «Во избежание недосева на землях, находящихся в крестьянском пользовании, применять трудовую повинность, привлекая к ней крестьян данного селения и городских рабочих». Не хочешь — заставим. И так далее по пути, ведущему к Тамбову и Кронштадту.

«Когда мужик убивает насильников — это и есть красный террор»,— утверждает Спиридонова. Возможно, такой поворот деликатной темы будет для читателя неожиданным. Он привык к мысли, что крестьянин, не желающий поделиться с рабочим, «отсталый» и уж, во всяком случае, «не наш». Думается, оценка изменится, когда действующие лица этой трагедии будут охарактеризованы точнее: голодный рабочий, полуголодный крестьянин. И один у другого отнимает хлеб. Как быть в ситуации, где обе стороны правы — каждая по-своему? Говорят, история рассудит — что ж, читатель, суди.

Различия между эсеровским и большевистским террором — сюжет неисследованный. Между тем они очевидны — это различия между террором индивидуальным и массовым. Первый, можно сказать, интимен: казнимого и казнящего связывает незримая нить: террорист глубоко переживает акт и часто, об этом говорит и Спиридонова, оставляет свою жизнь взамен отнятой. Сазонов, Каляев, Донской да и сама Спиридонова — высокие образцы эсеровской этики, о которой, к сожалению, мы очень мало знаем.

Массовый террор идет от доктрины, а не от чувства, он технологичен (один арестовывает, другой расследует, третий судит, четвертый охраняет и так далее) и уже потому — как ни странно звучит это слово применительно к расстрелу — бесчеловечен.

Эсеровский террор, по мысли автора письма,— это террор угнетенных и стремящихся к свободе. Большевистский же — террор победителей. Досадно, что этой разницы не заметил наш американский коллега. Призыв к «встречному нападению на цитадели... капитала» — это одно, а расстрел тысячи ни в чем не повинных людей, взятых в залог,— другое. Кстати, Ю. Фельштинский не вполне точен, замечая, что левые эсеры вместе с большевиками «подло и гнусно» травили все партии, стоявшие правее. На самом деле меньшевики и социалисты-революционеры 14 июня 1918 года были исключены из Советов голосами исключительно большевиков. Левые эсеры недвусмысленно высказались против этого решения, будучи несогласными с ним как по форме, так и по существу.

В речи 29 июля 1918 года Ленин объяснил колебания левых эсеров их «бесхарактерностью и безголовостью». Конечно, тут не без полемических преувеличений. Помолчим о «безголовости», но говорить о «бесхарактерности» партии, которая во имя принципов отрешилась от власти и ушла в подполье, не приходится. Вряд ли бесхарактерность была свойственна и Марии Спиридоновой. Тому порукой ее жизнь: из 57 лет (1884—1941) — 10 лет Нерчинской каторги да 22 года советских ссылок и тюрем. Последний срок, полученный в 1938-м — 25 лет «тюрзака»,— ей полностью отбыть не удалось. При приближении немцев узники Орловского централа были расстреляны. Среди них — и человек, «во времена всеобщей оголтелости» мечтавший об «аккордах любви».

Лев ОВРУЦКИЙ,
Анатолий РАЗГОН

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАРИИ СПИРИДОНОВОЙ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Я пришла к вам 6 июля для того, чтобы был у вас кто-нибудь из членов ЦК нашей партии, на ком вы могли бы сорвать злобу и кем могли бы компенсировать Германию (об этом я писала вам в письме от того же числа, переданном Аванесову).

Это были мои личные соображения, о которых я считала себя вправе не говорить своему ЦК, предложив взять представительство на себя.

Я полагала, что мне удастся более, чем другим, загородить свою партию и тех «малых сих» — крестьян, рабочих, матросов и солдат, которые шли за ней.

Я была уверена, что, сгоряча расправившись со мною, вы испытали бы потом неприятные минуты, так как, что ни говори, а этот ваш акт был бы чудовищным, и вы, быть может, потом скорее опомнились и приобрели бы необходимое в то время хладнокровие.

Случайность ли, ваша ли воля или еще что, но вышло все не так, как я предлагала вам в письме от 6 июля. Пролилась невинная кровь Емельянова, Александровича и других, совсем уж «малых сих» (Емельянов до такой степени не участвовал ни в чем и ничего не знал, что был арестован поповцами как член чрезвычайки и отведен в их штаб. Александрович в этот день только по Блюмкину догадался, что затевается акт против Мирбаха, и события завертели его раньше, чем он успел опомниться.— Мы от него скрывали весь Мирбаховский акт, а другого ведь ничего и не готовилось. Он выполнял некоторые наши поручения, как партийный солдат, не зная их конспиративной сущности. О других расстрелянных и подавно нечего говорить). После этого смысл моего добровольного прихода к вам в моих глазах свелся почти к нулю. Все же соблазняло использовать суд, как кафедру. Вы до того бесчестно клеветали на нас, до того вам хотелось обвинить нас в том, чего не было, до того неслыханно вопиюща и небывало подла и гнусна была ваша травля нашей партии, при полном удушении нашей печати, что нужно было, хотя бы и очень тяжелой ценой, ценой компромисса — участия в вашей лжи (признанием вашего суда), приобрести эту возможность гласной борьбы с вами.

Никогда еще в самом разложившемся парламенте, в продажной бульварной прессе и прочих махровых учреждениях буржуазного строя не доходила травля противника до такой непринужденности, до какой дошла ваша травля, исходящая от социалистов-интернационалистов, по отношению к вашим близким товарищам и соратникам, которые погрешили против лояльности к германскому империализму, а не к вам, и, во всяком случае, не погрешили в отношении революции и Интернационала.

После моего заявления Шейнкману и заявления ЦК о нашем стремлении изгнать все (не только германские) тайные штабы мировой контрреволюции из сердца и очага международной социалистической революции Советской России, после этого в архангельских краях каким-то генералом были расстреляны наши Левые Социалисты-Революционеры, а в Украине из-за Мирбаха и Эйхгорна стали специально отыскивать Левых Социалистов-Революционеров и после пыток убивать. И в то время, как наши Левые Социалисты-Революционеры умирали на чехословацком и других фронтах в рядах Советских войск, вырезывались ярославской и казанской белой гвардией, в то время как каждый империалист уделял особое внимание преследованию нас, вы — интернационалисты — тоже беспощадно обрушивались на нас.

Многочисленные массы, идущие за Левыми Социалистами-Революционерами, лишились советских прав; советы и съезды разгонялись в каждой губернии десятками (Витебская, Смоленская, Воронежская, Курская, Могилевская, Нижегородская и проч. и проч.) Вся советская (а другой тогда еще и не было) крестьянская масса была раздавлена, загнана, затравлена и поставлена под начало военно-революционных комитетов, исполкомов (назначенных из большевиков) и чрезвычаек.

В чрезвычайках убивали Левых Социалистов-Революционеров (отчеты в «Известиях ЦИК» и «Еженедельнике» чрезвычаек) за отказ подписываться под решением пятого Съезда Советов; убивали просто за то, что они Левые Социалисты-Революционеры и «упорствовали» в этом, не отрекались (циркуляр Петровского об «упорствующих»); убивали, истязали, надругивались. В Котельничах, например, убили только за лево-эсерство двух наших товарищей — Махнева и Мисуно (члена Крестьянской секции и ЦИК нескольких созывов, члена президиумов нескольких Всероссийских Крестьянских Съездов). Мы гордились ими. Они были настоящими детьми теперешней народной революции, вышли из недр ее, выпрямлялись и работали так, что о Мисуно по всему краю, где он являлся, ходили легенды. Незаметные герои, на хребте которых мы с вами протащили всю Октябрьскую революцию. Мисуно дорого поплатился перед смертной казнью за свой отказ большевистским палачам рыть себе своими руками могилу. Махнев согласился рыть себе могилу на условии, что ему дадут говорить перед смертью. Он говорил. Его последние слова были: «Да здравствует мировая социалистическая революция». Тут ваши палачи прикончили его. И сколько их, погибших сейчас Мисуно и Махневых по Советской России, безвестных, безымянных, великих в своей стойкости и героизме.

Разгром нашей партии — это разгром советской революции. Вся дальнейшая история этих месяцев говорит об этом. А вы так и не поняли этого. Вы отупели до того, что всякие волнения в массах объясняете только агитацией или подстрекательством.

Вы перестали быть социалистами в анализе явлений, совершенно уподобляясь царскому правительству, которое тоже всюду искало агитаторов и их деятельностью объясняло все волнения. И вы так же неправы, как оно. Вот что об агитаторах мне пишут крестьяне из всех губерний Советской России: «Ставили нас рядом, дорогая учительница (орфографию всюду исправляю), целую одну треть волости шеренгой и в присутствии двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети». (Реквизиционный отряд, руководимый большевиками из Совета.)

Или из другого письма: «По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по нескольку недель не ложились на спину. Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить...»

Или из третьего письма: «Матушка наша, скажи, к кому же теперь пойти, у нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли — не было достаточно семян,— у нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас нет «буржуазии», у нас надел 3/4 — 1/2 на душу, прикупленной земли не было., а на нас наложена контрибуция и штраф, мы побили нашего большевика-комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, сказать тебе не можем, как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли. Кто теперь за нас заступится. Все сельское общество тебе земно кланяется»...

Или... Идет уездный съезд. Председатель, большевик, предлагает резолюцию. Крестьянин просит слова.— Зачем? — «Не согласен я».— С чем не согласен? — «А вот, говоришь, комитетам бедноты вся власть, не согласен: вся власть Советам, и резолюция твоя неправильная. Нельзя ее голосовать».— Как... Да ведь это правительственной партии.— «Что ж, что правительственной».— Председатель вынимает револьвер, убивает наповал крестьянина, и заседание продолжается. Голосование было **единогласное.**

У нас зарегистрирована порка крестьян в нескольких губерниях, а количество расстрелов, убийств на свету, на сходах и в ночной тиши, без суда, в застенках, за «контрреволюционные» выступления, за «кулацкие» восстания, при которых села, до 15 тысяч человек, сплошь встают **стеной,** учесть невозможно. Приблизительные цифры перешли давно суммы жертв усмирений 1905—1906 гг.

Кто агитатор, кто подстрекатель?! Отвечайте! Вы контрреволюционеры, худшие из худших белогвардейцев!!!

«Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы все по закону сполна отвезли на станцию. А они опять приехали. Велели со сходов уйти. Мы их честно стали просить оставить нас. Обед им сготовили, все несем, угощаем, что хотят берут, даем без денег, не жалуемся. А они пообедали и начали нас всячески задирать. Одного красноармейца поколотили. Они нас пулеметом, огнем. Убитые повалились...

И вот пошли мужики потом. Шли все 6 волостей **стеной,** на протяжении 25 верст со всех сторон, с плачем, воем жен, матерей, с причитаниями, с вилами, железными лопатами, топорами. Шли на совет».— Пишет левый с.-р., член Крестьянской секции, избитый в этом «кулацком мятеже» до полусмерти крестьянами и потерявший сына, честного советского работника. «Он не издал ни одного звука, когда его мужики мучили, мужественно вынес пытку и умер под ней».— Отец не жалуется. Он, этот полуграмотный крестьянин, понимает, что мужики, замученные нуждой (он приводит цифры имущественного положения этого уезда — 41% безлошадных и т. д.), «бедные» и отчаянно голодавшие весь 1917—1918 год, возмущенные оскорблением их законнейших запросов, **должны** были «восстать». Он понимает, что контрреволюцией является не это крестьянское восстание-самозащита, а действия, вызвавшие это восстание, и последовавшее жестокое усмирение.

«Не сделали бы такой пропаганды 1000 агитаторов-большевиков, как они сами ухитряются: теперь им к нам не показаться».

Кончаю цитировать, так как из ряда губерний однородные сообщения. Петроградская история с матросами — вопиющий по бессмысленной жестокости факт расправы с лояльным проявлением недовольства трудящихся. Как можно было так ослепнуть и впасть в такую шкурную панику, чтобы так расправляться с чистейшей революционной стихией, внезапно взмывшей? Как поднялась у вас рука на тех матросов, поддержкой которых больше всего мы завоевали Октябрьскую революцию? Как могли вы, кричавшие о Керенском, с его смертной казнью на фронте, здесь, в тылу, убивать без суда и следствия лучших сынов революции? Как не стыдно было вам убить Хаскелиса за то только, что он по поручению законно существующей при Петроградском Совете фракции Левых Социалистов-Революционеров **прочел** ее декларацию. Лживость инкриминируемого ему вами обвинения, будто при нем найдена резолюция собрания матросов, написанная его **собственной** рукой, доказывать нет нужды: у Хаскелиса, убитого вами, **не было обеих рук по плечи,** когда вы его взяли.

Этой крови вам не смыть, не отчиститься от нее даже во имя самых «высоких» лозунгов.

Вы, которые лицемерно кричите на весь мир в обращении к английским и французским рабочим, что даже пособников заговора англо-французского империализма, если случайно они окажутся рабочими, вы не задержите заложниками, не арестуете, показывая нежелание ваше нарушить неприкосновенность трудящихся, вы убиваете русских трудящихся сотнями, тысячами сразу (Смоленская губерния, Ливны, Вятская губерния, Пензенская и т. д.).

Что же, или кровь расстрелянного вами в Петрограде матроса Шашкова не такая же алая и не так же ли у него **только одна жизнь?**

Несмотря на все трудности жизни, масса, понимая окружающие опасности, умеет терпеть свои неслыханные тяготы. Но она революционна, она сознала свои права, она хочет самоуправления, она хочет власти советов. Лозунги «кулацких» восстаний (как вы их называете) **не вандейские.** Они революционны, социалистичны. Как смеете вы кроваво подавлять эти восстания вместо удовлетворения законных требований трудящихся? Вы убиваете крестьян и рабочих за их требования перевыборов советов, за их защиту себя от ужасающего, небывалого при царях произвола ваших застенков-чрезвычаек, за защиту себя от произвола большевиков-назначенцев, от обид и насилий реквизиционных отрядов, **за всякое проявление справедливого революционного недовольства.**

И не вина масс, что их требования сходны с нашими лозунгами. Все то, чему мы учили народ десятки лет и чему он кровавым опытом, кажется, научился — **не быть рабом и защищать себя,**— вы как будто хотите искоренить из его души истязаниями и расстрелами.

Когда вы увидали, что наша партия жива, что мы не упали на колени и не подали прошения о помиловании, как все эти сутенеры из «Воли Труда» и «Народных Коммунистов», когда вы увидали, что наши массы от нас не ушли, тогда вы начали давить нас всей силой вашего партийного государственного пресса.

Ваши прежние средства — ложь, клевета — перестают быть действительными. «Петроградская конференция Левых Социалистов-Революционеров, вместе с монархистами и правыми эсерами», как говорят «абсолютно проверенные» данные Зиновьевской чрезвычайки, это уже такая сильная доза даже не лжи, а безграмотного вранья, что уже никто не верит вашим известиям о Левых социалистах-Революционерах. Из них берут только **факт защиты нами власти советов, которую вы уничтожили, власти трудящихся, с которой вы перестали считаться.**

У вас осталось одно средство — физическое истребление нас, и вы его начали применять, устра-

---

Печатается с небольшими сокращениями.

няя по пути торжествующей контрреволюции последнюю силу, на которую могли бы опереться, к которой могли бы кинуться разбитые, разочарованные массы...

Ваша партия имела великие задания и начала она славно. Октябрьская революция, в которой мы шли с вами вместе, должна была кончиться победой, так как основания и лозунги ее объективно и субъективно необходимы в нашей исторической действительности, и они были дружно поддержаны всеми трудящимися массами.

Это была действительно революция трудящихся масс, и советская власть буквально покоилась в недрах ее. Она была нерушима, **и ничто**, никакие заговоры и восстания не могли ее поколебать. Правые эсеры и меньшевики были разбиты наголову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губернские и уездные съезды собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали всюду полное презрение масс к соглашательским партиям правых с.-р. и меньшевиков.

Они погасали в пустоте. Террор против них был излишен. И так было бы до сих пор, если бы был верен курс вашей политики, если бы вы не изменили принципам социализма и интернационализма.

Но ваша политика объективно оказалась каким-то сплошным надувательством трудящихся.

Вместо социализированной промышленности — государственный капитализм и капиталистическая государственность; принудительно эксплуатационный строй остается, с небольшой разницей насчет распределения прибыли — с небольшой, так как ваше многочисленное чиновничество в этом строю сожрет больше кучки буржуазии.

Вместо утвержденной при всеобщем ликовании 3-м съездом Советов рабочих и крестьян социализации земли вы устроили саботаж ее и сейчас, развязав себе руки разрывом с нами, Левыми Социалистами-Революционерами, тайно и явно, обманом и насилием подсовываете крестьянству национализацию земли — то же государственное собственничество, что и в промышленности. Будто нарочно вы не позволяете крестьянам десятки тысяч десятин помещичьих имений брать в социализацию и сберегаете их «советскими имениями», целехонькими, чтобы в случае прихода реакции помещики вошли туда, как в Украине, на готовенькое...

В вопросе о войне и мире вы приняли «решение» в подписании Брестского мира, который, может быть, уже сделал-таки свое — задушил нашу революцию. И вы имеете еще поразительную смелость уверять народ, что ваше соглашательство с германским империализмом — «передышка» — дала нам богатые результаты. Что, что она нам дала?! Извратила нашу революцию и задержала на полгода германскую, ухудшила отношение к нам английских и французских рабочих, когда на западные фронты обрушились все освобожденные нами военные силы Германии, что унесло у них сотни тысяч жизней и создало почву и возможность для англо-французского правительства вмешаться в наши дела, с негласной нравственной санкции рабочего народа в большинстве, при вялом протесте меньшинства. Брест отрезал нас от источников экономического питания: от нефти, угля, хлеба, а ведь от этого-то прежде всего и гибнет наша революция.

Брест — это предательство всей окраинной Украинской революции немецкому усмирению. Мы «передыхали» в голоде и холоде, внутренне разлагаясь, пока вырезывались финские рабочие, запарывались белорусские и украинские крестьяне и удушалась Литва и Латвия. Принцип «передышки» довел разложение ваше до того, что вы, вместе с немецким военным командованием, усмиряли, как Скоропадский, восстающих белорусов (Сенненский уезд и вся пограничная полоса). И, главное, через Брест мы получили англо-французский фронт, получили весеннюю войну, грозную, неумолимо идущую на нас, со всеми ужасами новой военной техники — ураганного огня и танков, давящих людей тысячами, как козявок. Наша левоэсеровская попытка расторгнуть Брест была отчаянной попыткой апелляции нашего общего Октября к революционному моменту истории, но вы безнадежно увязли в своей позорной зависимости от запугавшего вас германского империализма. Вы способны только апеллировать к материально-техническим моментам. Вы убивали быстро сорганизованные огромные силы армии и революционный энтузиазм в защиту Севера. А Уральский фронт в период вашего мира — союза с Германией — был неприкрыто империалистическим и, воюя с англичанами, вы объективно воевали за германский империализм. Как ни виляйте, но ведь это так...

Ваша армия, конструкция ее, система управления Троцкого, не только введшего, как Керенский, смертную казнь на фронте, но и осуществляющего ее в ужасных размерах (чего Керенский не успел и попробовать), старая механическая дисциплина в армии, дисциплинарные взыскания, вплоть до порки солдат социалистической армии, естественно растущая ненависть к верхам и Троцкому, что это все, как не возврат к Николаевским временам, как не подготовка своими руками старой армии, что, в свою очередь, обещает легкий путь к диктатуре над ней учредиловцев и всяких доморощенных Бонапартов? Вы делаете из армии механическую силу, которая должна заменить массы в борьбе с контрреволюцией, но армия-то набирается ведь из масс, **оттолкнутых вами от революции.**

Своим циничным отношением к власти советов, своими белогвардейскими разгонами съездов и советов и безнаказанным произволом назначенцев-большевиков вы поставили себя в лагерь мятежников против советской власти, единственных по силе в России. Власть советов — это при всей своей хаотичности **большая и лучшая выборность,** чем вся «учредилка», Думы и Земства. Власть советов — аппарат самоуправления трудящихся масс, чутко отражающий их волю, настроения и нужды. И когда каждая фабрика, каждый завод и село имели право через перевыборы своего советского делегата влиять на работу государственного аппарата и защищать себя в общем и частном смысле, то это действительно было самоуправлением. Всякий произвол и насилие, всякие грехи, естественные при первых попытках массы управлять и управляться, легко излечимы, так как принцип неограниченной никаким временем выборности **и власти населения над своим избранником** даст возможность исправить своего делегата радикально, заменив его честнейшим и лучшим, известным по всему селу и заводу. И когда трудовой народ колотит советского своего делегата за обман и воровство, так этому делегату и надо, хотя бы он был и большевик, и то, что в защиту таких негодяев вы посылаете на деревню артиллерию, руководясь буржуазным понятием об авторитете власти, доказывает, что вы или не понимаете принципа власти трудящихся, или не признаете его. И когда мужик разгоняет или убивает насильников-назначенцев, это-то и есть красный террор, народная самозащита от нарушения их прав, от гнета и насилия. И если масса данного села или фабрики посылает правого социалиста, пусть

Окончание на 49-й стр.

ДАР РАСКАЯНИЯ

Кровью и слезами умытая Россия... Видно, на роду написано тебе постигать радость и отчаяние в погибельных междоусобицах, в труде до забвения. А облегчит твою задетую совесть наше раскаяние, ибо все мы были втянуты в невиданный террор и лицемерие застоя — кто участием, кто сочувствием, кто молчаливым непротивлением злу. Только через раскаяние, поиск собственных ошибок и грехов лежит путь к нравственному обновлению, национальному согласию и историческому примирению.

Фоторепортаж Владимира ЛАГРАНЖА
из женского Свято-Вознесенского монастыря
(Закарпатская область)

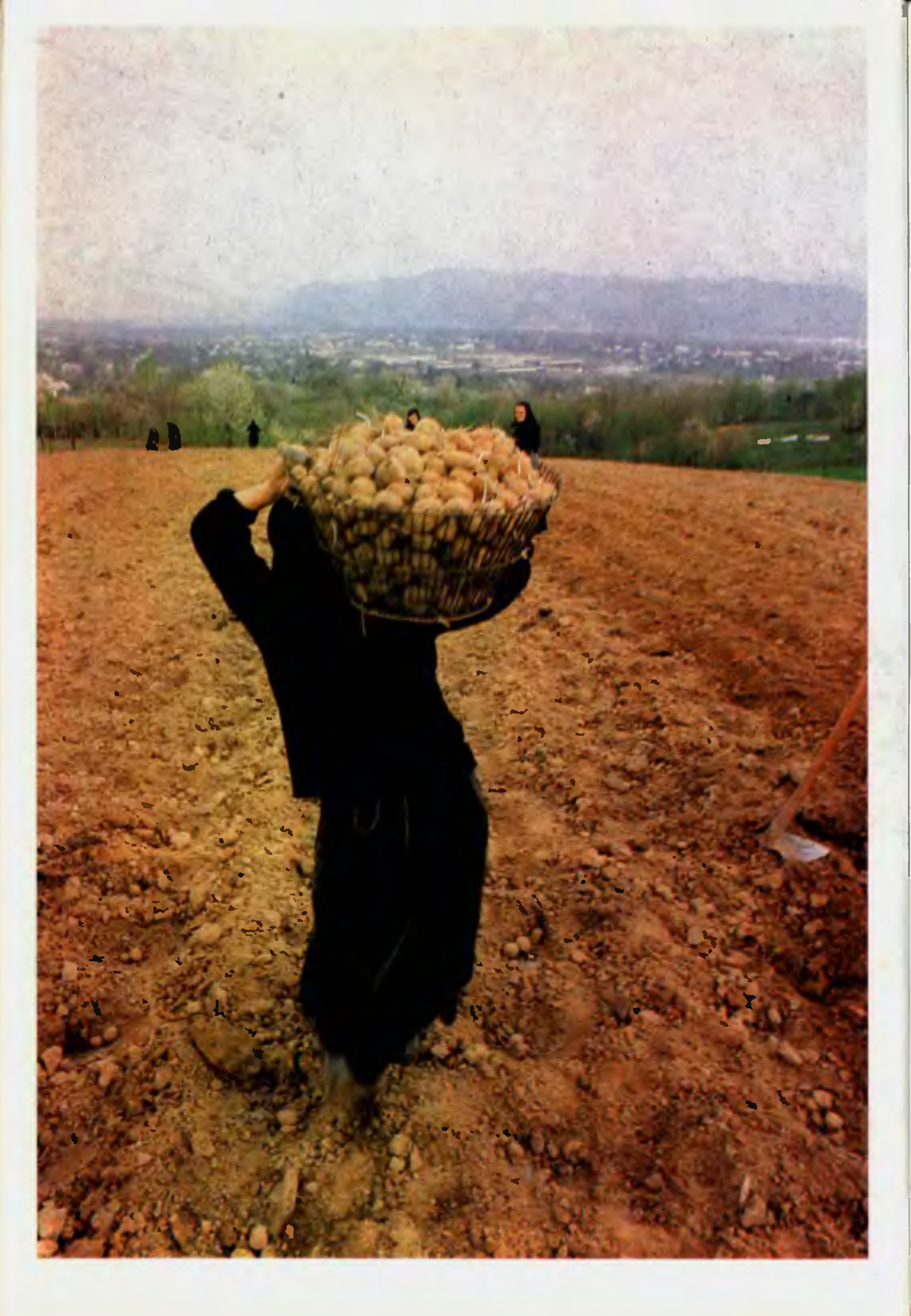

Как не хватает нам этой сосредоточенности, уединения, этого внутреннего обретения себя...

Жизнь есть жизнь. Она требует поддержания и за монастырскими стенами.

Окончание. Начало на стр 38.

посылает,— это ее право, а наша беда, что мы не сумели заслужить ее доверия. Для того, чтобы Советская власть была барометрична, чутка и спаяна с народом, нужна беспредельная свобода выборов, игра стихий народных, и тогда-то и родится творчество, новая жизнь, новое устроение и борьба. И только тогда массы будут чувствовать, что все происходящее — их дело, а не чужое. Что она сама [масса] творец своей судьбы, а не кто-то ее опекает и благотворит, и адвокатит за нее, как в «Учредилке» и других парламентарных учреждениях, и только тогда она будет способна к безграничному подвигу. Поэтому мы боролись с вами, когда вы выгоняли правых социалистов из Советов и ЦИК. Советы не только боевая политико-экономическая организация трудящихся, она и определенная платформа. Платформа уничтожения всех основ буржуазно-крепостнического строя, и если бы правые делегаты пытались его сохранить или защищать в Советах, сама природа данной организации сломила бы их, или народ выбросил бы их сам, а не ваши чрезвычайки, как предателей его интересов.

Программа Октябрьской революции, как она схематически наметилась в сознании трудящихся, жива в их душах до сих пор, и масса не изменяет себе, а **ей изменяют**. Неуважение к избранию трудящимися своих делегатов и советских работников, обнаруживаемое грубейшим пулеметным произволом, который был и до июльской реакции, когда вы уже часто репетировали разгоны съездов Советов, видя наше усиление,— даст богатые плоды правым партиям. Вы настолько приучили народ к бесправию, создали такие навыки безропотного подчинения всяким налетам, что авксентьевская — американская красновская диктатура могут пройти, как по маслу. Вместо свободного, переливающегося, как свет, как воздух, творчества народного, через смену, борьбу в Советах и на съездах, у вас — назначенцы, приставá и жандармы из коммунистической партии.

О, какие вы злостные, злостные предатели коммунистической революции!

Ну, как, как теперь приходить к трудящимся с проповедью классовой власти?! Они спросят: «Какого класса?». Ваши проделки с крестьянством, с комитетами бедноты... Теперь вы приняли в этой области на словах все наше, на чем мы и [всю] жизнь настаивали, но ведь пять месяцев вы мучили мужиков, пока не отказались от этих своих затей создать из преданных вам, закупленных пятидесятью процентами отнятого хлеба, кучек вашего класса, на всю крестьянскую Россию, что-то вроде корпуса жандармов. Рабоче-крестьянское правительство гарантирует себе подчинение, беря от них подписку-присягу. Какое злое извращение классовой власти!..

...Подмена интересов трудящихся интересами тех, кто согласен голосовать за вашу партию, создание какого-то римского плебса, ведет, конечно, к разложению живых творческих сил революции. Массы-то все видят, все понимают, лучше нас видят, и никогда еще все общественные силы не были так истощены, никогда не господствовал в такой степени мещанский эгоизм, самоспасение, дух корыстной наживы, спекуляции, обходы законов, ограждающих личность и задерживающих эксплоатацию одного человека другим, как сейчас, при вашем партийном сектантстве. Понятие классовой борьбы, этой философско-исторической доктрины, вы подменили не только марксистским понятием только борьбы двух экономических категорий а подменили понятием борьбы просто волчьей.

Рабочие идут на крестьян, чтобы не умереть с голоду, отнимая у них последние куски хлеба; так как территория нашего теперешнего социалистического оазиса никогда не была хлебной житницей, и решение продовольственного вопроса, при наличии всех пагубных следствий войны, внутри острова невозможно, о чем Левые Социалисты-Революционеры говорили достаточно громко. Посеяна огромная рознь между родными братьями — земледельцами и заводскими, и не скоро она уйдет.

Классовая борьба в национальном масштабе — утопия, господа брестские националисты, она мыслима только в интернациональном масштабе; а при спасении себя, при своеобразном социалистическом шовинизме, классовая борьба вырождается, как выродилась у нас.

Посеяна междунациональная рознь проведением продовольственной диктатуры через немецкую милицию. Отряды немецких военнопленных (интернационалистов, прибавляете вы) действовали наряду с другими реквизиционными отрядами. Я знаю о Пензенской губернии.

В Пензенской губернии пороли крестьян, расстреливали, и все, что полагается, они приняли в положенной форме и установленном порядке. Сначала их реквизировали, пороли и расстреливали, потом они стали стеной (кулацкое восстание — говорили вы), потом их усмиряли, опять пороли и расстреливали. Наши Левые Социалисты-Революционеры разговаривали с десятками этих, поровших крестьян, «интернационалистов». С каким презрением говорили они о глупости русского мужика и о том, что ему нужна палка; и какой дикий шовинизм вызвали эти отряды «интернационалистов» в деревнях — передать трудно. История с «комбедами» еще долго не изживется.

И нам ли учить вас, что не только фактор политический, да еще сведшийся уже только к голому принуждению, насилию, создает расслоение класса. Процесс расслоения имеет свою хозяйственную, свою культурную, свою политически-правовую основу.

Только так понимая принцип расслоения, действовала всю зиму и весну Крестьянская секция, через своих агитаторов и членов, и результаты были сплошь положительные.

Борьба с кулаками и экономическое обезвреживание их давали средства культурно-хозяйственного устроения целых уездов. Ведь ваша партия, давая на один день октябрьских торжеств 25 миллионов, мне же на организации политико-социального просвещения крестьянства за все 8 месяцев вместо нужных сотен миллионов дала только 3 миллиона, и оно вынуждено было устраиваться само в своих селах и деревнях, без помощи государства.

Вся ваша зверская, грубая политика по отношению к крестьянству, особенно развернувшаяся, когда мы стали тюремной, чрезвычайной клиентурой — **это политика подлинной контрреволюции.** А ваша полиция!.. Это сколок старых городовых с околоточными и избиением даже детей-воришек.

А ваша «чрезвычайка»!.. Именем пролетариата, именем крестьянства вы свели к нулю все моральные завоевания нашей революции. Когда в вашей собственной среде раздавалось робкое пиканье, осмеливающееся возразить против ее разгула и про-

бующее добиться неприкосновенности личности хотя бы для членов комитетов коммунистической партии и членов ЦИК, то вы стали доказывать, что в «чрезвычайках» нет сомнительных элементов — все сплошь коммунисты. Тем хуже для вас и для «чрезвычаек». Мы знаем про них, про ВЧК, про губернские и уездные «чрезвычайки» вопиющие, неслыханно вопиющие факты. Факты надругательства над душой и телом человека, истязаний, обманов, всепожирающей взятки, голого грабежа и убийств, убийств без счета, без расследований, по одному слову, доносу, оговору, ничему не доказанному, никем не подтвержденному. Именем рабочего класса творятся неслыханные мерзости над теми же рабочими и крестьянами, матросами и запуганным обывателем, так как **настоящие**-то враги рабочего класса чрезвычайке попадаются очень **редко**. Ваши контрреволюционные заговоры, кому бы они могли быть страшны, **если бы вы сами так жутко не породнились с контрреволюцией**? Когда Советская власть из большевиков, Левых Социалистов-Революционеров и других партий покоилась в недрах народных, Дзержинский за все время расстрелял только несколько невероятных грабителей и убийц, и с каким мертвенным лицом, с какой мукой колебанья. А когда советская власть стала не советской, а только большевистской, когда все у́же и у́же становилась ее социальная база, ее политическое влияние, то понадобилась усиленная бдительная охрана латышей Ленину, как раньше из казаков царю, или султану из янчар. Понадобился так называемый красный террор. Те самые люди, которые за безмерное страдание **всего** народа и нас, социалистов, из политических соображений не поднимали руку на Николая Романова и прочих царей и подцарей, и распустили их по всем украинам, крымам и заграницам, и подняли руку на Николая только по настоянию революционеров, те самые люди, сразу утеряв всякое соображение из-за поранения левого предплечия Ленина, убили тысячи людей. Убили в истерике (сами признают), без суда и следствия, без справок, без подобия какого-либо юридического, не говоря уже нравственного, смысла. Да, Ленин спасен, в другой раз ничья одинокая, фанатичная рука не поднимется на него. Но именно тогда отлетал последний живой дух от революции, возглавляемой большевиками. Она еще не умерла, но она уже **не ваша, не вами творима**. Вы теперь только ее гасители. И лучше было бы Ленину тревожней жить, но сберечь этот дух живой. И неужели, неужели Вы, Владимир Ильич, с Вашим огромным умом и личной безэгоистичностью и добротой, не могли догадаться и не убивать Каплан. Как это было бы не только красиво и благородно и не по царскому шаблону, как это было бы **нужно** нашей революции в это время нашей всеобщей оголтелости, остервенения, когда раздается только щелканье зубами, вой боли, злобы или страха и... ни одного звука, ни одного аккорда любви.

Когда были первые единичные случаи расстрелов в «чрезвычайках», Дзержинский ломал голову над решением задачи, как оградить Питер, потом Москву от диких грабежей и не быть палачом, убегал мертвенно-бледный Александрович, умоляя взять его из «чрезвычайки» сегодня, сейчас.

Пил запоем матрос Емельянов, говоря: «Убейте меня, начал пить, не могу, там убийства, увольте меня из „чрезвычайки“, я не могу»... Вот обстановка первых попыток террористических действий. Так как Левые Социалисты-Революционеры в чрезвычайной «тройке» голосовали против расстрелов, то им было предложено уйти оттуда; так и было сделано.

Но, как и во французском терроре трудно было только начало, так и в России то, во что развернулась большевистская «чрезвычайка», превзошло все бывшие у нас опасения.

Эти ночные убийства связанных, безоружных, обезвреженных людей, втихомолку, в затылок из нагана на Ходынке, с зарыванием, тут же ограбленного (часто донага) трупа, не всегда добитого, стонущего на этой же Ходынке, в одной яме [для] многих, не могут называться террором. Какой это террор!..

С этим словом связано на протяжении русской революционной истории не только понятие возмездия или устрашения — это в нем последнее дело — и не только желание или необходимость физического устранения какого-нибудь народного палача. Первым и **определяющим** его элементом является элемент протеста против гнета и насилия и элемент (путем психиатрического давления на впечатлительность) пробуждения чести и достоинства в душе затоптанных трудящихся и совести в душе тех, кто молчит, глядя на эту затоптанность. Это средство агитации и пропаганды действием, наглядное обучение масс. **Так именно, не боясь никаких последствий, бестрепетно и гордо бить по своему врагу.**

Акт над германским послом Мирбахом в Советской России и германским генералом Эйхгорном на Украине имели прежде всего это предназначение.

И почти неразрывно с террором связана жертва жизнью, свободой и пр. для нападающей стороны. И, кажется, только в этом и есть оправдание террористического акта.

Где все эти элементы в «чрезвычайках»?!! Переписка в газетах идеологов «чрезвычаек» свидетельствует о невероятном умственном и нравственном их убожестве; страстность же защиты полной своей самостоятельности чревата самыми интересными осложнениями для самой вашей коммунистической партии. Вы скоро окажетесь в руках вашей «чрезвычайки», вы, пожалуй, **уже** в ее руках. Туда вам и дорога. Но, бешено защищая себя через этот орган, **себя**, а не рабочий класс, не смейте говорить при этом от имени пролетариата и крестьянства, от имени которого вы скоро будете иметь столько же права говорить, как Авксентьев или Скоропадский. Революция, хотя вы и выдаете мандаты на участие в ней подобно мандатам на получение калош, не может быть вашей монополией, она пошла в глубь и помимо вас. И если еще сможет осилить вашу и психологическую в себе из-за **вас** реакцию, она найдет свои способы самозащиты и очистит запачканные вами и правыми социалистами социалистические знамена. Сама сущность восстания масс предрешает в себе самой совершенно иные законы борьбы, чем те, что вы ей подсунули. Пользование робеспьеровскими фразами из времен французской революции, бывшей полтораста лет тому назад, в совершенно иной обстановке — не аргумент и не оправдание, но Робеспьер так же подкосил и жестоко повредил своим террором французской революции, как вы — русской. А как за эту своеобразно понимаемую диктатуру будет расплачиваться своей жизнью и честью не вы, а пролетариат и крестьянство, воображение отказывается представить. Если временно победит Учредилка и начнется террор социал-предателей и буржуазии, что, что, кроме мольбы о пощаде, может противопоставить давящей силе реакции разбитый и связанный пролетариат? К чему, к каким абсолютам, к каким идеям морали и человечности может он апеллировать; ему скажут те же мстительные, шкурно-хамские, торжествующие слова, которые говорите вы — **вы**, а не пролетариат, в ваших газетах и на митингах, когда берет ваша физическая сила. И при временном (потому что революция все же победит) торжестве своем враги трудящихся вернут пролетариату **всё** сторицею, беря санкцию на это не только из своей

жестокости, но и из ваших примеров, все вернут в сгущенном и усиленном размере, и то, что вы расстреливали 150 человек **за одного** члена чрезвычайки, и прочие ваши подвиги «морального дерзания».

Рабочий класс до сих пор творил свою революцию под чистым красным знаменем от его собственной крови, и в этом был великий моральный авторитет его революции, неугасаемая светоносность его борьбы и страданий за свои лучшие идеи человечества. Сама революция, взятая вне ее временных текущих изменений, в существе своем есть великое светлое преображение жизни, очищение, подъем, освящение ее.

Рабочий класс должен запретить вам спекулировать его именем, прикрывая великим, святым понятием диктатуры пролетариата эти мастерства красного цеха. Рабочий класс и крестьянство должны сказать свое слово: «Долой „чрезвычайки“» — и они не только скажут, они разгромят их. Социализм должен осуществиться, так как этого требуют интересы огромного большинства трудящихся, так как капиталистическое развитие подготовило почву и укрепило класс, непосредственно заинтересованный в социализме,— он должен быть, как неизбежный результат всей теперешней исторической катастрофы. Это научное основание социалистической веры не может быть поколеблимо никакими неудачами, но она имеет и идеалистические, иррациональные корни. Вера в социализм есть вместе с тем вера в лучшее будущее человечества, в добро, правду и красоту, в прекращение всех форм гнета и насилия, в осуществление братства и равенства на земле.

И вот, по этой вере, как никогда еще не бывало, ярко разгоревшейся огненным светочем в душе народа, вы ударили в корень, будто плюнули в детскую душу.

Что, что сделали вы с нашей великой революцией, освященной такими невероятными страданиями трудящихся?!

Я спрашиваю вас, я спрашиваю...

Что сделали вы с той безграничной верой трудящихся в вас, которой вы, в союзе с нами, счастливо обладали в такой мере, как, кажется, ни одно правительство на свете...

Среди вас есть крупные дарования и рядовые работники светлой убежденности и идейности, и все же, вы устроили что-то вроде единственной в мире провокации над психологией масс, сделали ядовитую прививку в громадном масштабе, во имя идеи социализма — прививку отвращения, недоверия и ужаса перед этим социализмом-коммунизмом. За тот кусочек правды, что вы показали народу и помогли осуществить, вы превысили свое значение, потребовали себе, как великий инквизитор, полного господства над душой и телом трудящихся. А когда они стали сбрасывать вас, вы сдавили их застенками для борьбы с «контрреволюцией».

Но ведь до сих пор еще в ваших руках множество средств усмирения недовольства трудящихся. Единая трудовая школа, социализация домов, национализация торговли, каждая из этих реформ — грандиозный фактор в социальной жизни, продолжение Октября. Трудовые массы почти никогда не бывают контрреволюционны. Они только бывают голодны или обижены. И сейчас они сумели бы героически голодать и холодать, и терпеть еще большие ужасы империалистической и белогвардейской блокады, дотягивая до более светлых дней, если бы и иррациональные корни их движения брались в учет...

Поистине, у нас началось новое рождение человечества, в силе и свободе. **И трудящиеся будут и хотят терпеть все муки брюха, отстаивая правду, дожидая [до] ее засияния.** Перед нами открылись беспредельные возможности, свет которых не могли обтускнить ни вспышки красного террора, исходящие от самих трудящихся, ни темные стороны их погромных проявлений. И, конечно, в этот пафос освобождения, в этот энтузиазм нашей революционной эпохи, нельзя было вносить ваш догматизм, диктаторский централизм, недоверие к творчеству масс, фанатичную узкую партийность, **самовлюбленное отмежевание от всего мозга страны**, нельзя было вносить вместо любви и уважения к массам только демагогию и, главное, нельзя было вносить в это великое и граничащее с чудом движение психологию эмигрантов, а не творцов нового мира.

Наша партия была с вами в блоке-союзе и шла вместе с Октября до тех пор, пока вы были в союзе с заветами Октябрьской революции и трудящимися. А когда начался у вас новый курс политики внешней и внутренней, партия наша все дальше отходила от вас. Вы не должны говорить об обмане и вероломстве. Наш партийный центр был вне всякой связи с вами уже с марта месяца, после Бреста. Единственным связующим звеном была я, но и я, уходя от вас позже других, сказала некоторым вашим совершенно определенно, что я теперь не с вами, я за крестьянство поднимаю бой.

Но шестое июля не было против вас, вы это так же хорошо знаете, как и мы, оно было последовательным проведением занятой партией позиции, вытекающей из всей тактики партии и учения ее о праве революционного меньшинства. Вашей, позорящей вас, ошибкой является смешение небольшого опыта восстания против германского империализма с якобы нашим намерением свергнуть вас... Излишнее отождествление себя с германским посольством.

Уйдя от вас, партия еще больше и глубже спаялась с революцией и трудящимися, а когда началась дикая правительственная реакция в июле, то партия почти растворилась в массах.

В промежутке между каторгой и вашей тюрьмой я собирала (особенно с октября прошлого года) данные партийного состава крестьянства. В Крестьянскую секцию ежедневно ко мне приходило 30, 40, 50 человек крестьян, я собирала сведения, кроме них, также по всем своим фракциям Всероссийских съездов Советов, по всем фракциям и большевиков и Левых Социалистов-Революционеров Всероссийских Крестьянских Съездов. И я отметила, что крестьяне — левые эсеры экономически несравненно обездоленнее вашего крестьянства. Все кулаки и подкулаки назывались большевиками. Это и понятно, сила тянет к силе или пристраивается возле нее. А за левыми эсерами, кроме совсем бедных и средних, сплошь идут все сектанты, целыми селами. Так, из Воронежской губернии, из Тверской, из Ставропольской, Кубанской области, Кавказа и т. д. Это глубоко симптоматичный факт.

Все реальное содержание истории и социальных переворотов человечества составляет борьбу за свободу Человеческой Личности; и недаром те из народа, кто крестным путем отстаивал свободу своей совести и личности, являются активными участниками теперешней революции и идут именно **за нашей партией...**

Пусть идет контрреволюция, пусть блокада сомкнет свое кольцо, пусть приходят Краснов и Авксентьев, что вам до этого. Вы будете сводить партийные счеты, будете суживать и суживать «своих», будете искать все более благонадежных «в вашем смысле» и уничтожать все независимое от вашего морального отупения, но кровно слитое и спаянное с интересами социалистической революции и трудя-

щихся. На радость контрреволюционной сволочи вы последнюю энергию отдаете на нас, а не на нее. Вот сейчас вы разоружаете, на глазах организовавшейся и выступившей белой гвардии в Луге, партизанский отряд Лево-Эсеровских крестьян в Великих Луках и предаете их, таким образом, в руки помещичье-буржуазной своры.

Вот сейчас вы, быть может, совсем накануне тяжких или, наоборот, умопомрачительно радостных событий на Востоке, Западе, Севере, Юге, Англии, Франции и т. д., в порядке дня поставили вопрос о суде над ЦК партии Левых Социалистов-Революционеров и надо мною.

Теперь я не хочу его даже и для кафедры.

За это время вы развернулись в полной силе и отчетливости. Суда вашей партии над своею и над собою я не признаю. Если нужно нам судиться, то должен судить нас Третий Интернационал и история, и теперь уже несомненно: кто тогда будет обвиняем, кто осужден, кто оправдан.

Ваш суд составлен из партийных людей. Он должен во имя партийной дисциплины подтвердить то, что было уже решено вашей партией еще в июле. В течение этих месяцев с нашей партией во исполнение этого решения расправлялись, применяя все, вплоть до смертной казни, за «мятеж», за «заговор», за «позицию ЦК», за отказ отречься от нее, **хотя судом не было еще установлено, был ли этот мятеж и заговор и в чем именно состоит эта позиция, за которую нашим Мисуно приказывают рыть себе могилу перед смертью.** Если революционный трибунал установит в этой «позиции ЦК» отсутствие мятежа и заговора о свержении вас, то он же этим выносит осуждение своему ЦК. Скорее реки потекут вспять, чем это может случиться.

Мы-то знаем хорошо, что вы можете сделать во имя партийной дисциплины. Мы знаем, что у вас все дозволено во имя ее. Партийная дисциплина позволила нас осудить и держать на положении вне закона. Позволены тайны убийства нас, так, одного нашего Левого Социалиста-Революционера, видного работника, подстерегает один ваш агент ВЧК; ему дано разрешение не арестовывать, а просто «убрать». Мне тонко намекали через Устинова, что если меня выпустят, то меня же может расстрелять «чрезвычайка», и зондировали, не соглашусь ли я отказаться от политической деятельности.

Чудовищно, но факт...

Нечего, конечно, сомневаться в дисциплинированности большевиков Революционного трибунала, вопреки всякой логике, истине и доказательствам.

Должно прийти время, и, быть может, оно не за горами, когда в вашей партии поднимется протест против удушающей живой дух революции и вашей партии, политики. Должны прийти идейные массовики, в духе которых свежи заветы нашей социалистической революции, должна быть борьба внутри партии, как было у нас с эсерами правыми и центра, должен быть взрыв и свержение заправил, разложившихся, зарвавшихся в своей бесконтрольной власти, властвовании; должно быть очищение и пересмотр, и подъем, должно быть возрождение партии большевиков, отказ от губительных теперешних форм и смысла царистско-буржуазной политики, должен быть возврат к власти Советов, к Октябрю.

И я знаю, с такой партией большевиков мы опять безоговорочно и беззаветно пойдем рядом рука об руку. А сейчас лучше убивайте нас и держите в тюрьмах, чем иметь наш штемпель и подпись под директивами расстрела крестьян и рабочих и разгрома всех деревень до основания. Судите и карайте, как судите и караете десятки тысяч трудящихся.

Ваш суд над нашей партией символичен. Он логически доводит близко к концу то разложение, до которого дошла партия большевиков. Ведь только фракционной извращенностью и дисциплинированностью членов партии можно объяснить, что вы сами это дело не снимаете, а все-таки довели его до фикции суда, наложения штемпеля на все проделанное с нами за эти 5 месяцев.

А так как у вас не было и не будет оснований отрекаться от сделанного и так как **я-то знаю,** что (независимо от того, хорошо это или дурно) мы не свергали в июле большевиков и что наше намерение было только — террористический акт международного значения, акт протеста на весь мир против удушения нашей революции, так как **я-то знаю,** что был не мятеж, а самозащита, наполовину стихийная, от расправы ослепших от гнева за Мирбаха большевиков, что было только вооруженное сопротивление революционеров при правительственном аресте, и так как ваш партийно-дисциплинированный суд **должен всему этому не поверить,** то для чего же мне участвовать в затеваемой вами судебной комедии? Для чего своим участием в ней санкционировать право вашей партии судить и наказывать нас, санкционировать шарлатанскую имитацию вашего Шемякина суда под суд народной совести и чести, чем должен был бы быть Революционный трибунал.

Кодексом Советских Законов случаев террора против агента империализма не предусматривается. По смыслу нашей революции и должен был бы разрешить [быть разрешен] такой террор. По смыслу нашей революции выходит, что если на тебя нападает **кто бы то ни было** и берет тебя за горло, то, если ты не овца и не слякоть,— защищайся — защищай свою жизнь и свободу, жизнь и свободу своих товарищей...

Судом революции, над которым вы уже не хозяева, мы вряд ли были бы посажены на скамью подсудимых...

Какую бы возможность вы ни нашли поставить меня под ваш суд, все равно — заставить меня участвовать в нем вы не сможете, даже ваша «чрезвычайка» окажется здесь бессильной. Слишком долго я была на самом дне жизни, слишком сильно всеми помыслами и сердцем люблю революцию, чтобы бояться каких-либо испытаний и смерти: «на прицел», под который пять, шесть раз брала меня здесь в Кремле ваша стража, для ради забавы. И только убийством вы можете меня изъять из революции, меня и партию. Она наша, и мы ее...

Наша партия Левых Социалистов-Революционеров интернационалистов единственно последовательная и стойкая интернационалистическая партия. Партия крестьян и рабочих, партия власти Советов, свободно выбранных трудящимися. Партия непримиримой борьбы с богачами и угнетателями всех стран, партия, не запятнавшая себя соглашательством ни с какой буржуазией, ни с каким империализмом, не загрязнившая своих рук использованием старого аппарата сыска и насилия буржуазной государственности, партия светлой, могучей веры в социализм и Интернационал, имеет огромное будущее.

Истребить ее невозможно ни вам, ни временной реакции, так как и она, и ее идеи живут в массах, коренятся в глубинах их психологии, и революционное мировое возрождение всего человечества неминуемо произойдет под знаком ее Идеи, Идеи освобождения Человеческой Личности.

М. СПИРИДОНОВА.
Кремль. 1918. Ноябрь

Рубрику ведут
доктор исторических наук Юрий СИМЧЕНКО
и кандидат исторических наук Сергей САВОСКУЛ

НЕАДИГА ИЗ УДЭГЕ

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

Не так давно на первом съезде народов Севера представитель удэгейцев сказал, что его народу угрожает страшная опасность — на одной из удэгейских рек какой-то госпромхоз намеревается вести лесозаготовки... Вырубить лес...

Старина Неадига взял меня в тайгу только по основательной проекции.

Прямодушно заявил:

— Как якорь будешь. Как тормоз.

Глядя на его тщедушную фигурку, тонкие кривоватые ноги, лицо, напоминавшее маньчжурский орех, я возразил (дело давнее, через двадцать лет я бы так не поступил):

— Уж как-нибудь не отстану!

Старик только усмехнулся. Он, словно пехотинец, накручивал на голени длинные обмотки. Затем натянул унтики — короткие меховые сапожки — и завязал наколенники из брезентоподобной материи. За обувью последовала короткая куртка, не виданный мною ранее промасленный холщовый передник. Одевшись, старина неспешно раскрыл кожаную сумку и выложил на стол ее содержимое: спички, огниво, кремень и трут (дань прошлому), костяную копалку. Снова собрав все добро в сумку, так же неспешно подпоясался ремнем с двумя ножами. Затем взял прислоненный к дому длинный посох и пошел.

Есть что-то значительное в том, как ходят природные охотники. Старик Неадига двигался как бы нехотя. Вроде бы нога за ногу. Однако ленивый шаг сразу же за поселком перешел в мерную поступь, а старик наращивал и наращивал темп. Едва войдя под сень дерев, я был уже, что называется, в мыле,

а у Неадиги, как говорится, даже рубашечка не пропотела. Но это было только начало. Скоро старик свернул с видимой тропы и зашагал по-настоящему. Он шел и шел наторенной за его шестьдесят лет дорогой, разглядеть которую я не мог. «Не сдамся»,— решил я, понимая, что попал в трудный переплет.

— Ты так сопел, что с дальних гольцов звери бежали,— добродушно сказал Неадига на привале.— Хорошо, что не на охоту идем.

Мы шли за женьшенем. Сопеть дозволялось.

Неадига снял с головы меховую шапочку, украшенную замечательной вышивкой, сдернул накидку, которая не позволяет всякому лесному мусору сыпаться за шиворот и за пазуху, и я убедился, что и волосы у него оставались сухими. Это было вдвойне поучительно — он не вспотел в тайге в июльскую жару и на ходу. Зато вспотел после первой кружки чая. И потом потел, долго, с удовольствием, пока чайник почти не опустел. Тогда старик вылил остатки воды в огонь затухавшего костра. Я перемешал угли с землей на кострище, придавив их дерновыми пластинами. Место было испытанное — старое кострище. Старик сгреб из-под дерева высохший прошлогодний лапник, сложил его, аккуратно поломав палочки для завтрашнего костра, и принялся за сооружение «перины». Видимо, он этой спальней пользовался не раз.

— Давай спи,— велел он мне,— завтра рано пойдем.

...На нужное место — к традиционной стоянке — мы пришли только к вечеру следующего дня.

— Палатку ставь!

Я к этому времени окончательно смирился с ролью подсобного рабочего. Сам же Неадига медленно передвигался по обширной поляне, прочесывая ее встречными галсами. Он шел осторожно, раздвигая перед собой длинной палкой высокую траву. Искал не наудачу, а по определенной системе. Наконец остановился и медленно опустился на колени перед чем-то, не видимым мне. Я прыжками помчался к этому месту, но окрик старика убавил мне прыти:

— Тихо иди! Олондо здесь!

Олондо — это женьшень.

Легендарное растение выглядело весьма скромно. Зонтик с красненькими ягодками, несколько резных листочков на длинном стебле. Старик молча пальцем пересчитал их. Пять. Корневщики обычно расчищают вокруг стебля хвою и листья и по морщинам на коже корня определяют, стоит ли его брать. Если видят, что корень маленький, то оставляют до лучших времен. Если листьев четыре, то это уже явно большой корень, который надо брать, а если пять, то это очень хороший корень, который получит свое индивидуальное имя. Неадига нашел корень, который сам и оставлял, чтобы подрос. Видно, у старика глаз легкий. Многие считают, что из-за «плохого» глаза корень перестает расти.

Со сбором женьшеня местное население погорячилось еще в прошлом веке. Не столько удэге, сколько различные пришельцы, главным образом с китайской стороны, брали все напропалую. Теперь с корнем туго. Неадига явно привел меня на свою потаенную плантацию...

Старик медленно склонился над растением и забрал в рот зонтик с ягодками. Долго катал их во рту, обсасывая мякоть, а потом на четыре стороны выплюнул семена. Посеял.

Процедура раскапывания корня требует великого терпения. Неадига вынул костяную копалку и принялся за рытье. Каждое его движение было

как в замедленном кино. Он нежно «проходил» каждую мочку корня.

— Мужчина,— сказал наконец, определив пол находки.

В тот день он так и не ел. Копал и копал. Потом снял кору с ближайшей лесины и смастерил коробку. Положил туда мха, упрятал корень и только тогда поплелся пить со мной чай.

— Раньше грех считался — чужому олондо показать,— говорил он за чаем.— Раньше вообще никому нельзя было про травы рассказывать...

Удэгейцы — потомки древнейшего населения верховий реки Уссури и ее притоков. Говорят они на языке тунгусо-маньчжурской группы. Живут в Приморском и Хабаровском краях. По переписи 1989 года обнаружилось 1902 человека удэге. По переписи 1979 года их было 1551. Прирост большой, что очень отрадно.

У этого народа нелегкая история. Южный сосед — китайцы — относился к ним как к дикарям, а к их имуществу как к своей законной добыче. Изустная хроника удэге полна сведений о постоянных утеснениях та-цзы — «рыбокожих инородцев» — со стороны китайских чиновников и различного рода искателей приключений, грабивших с особой жестокостью.

— Раньше здесь хунхузы были,— повествует Неадига.— Мне еще отец рассказывал... Мы тогда только в поселке Гвасюги поселились... Прибежал один человек из тайги и говорит: «Скорее пусть все женщины спрячутся, детей с собой возьмут... Пусть всю еду в реку выкинут, чтобы пропала, а все меха попрячут. Сюда хунхузы идут с южной стороны. Всего двадцать человек...»

Тогда один такой хвастливый был, он говорит: «Зачем прятаться, как трусливым мышам? Если эти люди будут нас обижать, то как будто у нас ни ножей, ни копий нет? Защитимся как-нибудь!»

Другие-то мужчины в это время на промысле были. Одни женщины почти оставались. Послушались его.

Уже вечером пришли чужаки. Этого самого советчика позвали и спрашивают: «А где остальные мужчины?» Тот испугался, отвечает: «Они скоро с охоты придут». Тогда хунхузы стали всех подряд грабить. Заходили к людям и всех обыскивали. Меха, что были заготовлены на продажу, забрали. Одних соболей несколько мешков взяли. Потом стали лодки нагружать едой. С собой молодых девчонок взяли, а этого человека, который женщинам оставаться велел, с двух сторон ножами проткнули. Один из наших мужчин из тайги прибежал — тот их впереди на перекате встретил и сколько-то застрелил из ружья, а одного на берегу топором зарубил. Его тоже убили. Вот такие раньше хунхузы были.

И все-таки удэгейский народ не ушел с этой земли — слишком прочно был с ней издавна связан. Правду сказал Неадига: у его сородичей в тайге свои тайны. Испокон веков удэге знали более трех десятков лечебных трав. Жизнь научила их скрывать свои знания. И сейчас тайга дает этому народу черемшу, дикий лук, дикий чеснок, корни папоротника, стебли белокопытника, недотрогу, мяту, корни дикой лилии, подорожник, кровохлебку, тысячелистник, жимолость, голубику, красную смородину, бруснику, клюкву, черемуху, боярышник, шиповник, корни бубенчика трехконечного, платикадона крупноцветного, дудника медвежьего, калину, лимонник и множество другого, с чем незнакомы самые въедливые исследователи удэгейского быта.

Еще тайга дает людям мясо — оленье, лосиное, кабанье и другое; рыбу — кету, горбушу, тайменя, ленка, хариуса; боровую дичь — рябчиков, тетеревов, куропаток и ценнейший мех — соболя, горностая, колонка и выдры... По старинным удэгейским обычаям охотник никогда не бьет зверя больше, чем нужно для пропитания семьи.

Природа способна одаривать человека куда богаче, чем сейчас, если не выкачивать из нее только доход от пушнодобычи. Ведь то, что съедобно в тайге, выбирается далеко не полностью. А в наши дни таежная пища все более и более ценится. Она не отравлена химией, экологически чиста и может стать спасением для людей, пострадавших от цивилизации. Историческая миссия удэге — быть хранителями этой земли. Старики до сих пор уверены, что земля — живое существо. Поэтому ее никто не вздумает ругать или колоть копьем. Удэгеец не протопчет дороги на новом месте и не возьмет лишней ветки для костра. Тигр и медведь у них и поныне считаются священными животными. И если бы все строили отношения с природой, как удэге, не понадобилось бы заносить тигра в Красную книгу.

Только пришлым кажется, будто тайга ничья. Для удэге она все равно что родимый сад или огород для крестьянина. Это и надо уяснить всем, кто желает «взять тайгу». У нее есть хозяин. И мне в голову не приходит осудить тех удэге, которые однажды с карабинами в руках не пропустили госпромхозовцев. Варварами-то как раз предстают лесозаготовители. Хуже, чем варварами.

Языковеды полагают, что само название «удэге» произошло от китайского слова, означающего «дикарь». Но в наши дни все более важным критерием развития национальной культуры становится экологическая грамотность людей. В этом отношении удэге, как и другие охотничьи народы, стоят на не досягаемой для «цивилизованных обществ» высоте.

...Старый Неадига «покинул этот свет для небесной охоты» уже лет двадцать тому назад. Сородичи одели его в новую, «смертную» одежду, быстро выдолбили гроб в виде лодки, положили туда охотника и все, что ему было нужно в этом мире. Только все вещи сломали — выпустили из них души. Лодку-колоду установили на высокий пень. Рядом разожгли костер и «покормили огонь». Брат покойного заколол палкой любимую собаку Неадиги, чтобы и она пошла с хозяином в загробный мир.

Через год вернулись на то же место и поместили в шалашик куклу, которая все это время была вместилищем души старика. Теперь его душа, как верят удэге, проживет еще одну, загробную жизнь, потом пройдет через муки вечного мрака в страшном нижнем мире. Оттуда ее достанет великая старуха Тагу Мама, выходит и снова отправит на Землю, только сменит ей пол.

Мне рассказывали, что через несколько лет родственник Неадиги, шаман, отправился в бунига — Землю мертвых на западе, чтобы спросить у охотника, не надо ли чего-нибудь. Если что-нибудь потребуется, добро передают на тот свет в виде жертвы. Он, однако, уже не встретил там родича. Неадига ушел в Верхний мир, на небо, где живут до времени души тех, кто делал людям на Земле добро. Там и лес побогаче, и охота получше. Шаман сходил и наверх, через дыру в небе, которая ведет на дорогу к Луне и Солнцу. Добрые люди сказали ему, что Неадига скоро снова появится в земном мире.

И мне подумалось: не дай бог, чтобы какие-нибудь новоявленные хунхузы лишили такого человека родины на этом свете.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

На чужих хлебах

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО,
народный депутат СССР

Получив наконец-то слово, я толковал с трибуны, что повышают цену на хлеб те, кто вовремя не раздал землю людям. Многим это не нравилось. Значит, против колхозов. И кому раздавать, кто теперь возьмет? И разве не правда, что хлеб пока дешев, сухие булки бросают в урны? И что значит — раздать землю, для чего же тогда делали революцию, мучились в начальных колхозах?

Но свое я все-таки сказал. А когда вспыхнула лампочка возле микрофона (время, мол, истекло), я вдруг вспомнил об искателях земли, своих утренних «Моргунках». Но Лукьянов прибавки времени уже бы не дал — и я с тайной досадой (эх, так и не реализовал заготовку) вернулся на свое место.

И тотчас подсел ко мне Хороший председатель. Он был с юга, почтителен и миролюбив. Хотел он классового мира и консолидации с писателем. Даже комплименты говорил — какой я опытный и как шпарю без бумажки. Но жизни в низах, увы, не знаю! А в **низах** планом тебя подгрузят — о-го-го! — а обеспечения под него никакого, а колхознику без разницы, есть стройматериал, добыл ты запчасти, сумел выбить фонды или нет. Ему «абы гроши да харчи хороши», это абсолютно эгоистичный контингент, и напрасно я идеализирую — никто и не хочет эту мою землю разбирать, «дурных нема — все поженились». Вот если б я узнал его крестьянскую жизнь, влез в шкуру его, крестьянина, то никогда, мол, не говорил бы так с трибуны...

И я не мог сказать ему, селянину, со всеми хуторскими фортелями в южной степняцкой речи, что он никакой не крестьянин, а как раз тот **держатель земли**, из-за которого теперь норовят так взвинтить цены на хлеб.

Из-за которого ввозят на пятнадцать миллиардов (или больше?) чужих харчей в год, а свой хлеб пропадает.

Из-за которого страна самой большой пшеничной запашки в мире уже почти двадцать лет, пятую часть XX века, не прибавляет урожая, стоит, считай, на месте, хотя многие богатые страны, вроде Голландии, умудрились удвоить сбор зерна с земельной единицы.

Категории ВЛАСТИ и СОБСТВЕННОСТИ, главнейшие в каждой революции, встали поперек роста урожаев, поперек дешевизны съестного на богатых черноземах — и «тут не объехать, не обойти, выход один — взорвать».

Положено говорить, что лично он, Хороший пред, тут ни в чем не виноват, просто отчуждение человека от земли делает потери зерна генетически непреодолимыми, они у наемного работника, у лукавого раба всегда были и будут, и поэтому правы Партия и Правительство, когда отдали 70 уже миллиардов долларов за айовский реальный хлеб и не рискуют давать валюту в ненадежные руки колхозов-совхозов.

Положено говорить, что лично он, Хороший, делает все, что может и должен, и если бы все были такие, как он, то — о-го-го! — где б мы были... Но один только вопрос, простой, как мычание, вдруг все ставил на свои места:

— Если ваши крестьяне когда-то снесли свое добро до купы, то может ли каждый по желанию теперь унести свой пай?

— Нет!! — вскипел председатель Хороший.— Вот тут и сидит у вас идейный порок! Никакого пая давно нет. Все сто раз переработано и изменено, никаких его серых волов, никакой его хуторской запашки в природе нет, и делить нечего, и крестьянина нет, и желания выйти нет и не будет! Пенсия нужна, «жигуль» сыну, белая жесть на ремонт дома — вот и все потребности, можете вы это понять или нет?!

Ну, тогда примиритесь с тем, что пропадать и гнить на своих полях будет столько, сколько везут стотысячные танкеры через Атлантику, а кормить будут нефтепромыслы — с батраком и наймитом в деревне вторая держава сыта не будет.

— Нет! — зашумел Хороший так, что на нас осуждающе глянул президиум.— Вы развяжите руки председателю, дайте ему технику, деньги, права, материалы, кредиты, уберите этот проклятый госзаказ, тогда и...

Его мне должно быть жалко. Как уходящего не по своей вине. Как жертву истории, пышно говоря. Поручик Голицын, корнет Оболенский из пошловатого нью-йоркского романса — отчего они стали нам милы и жалки? А грусть-тоска, ностальгия: еще и погон блестит, и стек в руке, и кольт на месте, а бабка история уже пошептала — и нету Добрармии, и единственное, что останется,— это ресторанная песенка через семьдесят лет...

Что реально останется от Хорошего? Его погон пока блестит и патроны на месте: сама громадность хозяйств закреплена технически, заводами и марками тракторов, все-все — от титанов-элеваторов до узлов железных дорог — подогнано под «фабрики зерна», под Племя Великанов с двумя-тремя звездами слева по борту, но «серп не жнет, подкова не куется, песня вдалеке не раздается»; среди этих 48 тысяч гигантов (если плюсовать к колхозам совхозы) около четверти — вообще экономические мертвецы, они только облегчили бы бюджет, если бы перестали в строю числиться. А и у тех, кто числится в идущих, так часты средневековые урожаи, печенежские надои, чудовищная, варварская себестоимость и пещерная производительность труда, а трехмиллионная армия надзирателей и отцов командиров с Хорошим председателем на правом фланге и сидельцами-счетоводами на левом так мощна, жадна и неистребима, что в пору объявить целые регионы зелёного государства — и Тверь с Вяткой, и Вологду с Ярославлем, и Кострому — Иваново, и псковские-новгородские пашни, скудно, но кормившие и княгиню Ольгу, и невского Александра,— зонами экономического бедствия, агропустыней и провозгласить: стоп, здесь колхозная история прервала течение свое, эксперимент завершен — и вперед ни шагу!

Вы дивитесь, любезный согражданин, почему цены прыгнут, как спортсмен на батуте? Как, мол, это так — все был да был самый передовой аграрный строй, весь мир колхозному строю учили, и внезапно, ошеломительно цены — в поднебесье, Москва закрыта паспортным кордоном, надежд на близкий коммунизм практически никаких, а мясо на рынке — треть вашей месячной пенсии за кило вырезки? Я сторонник своих собственных взглядов, ничего не оправдываю, только прошу-умоляю: да вы поглядите на землю! В электричке едете — протрите стекло. В автобусе — припадите к окошку. Этакие дороги — кошмар перемещения и тромбофлебит экономики — немыслимы в здоровом обществе. Такие жилища, эти захламленные черные избы или разноэтажные бараки под серым шифером, не могут быть гнездами труда и старания, счастья и народных песен, в них могут обитать только хмель, мат и высокая себестоимость. Вы взгляните на эту гордость пятилеток — комбайны-тракторы: их никогда не мыли, они не знают крыш, их не берегут, не холят, это железная калечь... И если даже свидетельства собственных ваших очей будет вам мало, если и тут вы сможете себе и миру все объяснить, прогнать на скорости заученный круг аргументов насчет войны, помощи всем бедным на планете, родимых пятен капитализма и подлых погодных условий, будто сговорившихся против развитого социализма, то я в порядке консолидации возьму вас на прогулку в перерыв.

По Тайницкому саду Кремля, где уже завязались яблочки на холеных деревьях, а за поясницей бронзового Ленина норовят дать бутон горкомхозовские розы. Мы пройдем дорожкою и променадом, вам знакомым по художественной картине «Сталин и Ворошилов в Кремле», и послушаем бывальщины, какие тоже объясняют многое в моем и вашем бюджете.

Депутат армянин того возраста, о котором говорят «дядька», едкий и хорошо вымученный жизнью:

— Понимаешь, за план платить заставляют! Тысячу им не положишь, замучат коконами. Кокон — это шелк, черви, работа тяжелая, легко все погубить, разориться, а прибыль плохая: цены... Все от этих коконов разбегаются, вот областные чиновники и сделали из этого червя себе золотую жилу. Не положишь в ящик конверт с тысячью рублей — задавят тебя коконом. А положил — умница, передовик, перевыполняешь план...

Депутат-русак, с Камы:

— Понимаешь, двое областных деятелей, крепкие ребята, один — первый секретарь горкома, другой — областной «мелиоводхоз», решили бросить карьеры к такой-то матушке, уехать в брошенную и забытую богом Хмелевку и жить трудом своих рук. Не фермеры, у нас не пошалишь,— арендаторы. И вот кормят наши герои бычков, месят грязь, по пояс в навозе, и поголовье отвечает на заботу, привес куда с добром: по килу в день! Приходит пора сдавать, везут на мясокомбинат. Высшая упитанность! И начисляют им по семь рублей за кило! Это дотация такая от государства — на развитие, на поддержание штанов... Ну, мчатся они с квитанциями назад веселые, в надеждах: так-то мы обстроимся, то-то ли заведем... А бухгалтер, кувшинное рыло, хлоп их по темечку: по два рубля четырнадцать коп. получите-распишитесь... Ка-а-ак — два рубля?! А пятерка кому? А пятерка, граждане, социализму, на развитие социальных нужд, аппарату тоже надо держаться... «А мы кто ж такие, не социализм? — орут наши герои.— Кто быков вырастил, кто вам процент нагнал, на Доску почета вывел?!» «Ишь как запели, отступники,— отвечает им аппарат.— А зачем было выдрючиваться, дело бросать, людей смущать?» Так и воюют: наши отступники почти разорены, но удила закусили, не уступают... Война под крышами!

Депутат-москвич, писатель, а проще сказать — я сам:

— Утро, разминаюсь на опушке, рядом со своими «шестью сотками» — латифундия известная. Гляжу — у заросшего рва, военного нашего памятника местного масштаба,— четверо из «жигуля»: два мужика, молодайка служилого вида и, видать, теща, двигатель всему. Огляделись, примерились — окликают меня. Не знаете, мол, все ли участки здесь разобраны? Какие участки, позвольте? Ну, вышел же закон о земле. Гражданин СССР имеет право на пожизненное наследуемое владение землей. Вот мы и хотим — пожизненно...

Выясняю: ближние жители, из аэропортовского городка, обслуга-технари, охота перебраться из постылых панелей на землю. Дома построить, сады завести — так нет ли, мол, пустующей земли, чтобы по новому закону?

Та-ак, значит, соток шесть желательно? Теща хмурится: почему это шесть? Мы б и полгектара взяли! Картошка-моркошка, штрифель-антоновка, все свое будет, есть ли только пустая земля?

Никита Моргунок из «Страны Муравии» — вон он как нынче преобразился! Да-да, понимаю, никакой уже он не былинный крестьянин, вовсе не земледелец-купец Штатов и «Общего рынка», но его счастье есть отражение городского панельного несчастья, муки очередей, бесчеловечья автобусов и электричек, это Страна Городов, побросавшая вековые деревни — селения (Серп, убежавший за Молот), двинулась за мечтой, за синей птицей, сорванная с места шумом непутевого своего парламента:

— Есть ли тут пустая земля? Где? Давай нам!!

Милые, дорогуши, есть! Я двенадцать лет наблюдаю этот пятигектарный клинышек, то овес тут колхоз посеет, то горох, а все ради идиотского плана, в пустой след, почва кислая, одни вороны устраивают здесь осенние балы... В хорошие руки — через два-три года зарумянело бы поле, куда бы кислотность ушла, куда бы бесплодность девалась — рай бы земной, подмосковный зазеленел, что сорта, что трудолюбие; и ведь не надо ни фондов, ни планов, ни досок почета, все это туман, миф и суета; будет теща как движитель, мужички будут, и старания, и деньги, и, как говорилось еще в семнадцатом году, «вольный труд на вольной земле».

Провокационно и заговорщически говорю им:

— Колхоз «Красная нива», кажется... Факт абсолютный — ни черта отсюда не берет, одна трата солярки. Сопротивляться будет насмерть! И даром ни за что не отдаст. Но идите и обрящете! Стучите — и откроется вам! Кулаком по столу стучите: закон есть! Стучать не будете — не видать вам, любезные, ни земельки, ни воли, ни хлеба...

Так рассказываю знакомцам и я в Тайницком саду, и скоро звонок, и опять идти под бок к Хорошему председателю.

ЛЮДИ И ВРЕМЯ: ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТРИЕВ

ИЗ КОНСТИТУЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ, УТВЕРЖДЕННОЙ УЧРЕДИТЕЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 27 АПРЕЛЯ 1921 ГОДА В ЧИТЕ

Ст. 12. Все граждане ответственны за свои преступные деяния и поступки только по суду по законам Республики.

Ст. 14. Церковь отделяется от государства. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Ст. 17. Всем гражданам гарантируется полная свобода собраний, слова и печати. Наказания за преступные деяния, совершенные путем устного или печатного слова, могут налагаться только по суду. Граждане не подлежат ответственности за свободное выражение своего мнения.

Ст. 18. Объявляется свобода возникновения и существования союзов и обществ (в том числе религиозных), не преследующих целей, наказуемых уголовными законами республик.

Ст. 19. Устанавливается для трудящихся свобода стачек, каковая не подлежит со стороны государства никакому ограничению.

Ст. 20. Личность, жилище и переписка каждого гражданина неприкосновенны.

Ст. 21. Никто не может быть наказан без суда. Никто не может быть задержан, заключен под стражу, подвергнут обыску личному и на дому или иному ограничению свободы без оснований, определенных законами Республики, и притом исключительно по постановлению судебной власти с предъявлением такового постановления подлежащему задержанию.

Ст. 23. Без согласия хозяина вход в жилище допускается лишь по призыву о помощи изнутри жилища для оказания помощи, или при несчастных случаях, или во исполнение требования судебной власти. Исключения из этого правила допускаются лишь при задержании на месте преступления.

Ст. 24. Цензура почтовой, телеграфной и телефонной корреспонденции не допускается.

Ст. 25. Каждому гражданину предоставляется право свободного передвижения как в пределах Республики, так и за пределы ее, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Ст. 26. Телесные наказания и смертная казнь отныне совершенно и навсегда отменяются.

Ст. 28. Всем мелким народностям и национальным меньшинствам, входящим в состав Республики, предоставляется право широкой автономии, пределы которой определяются законом.

Публикация Галины ЛИТВИНОВОЙ.

Как придумали партию

Леонид ФЕДОРОВ,
полковник юстиции,
кандидат юридических наук

«Промпартии процесс, судебный процесс, состоявшийся в Москве в конце 1930. Группа инженерно-технической интеллигенции... обвинялась в создании антисоветской подпольной организации (так называемой Промпартии) и в осуществлении в 1925—30 вредительства в промышленности и на транспорте. Обвиняемые были приговорены к различным срокам лишения свободы. В феврале 1936 ЦИК СССР удовлетворил ходатайство осужденных... об амнистии»

(Из Советского энциклопедического словаря 1988 года издания)

Обвиняемый Рамзин дает показания.

Долог век «Краткого курса истории ВКП(б)», который клеймил «врагов народа»! За прошедшие годы смягчились, стали более расплывчатыми формулировки, но у огромной части общества по-прежнему сохраняется представление о деле «Промпартии» как о разоблачении вредительской организации.

Вышло так, что по долгу службы мне пришлось глубоко вникнуть в эту запутанную историю.

Окончив морской факультет Военно-юридической академии, я через несколько лет, в январе 1955 года, стал военным прокурором одного из отделов Главной военной прокуратуры, занимавшихся пересмотром дел сталинских времен и реабилитацией, в том числе и посмертной. Помню большие очереди в приемной ГВП, где люди часами стояли, чтобы попасть к военным прокурорам, передать жалобы, заявления, получить ответы.

В один из январских или февральских дней 1955 года начальник нашего отдела полковник юстиции Горбашев (впоследствии генерал, прокурор Ленинградского военного округа) принимал в приемной жалобщиков. Вызвал меня. Я увидел моложавого мужчину лет пятидесяти в сером костюме. Горбашев представил нас друг другу. Посетитель оказался профессором, доктором химических наук Иосифом Борисовичем Раппопортом. Как прокурор отдела я должен был проверять его жалобу на необоснованность осуждения.

Иосиф Борисович ставил вопрос о восстановлении в партии, однако судимость не позволяла удовлетворить его просьбу. В связи с этим прошения о реабилитации вместе с персональным партийным делом хранились на контроле в отделе административных органов ЦК КПСС. Уже из краткой беседы с заявителем здесь же, на приеме, я понял, что мне предстоит проверка не обычного дела 1937—1938 годов (они тогда в основном нами пересматривались), а более раннего и, очевидно, более сложного.

Но действительность превзошла все мои предположения и ожидания.

Для того чтобы начать проверку жалоб Раппопорта, я должен был тщательно изучить дело в 16 томов, составить подробный календарный план проверки. Большинство протоколов допросов, очных ставок были записаны от руки следователем центрального аппарата ОГПУ Чертком, почерк которого с непривычки был совершенно непонятен. Первые дни и даже недели мне пришлось буквально расшифровывать иероглифы Чертка, разбирать протоколы буквально по строчке, слову и даже отдельной букве.

Я почти на целый год влез в дело Раппопорта и других...

Раппопорт, а с ним еще около пятидесяти человек были осуждены по общему списку Коллегией ОГПУ в конце 1930 года за контрреволюционную деятельность в составе «Промпартии», причем Раппопорт И. Б. и другие — за участие в подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства.

ный перерыв нашел нужный дом и квартиру. Нажав на кнопку звонка, я, конечно, не рассчитывал на то, что увижу самого Рамзина или кого-нибудь из его семьи. К моему немалому удивлению, дверь открыла еще не старая женщина, которая назвалась Эрой Багдасаровной Рамзиной. Однако муж ее, как выяснилось, умер в 1948 году.

Очередь у входа в зал заседаний, где идет процесс «Промпартии».

Кроме признания вины в террористической деятельности Раппопортом и другими обвиняемыми, их вина подтверждалась подробными показаниями руководителя организации Л. К. Рамзина, других соучастников, заключением экспертизы и так далее.

Известно, что дело «Промпартии» было многократно упомянуто в «Истории КПСС» как один из первых громких процессов против организованной контрреволюции. Как проверять такое дело, как подвергать сомнению святая святых?

Меня, послевоенного питомца Военно-юридической академии, ученика наших блестящих процессуалистов и криминалистов, свято верившего в социалистическую законность и ее высокие принципы, действенный прокурорский надзор, неприкосновенность личности и презумпцию невиновности, сразу поразил один документ в этом деле — выписанный в следственном отделе ОГПУ без всякой санкции прокурора ордер одному из оперуполномоченных ОГПУ на обыск и арест «всех подозрительных в Москве и Московской области». Но чем дальше я погружался в материалы, тем меньше приходилось удивляться...

Зная о Л. К. Рамзине в те годы очень мало, я, помню, решил все же кое-что выяснить о нем, помимо уголовного дела. Выписав из следственных документов его домашний адрес 1930 года, я как-то в обеденный перерыв нашел нужный дом и квартиру.

Естественно, в ходе проверки мне очень бы помогла беседа со следователем Чертком, пусть даже и бывшим. Но кто-то из сотрудников на Лубянке рассказал, что Черток в 1937 или 1938 году выбросился из окна, когда за ним пришли его же коллеги. Стало окончательно ясно, что получить подтверждение или опровержение обвинений из первых рук, от основных действующих лиц не удастся.

Необходимо было начать проверку с официально изданных к тому времени материалов о «Промпартии» и ее руководителе Рамзине. Эти публикации могли лишь укрепить уверенность в безусловной виновности Рамзина и его сообщников, в том числе и Раппопорта.

«Промпартия», согласно этим источникам, насчитывала в своих рядах 2—3 тысячи членов, имела тщательно замаскированный центр. Вслед за Шахтинским процессом 1928 года на протяжении 1928—1930 годов были раскрыты вредительские организации «Промпартии» в ряде отраслей промышленности и на транспорте. Весной 1930-го руководство «Промпартии» было арестовано. На открытом судебном процессе в ноябре — декабре 1930 года все 8 обвиняемых признали свою вину, пятеро из них (Рамзин, Ларичев, Чарновский, Калинников и Федотов) были приговорены Верховным судом СССР к расстрелу, а трое (Куприянов, Очкин и Сытнин) — к 10 годам лишения свободы.

Президиум ЦИК СССР по ходатайству осужденных заменил расстрел 10-летним тюремным заключением и снизил срок наказания остальным.

В многочисленных подробных показаниях Рамзин не только полностью признал свою масштабную организаторскую контрреволюционную деятельность, но и рассказал о разветвленной сети «Промпартии», подготовке ее подразделениями контрреволюционного переворота, вредительстве и диверсиях. Он назвал многих руководителей и членов этой преступной организации, в основном из числа своих сотрудников по Всесоюзному теплотехническому институту, видных инженеров-специалистов.

В материалах дела были протоколы допросов Рамзина, в которых он признал также, что руководство «Промпартии» и он лично готовили террористические акты на Красной площади во время праздничной первомайской демонстрации против Сталина, Куйбышева, Ворошилова и... Ягоды. С 1926 по 1934 год председателем ОГПУ был В. Р. Менжинский, его заместителем долгое время — Ягода, который к тому же замещал Менжинского в период его болезни. Известно, что еще до 1930 года в числе других чекистов Ягода был награжден орденом Красного Знамени за большие успехи в борьбе с контрреволюцией.

Рамзин признался, что, будучи директором Всесоюзного теплотехнического института, завербовал в свою организацию молодого химика Раппопорта и поручил ему готовить взрывчатое вещество для производства кустарных бомб. Раппопорт подтвердил показания Рамзина, и оба они далее пояснили, что в лаборатории института было произведено около 500 граммов взрывчатого вещества из селитры, серы, угля. Затем, по их словам, на Сухаревском рынке были закуплены жестяные банки, в которые и положили взрывчатую смесь, подготовлены самодельные взрыватели. Всего же они таким способом изготовили 16—20 самодельных бомб. Даже неспециалист усомнится в реальности производства такого числа бомб из 500 граммов «взрывчатки», по существу, обычного дымного пороха.

Чтобы придать видимость научной обоснованности этим доказательствам, в 1931 году была проведена техническая «экспертиза». Пиротехник, ознакомившись с показаниями Рамзина и Раппопорта, на одном листе бумаги, без расчетов и рассуждений подтвердил, что действительно таким способом вполне возможно создать взрывчатое вещество, а при начинке им жестяных банок — пригодные для поражения людей бомбы.

Следователям было мало признаний Рамзина, и на последующих допросах ему все чаще ставился вопрос: неужели он считал вполне достаточным для совершения подготавливаемых террористических актов только эти самодельные, прямо скажем, весьма кустарно изготовленные бомбы? Неужели такая солидная организация, как «Промпартия», не имела другого оружия и не принимала мер к его получению? В конце концов Рамзин подтвердил, что действительно руководством и им лично были приняты меры для приобретения боевого оружия.

С этой целью, как показал далее Рамзин, он завербовал своего знакомого, бывшего царского генерала-генштабиста Ф. Ф. Новицкого, который в конце 20-х — начале 30-х годов служил на командной должности в Военно-воздушной академии.

Договорившись с Новицким по телефону, он подъехал на служебной машине ко входу на территорию академии, и Новицкий лично вынес ему, минуя охрану, под видом больших пачек книг около 20 револьверов и столько же боевых гранат. Далее Рамзин показал, что террористические акты члены «Промпартии» совершить не успели, поскольку организация была раскрыта славными чекистами, однако еще до ареста бомбы и оружие удалось уничтожить.

Мне крайне необходимо было ознакомиться со следственным и судебным делом самого Рамзина и лиц, осужденных от 7 декабря 1930 года, поскольку даже приговора Верховного суда СССР в отношении их в 16 томах уголовного дела не было. Я обратился в Центральный архив КГБ. Спустившись в подвальный этаж главного здания бывшего ОГПУ — НКВД на площади Дзержинского, где хранились архивы, обратился к работавшему там товарищу, насколько помню, майору. Он буквально огорошил меня заявлением, что никакого отдельного следственного дела на Рамзина нет, все следственные материалы хранятся в деле Раппопорта и других, которое находится на проверке в ГВП, то есть у меня!

А где же судебное дело? Стенограмма открытого судебного процесса, состоявшегося в конце ноября — начале декабря 1930 года в Колонном зале Дома союзов, издана типографским способом, и эту книгу можно получить в спецбиблиотеке КГБ. Там мне действительно выдали толстый том в плотном переплете — это была не только полная стенограмма, но и приговор, а также отклики зарубежной и советской прессы на нашумевший процесс «Промпартии»[1]. И если наша пресса была единодушна в осуждении контрреволюционеров и заговорщиков и требовала сурово покарать их, в некоторых зарубежных газетах высказывались прямые сомнения в правдивости показаний Рамзина и обоснованности предъявленных по делу обвинений.

Но самым важным оказалось вот что: ни сам Рамзин, ни его «подельники» даже не обвинялись в подготовке террористических актов, а уж тем более не были осуждены за это! Более того, о террористической деятельности руководства «Промпартии» на открытом судебном процессе вообще ни слова не говорилось!

Чем же это объяснить? Ответить на мои вопросы могли только организаторы и творцы тех уголовных дел. Поэтому я запросил данные об их судьбе. Связавшись с Военно-артиллерийской академией, пригласил в ГВП доктора технических наук, профессора, крупного специалиста по взрывчатым веществам и боеприпасам. Он ознакомился с материалами дела и дал заключение.

Из определения Военной коллегии Верховного суда СССР 12 мая 1956 года:

«Проведенной по делу технической экспертизой установлено, что, хотя изготовление взрывчатого вещества и ударников тем способом, о котором показывали на следствии Раппопорт, Липпе и Пацуков, принципиально возможно, но изготовить 16—20 бомб достаточной взрывной силы из 500 граммов взрывчатого вещества невозможно».

Но ведь в распоряжении Рамзина и его террористической группы было еще боевое оружие: револьверы и гранаты, полученные из Военно-воздушной академии от генерала Новицкого. Надо было проверять и эти показания Рамзина. И здесь меня ожидал, наверное, самый большой сюрприз.

Во-первых, хотя Рамзин дал изобличительные показания в отношении генерала Новицкого, протокола допроса, а тем более протокола очной ставки последнего с Рамзиным в деле вообще не было! Признал ли, подтвердил ли Новицкий показания Рамзина о передаче боевого оружия, оставалось совершенно неясным. Между тем было очевидно, что, если обвинения подтвердились, Новицкий не мог остаться на свободе и должен бы в лучшем случае сесть за решетку. Так подсказывала логика. В военном ведомстве мне заявили, что все эти годы Новицкий беспрерывно служил на высоких должностях в Наркомате обороны, причем последние годы в Главном штабе ВВС, и в 1944 году скончался от болезни.

Продолжая проверку, я запросил официальную справку о привлечении Новицкого к уголовной ответственности и о его осуждении. Согласно этой справке, Новицкий все же привлекался к уголовной ответственности органами госбезопасности и подвергся уголовному наказанию во внесудебном порядке, но не за подготовку террористических актов, а за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Запросив уголовное дело Новицкого, я вскоре получил из архива КГБ очень тонкую папку, где было всего несколько протоколов допросов. Новицкий категорически отрицал не только передачу Рамзину оружия, но и знакомство с ним. При этом заявил, что фамилию Рамзина впервые узнал из газет во время открытого судебного процесса над руководством «Промпартии». Естественно, следователи ОГПУ тщательно проверили наличие оружия в Военно-воздушной академии после возможной встречи Рамзина и Новицкого. Все револьверы оказались в наличии, а боевых гранат там в те годы вообще не имелось, что подтверждалось официальной справкой командования академии.

Вот почему следователи даже не решились сводить Новицкого и Рамзина на очной ставке. Но и выпустить Новицкого с миром тоже не захотели. Как царского генштабиста Новицкого стали допрашивать о встречах и разговорах с бывшими генералами и офицерами царской армии. Он признал такие встречи и разговоры, в том числе о политике Советской власти, в частности в деревне. Этого оказалось достаточно, чтобы внесудебным порядком признать Новицкого виновным по статье 58—10 УК РСФСР. Однако с учетом возраста и заслуг генерала перед Советской властью ему была объявлена условная мера наказания, не сказавшаяся даже на его военной карьере...

Подоспели, наконец, и уголовные дела на бывших следователей ОГПУ. Хорошо понимая, что, попав в сферу собственных методов следствия и скорого, неправого правосудия, они могли оговорить себя и других, я все же «выловил», как мне думается, нечто объективное и важное. Так, все они не только подтвердили фальсификацию следственных материалов по делу «Промпартии», но и прямо показали, что по указанию Ягоды выпячивали его фигуру, оттеняли его роль, включая, в частности, его фамилию в список лиц, в отношении которых якобы готовились террористические акты наряду со Сталиным, Ворошиловым, Куйбышевым и другими. Естественно, в ходе проверки мне пришлось встретиться со многими оставшимися в живых участниками «Промпартии». Вначале они категорически отказывались говорить о событиях 1930 года, ссылаясь на то, что тогда на Лубянке им было строжайше запрещено под страхом ответственности когда-нибудь и кому-нибудь рассказывать об этом деле. Но затем, часто после многочасовых бесед, порой не сдерживая слез, вспоминали о том, как давали показания, как были вынуждены оговаривать себя и других. Все они подтверждали, что в то время еще не применялись прямые методы физического воздействия, но были угрозы оружием, избиением, ночные многочасовые допросы, самое страшное, когда пугали арестами членов семьи. Весьма характерно и то, что многие подследственные в ту пору вообще не знали, кто такой Ягода, однако показания подписывали.

Рассказывали они и о том, что после осуждения служили в так называемом «желтом домике» экономического управления ОГПУ, а затем НКВД на территории Бутырской тюрьмы. Там же работал и Рамзин, но он проходил мимо них, пряча глаза или опустив голову. Когда же кто-то из осужденных стал упрекать Рамзина в оговорах невиновных, он ответил: «А что бы вы сделали на моем месте?» Да, Рамзин, безусловно, знал, что стал главным действующим лицом, главным героем грандиозной театрализованной постановки, инсценировки по сценарию Ягоды и его подручных.

По всем материалам проверки я написал подробное заключение на 20 машинописных листах, в котором ставил вопрос о прекращении уголовного дела в отношении Раппопорта и некоторых других лиц, в основном тех, с кем удалось встретиться в процессе проверки, за отсутствием в их действиях состава преступления. Естественно, я не мог тогда ставить такого вопроса в отношении самого Рамзина, его ближайших сподвижников, приговоренных к расстрелу. Когда заключение читали и визировали мои начальники на уровне отдела ГВП, один из них сказал мне: «Сам Рамзин умер, многих осужденных уже нет в живых. Все же это не рядовое событие, а дело «Промпартии», поэтому я завизирую это заключение только в том случае, если будет ставиться вопрос о прекращении уголовного дела не за отсутствием состава преступления, а за недоказанностью вины осужденных». Мне ничего не оставалось, как переделать по этому указанию последний лист заключения, и только тогда оно было завизировано начальниками в отделе. Но для себя я сохранил первоначальный вариант.

Однако на этом злоключения «моего дела» не закончились... Осенью 1955 года я несколько раз был на приеме у заместителя Главного военного прокурора, тогда еще полковника юстиции Д. П. Терехова. (Позднее он стал генералом, заместителем Председателя военной коллегии Верховного суда СССР и несколько лет назад ушел из жизни.) Дмитрий Павлович под разными предлогами не подписывал заключение, а без его подписи оно не могло быть направлено в военную коллегию для отмены решения коллегии ОГПУ и реабилитации осужденных. Терехов говорил: «Давайте подождем, зайдите с этим делом позднее!» И так прошел не один месяц. За это время наш отдел не раз переезжал из здания в здание Москвы, и чаще всего мне самому приходилось таскать дело с моим заключением по этажам и коридорам. Сослуживцы, посмеиваясь, спрашивали: «Что, тяжела «Промпартия»?»

И вот наступил 1956 год, а с ним и XX съезд партии. После его завершения на закрытом партийном собрании ГВП нам прочли доклад Н. С. Хрущева о культе личности и его последствиях. Все изложенное в нем для нас, военных прокуроров ГВП, уже не было откровением. Ведь почти два года мы проверяли уголовные дела периода культа личности. Мы видели и массу обоснованных жалоб прошлых лет, и стандартные отписки надзорных инстанций, читали жалобы, адресованные лично Сталину, Ворошилову и другим, с их

[1] Как сообщает доктор исторических наук В. Сироткин, процесс «Промпартии» был целиком снят на пленку, даже озвучен (что в 1930 году являлось еще большой редкостью) и запущен в кинопрокат по всей стране («Известия», 10.03.89).

резолюциями типа: «Двурушник», «Предатель!».

Спустя несколько дней после оглашения доклада очередной раз позвонил Раппопорт. Мне уже надоело вводить его в заблуждение, ссылаясь на незаконченность проверки, и на этот раз прямо ответил, что проверка его жалобы, его дела уже давно мною закончена, составлено заключение, которое не подписывается руководством ГВП. И добавил: «Позвоните туда, где ваши жалобы уже давно находятся на контроле!»

Буквально через 10—15 минут у нас раздался звонок, и заместитель заведующего отдела административных органов ЦК КПСС (фамилии его не помню) спросил меня о положении дел с жалобой Раппопорта. Я объяснил ему причину задержки. Он уточнил только, кто из руководства ГВП должен подписать заключение.

К этому времени, после неоднократных перераспределений обязанностей в руководстве ГВП, наши заключения и проекты протестов подписывал один из заместителей Главного военного прокурора полковник юстиции И. М. Максимов. Через несколько минут после звонка из ЦК КПСС в кабинете раздался второй телефонный звонок, на этот раз полковника Максимова. Он предложил сразу же зайти к нему с этим делом Раппопорта и заключением. Прочитал заключение и, не задав ни одного вопроса, размашистой подписью утвердил его.

В тот же день я отправил дело с заключением в Военную Коллегию Верховного суда СССР. Оно попало в состав военной коллегии под председательством генерал-майора юстиции Степанова. На заседании военной коллегии я по памяти, без каких-либо записей, подробно, минут за двадцать, изложил содержание, выводы и предложение ГВП прекратить дело в отношении Раппопорта и некоторых других за недоказанностью обвинения. После этого состав военной коллегии остался на совещание, я ожидал решения в коридоре. Хотя, к моему удивлению, генерал Степанов не задал ни одного вопроса, я все же не рассчитывал, что совещание военной коллегии закончится более или менее быстро. Минут через пятнадцать мвня вновь пригласили зайти в кабинет, где проходило судебное заседание. Неожиданно генерал Степанов сказал: «Что же вы пишете, товарищи прокуроры? Вы ставите вопрос о прекращении дела за недоказанностью обвинения, а здесь же самая настоящая липа!» Я коротко объяснил суду, что действительно мои начальники несколько «подстраховались», заменили формулировку отмены приговора. Выслушав, генерал Степанов объявил: «Дело на всех представленных лиц прекращено военной коллегией за отсутствием в их действиях состава преступления!»

Прямо из военной коллегии я позвонил Раппопорту, некоторым другим из тех, на кого было только что прекращено уголовное дело, и сообщил о решении суда. Люди не могли сдержать рыданий...

Так завершилась более чем годовая проверка этого необычного «политического» процесса.

ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР
ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 4н-09182-54

Военная Коллегия Верховного суда СССР в составе: Председательствующего генерал-майора юстиции Степанова и членов: майора юстиции Кошелева, подполковника юстиции Остапенко, рассмотрев в заседании от 12 мая 1956 г. ПРОТЕСТ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР на постановление Коллегии ОГПУ от 10 апреля 1931 года, на основании которого:

1. РАППОПОРТ Иосиф Борисович, 1904 года рождения, до ареста химик Теплотехнического института,
2. ЛИППЕ Борис Карлович, 1897 года рождения, инженер котельной лаборатории того же института,
3. ПАЦУКОВ Николай Григорьевич, 1888 года рождения, зав. химической лабораторией того же института,
4. НОВИ Валерий Осипович, 1895 года рождения, инженер котельной лаборатории названного института,
5. МОРОЗ Александр Иванович, 1893 года рождения, инженер той же лаборатории того же института,
6. ШУВАЛОВ Сергей Александрович, 1903 года рождения, инженер объединения «Котлотурбина»,
7. ПРАСОЛОВ Михаил Николаевич, 1896 года рождения, инженер Теплотехнического института,
8. СБРОДОВ Владимир Алексеевич, 1899 года рождения, инженер-конструктор объединения «Котлотурбина» и
9. РУХИН Константин Петрович, 1899 года рождения, зам. зав. строительного бюро объединения «Котлотурбина» — подвергнуты заключению в ИТЛ по ст. ст. 58—8 и 58—11 УК РСФСР сроком на 10 лет каждый.
10. НОВИ Юлий Осипович, 1894 года рождения, инженер котельной лаборатории Теплотехнического института и
11. ДАВИДОВ Александр Андреевич, 1906 года рождения, техник котельной лаборатории того же института — по тем же статьям УК РСФСР были заключены в ИТЛ сроком на 5 лет.
12. По этому же делу на основании постановления Коллегии ОГПУ от 20 апреля 1931 года — БЕРМАН Лев Давидович, 1903 года рождения, инженер Технологического института, по ст. ст. 58—8 и 58—11 УК РСФСР был выслан в Срвднюю Азию сроком на 3 года.

Заслушав доклад тов. ОСТАПЕНКО и заключение пом. Главного Военного Прокурора — капитана юстиции тов. ФЕДОРОВА — об удовлетворении протеста... рассмотрев материалы дела и соглашаясь с доводами, приведенными в протесте, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР —

ОПРЕДЕЛИЛА:

Протест Генерального Прокурора Союза ССР удовлетворить.

Постановление Коллегии ОГПУ от 10 апреля 1931 года в отношении: Раппопорта Иосифа Борисовича, Липпе Бориса Карловича, Пацукова Николая Григорьевича, Нови Валерия Осиповича, Мороза Александра Ивановича, Прасолова Михаила Николаевича, Шувалова Сергея Александровича, Сбродова Владимира Алексеевича, Рухина Константина Петровича, Нови Юлия Осиповича и Давидова Александра Андреевича, а также постановление Коллегии ОГПУ от 20 апреля 1931 года в отношении Берман Льва Давидовича отменить и дело о каждом из них производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

ПО ДЕЛУ «ПРОМПАРТИИ» ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР БЫЛИ РЕАБИЛИТИРОВАНЫ:

25 августа 1954 года —
ШЛЯПНИКОВ Дмитрий Андреевич;
19 июля 1958 года —
ТИТОВ Иван Сергеевич;
10 сентября 1960 года —
ЛУРЬЕ Михаил Юдимович,
ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ Сергей Алексеевич,
КОЗЛИНСКИЙ Георгий Юльевич,
СМИРНОВ Сергей Михайлович,
БУЛАШЕВИЧ Александр Флорович,
ХОЛОСТОВ Александр Михайлович,
РУНОВ Валентин Иванович,
ДОЛЛЕЖАЛЬ Николай Антонович,
КОНЮХОВ Константин Гаврилович,
СОЛОВЬЕВ Павел Михайлович,
НАДЕЖИН Алексей Алексеевич,
РЕВАКОТОВ Николай Николаевич,
ГУБИН Митрофан Александрович,
НЕЧАЕВ Владимир Николаевич —
за отсутствием состава преступлвния.

Редакция благодарит Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР за предоставленные документальные материалы.

Вадим Викторович БАКАТИН

известный государственный деятель, министр внутренних дел СССР отвечает на вопросы обозревателя журнала «Родина» Юрия МАКАРЦЕВА

— ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ, ЕСЛИ, КАК УТВЕРЖДАЮТ, «АВГИЕВЫ КОНЮШНИ» МВД ОСНОВАТЕЛЬНО ВЫЧИЩЕНЫ, ЕСТЬ ЛИ ПРИ ЭТОМ ЕЩЕ ГАРАНТИИ, ЧТО ПОГОНЫ ПОЛКОВНИКОВ И ГЕНЕРАЛОВ ВПРЕДЬ СТАНУТ НАДЕВАТЬ ТОЛЬКО ДОСТОЙНЫЕ ЛЮДИ?

—...«КОНЮШНИ» НУЖНО ЧИСТИТЬ ПОСТОЯННО. УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО СИСТЕМА МВД КОГДА-ТО ИЛИ СЕЙЧАС ОЧИСТИЛАСЬ ОТ КОРРУПЦИИ И ПРЕДАТЕЛЕЙ, БЫЛО БЫ НЕ ТОЛЬКО БЕЗОТВЕТСТВЕННО, НО И ПРЕСТУПНО.

I. НАСКОЛЬКО ОСНОВАТЕЛЬНО ВЫЧИЩЕНЫ «АВГИЕВЫ КОНЮШНИ» МВД СССР

— Вадим Викторович, «милицейский министр» — фигура для журналистов-политологов обычно малоинтересная. Между тем с некоторых пор замечено и отмечено, что у «главного милиционера страны» Бакатина определенно есть потенциал политического лидера, а такие люди, как правило, в креслах министров не засиживаются. Да вот же коллеги поговаривали, что именно вы хотели составить главную конкуренцию Б. Н. Ельцину в борьбе за пост Председателя Верховного Совета РСФСР.

— Должен вас разочаровать: ваши коллеги пользуются слухами. Я никогда и не думал составлять кому бы то ни было конкуренцию в борьбе за российские эшелоны власти. Это безответственные домыслы.

Да, я получил несколько телеграмм от коллективов, выдвигавших меня кандидатом в депутаты России, но я совершенно сознательно отказался от этого доверия. Не представляю, как можно добросовестно и в полной мере выполнять одновременно и обязанности депутата, и работу министра.

— В интервью на страницах печати вы достаточно подробно изложили свои взгляды на место органов внутренних дел в перестраивающемся обществе и в условиях правового государства: «максимум законности и минимум насилия», «укрепление социального престижа органов уголовной юстиции», «наращивание материальной базы» и т. д. В дополнение к этому хотелось бы от вас услышать вот что, даже если вы где-то уже касались этой темы. Щелоковы, Чурбановы, другие властолюбцы, взяточники, коррумпированные элементы в высшем звене руководства МВД СССР — от шока, вызванного разоблачениями их деяний, страна не может прийти в себя до сих пор. Скажите, Вадим Викторович, если, как утверждают, «авгиевы конюшни» МВД основательно вычищены, есть ли при этом еще гарантии, что погоны полковников и генералов впредь станут надевать только достойные люди? Система выдвижения высших чинов МВД СССР вплоть до министра — ваш взгляд?

— Используя вашу терминологию, скажу, что «конюшни» нужно чистить постоянно. Утверждать, что система МВД когда-то или сейчас очистилась от коррупции и предателей, было бы не только безответственно, но и преступно.

В сложнейший период, который мы переживаем и который характеризуется всевозрастающей степенью организованности преступного мира, важнейшей становится задача создания такой системы, которая бы гарантировала чистоту кадров. И не только полковников и генералов — 98 процентов из них, кстати, прошли путь от младшего лейтенанта. Любые погоны надо носить с честью. И не стоит представлять все так, будто только в милиции процветает коррупция. Другое дело, что для общества крайне важно, чтобы органы уголовной юстиции в силу тех задач, которые на них возложены, были вне подозрений. Без решительных мер, обеспечивающих чистоту кадров правоохранительной системы, невозможна результативная борьба с преступностью.

В докладе на втором Съезде народных депутатов СССР я отмечал: для выявления и искоренения коррупции среди сотрудников милиции сделать предстоит еще немало. Есть факты перерождения, предательства служебных интересов. Во многих МВД, УВД низок уровень служебной, боевой, физической подготовки. Есть и факты взяточничества, должностных преступлений, прямого соучастия работников милиции в преступных сообществах. В 1989 году выявлены и привлечены к ответственности 134 взяточника. Осужден за преступления 751 сотрудник.

Лица недостойные, совершающие должностные нарушения (равнодушие, жестокость, вымогательство, укрытие преступлений), увольняются решительно, несмотря на нехватку кадров.

Но все это уже издержки, брак кадровой работы. Главное — отбор в милицию по конкурсу достойных, лучших людей. Как этого достичь? Мы столкнулись сейчас с типичной задачкой замкнутого круга: чтобы лучшие кадры шли в милицию, надо поднять престиж, авторитет милиции; чтобы поднять авторитет милиции, надо, чтобы в ней служили прекрасные, честные, преданные закону люди. Пока в последнее время наиболее предприимчивые, активные, правда, не скажу — лучшие, кадры стали из милиции уходить. Но дело не так безнадежно, как может показаться.

Во-первых, милиция остается одним из немногих государственных органов, имеющих достаточное уважение народа. Во-вторых, правительством предпринимаются шаги по значительному укреплению материального, социального и правового положения милиции. И, наконец, в МВД сейчас разработан комплекс своих внутренних мер. Повышение качества отбора и подготовки кадров, повышение физических, психологических, моральных и профессиональных критериев — поверьте, для нас это не просто слова. Мы должны создать и обязательно создадим свою внутреннюю контрразведку...

Система выдвижения высших чинов МВД очень проста. Здесь исключительно индивидуальный подход. Министра СССР, как вы знаете, утверждает Верховный Совет СССР. Министра республики — Верховный Совет республики. Для дела желательно, чтобы при этом между нами не было разногласий.

— Когда я работал корреспондентом в Бонне, на дверях подъезда дома, где снимал квартиру, висело такое объявление: «Дорогие бюргеры! Полицейский комиссар... готов выслушать ваши жалобы, просьбы, пожелания. Звоните круглосуточно по телефону...» Наши бедные граждане, как правило, даже не знали фамилии своего участкового... На устах у людей были гаишники, вымогавшие трешки и пятерки у водителей автотранспорта, или милиционеры-«лимитчики», выносящие сумки с продуктами с «черного хода» магазинов, «держиморды» с погонами, набрасывавшиеся с кулаками на подвыпившего человека. Слава богу, сегодня во взаимоотношениях милиции и рядовых граждан кое-что меняется в лучшую сторону. Вот один из признаков растущего доверия: в Российский парламент прошло 35 представителей МВД. Рекорд! Раньше такой высокой чести удостаивался лишь один крупный начальник на уровне заместителя министра союзного МВД.

Вадим Викторович! Можем ли мы уже считать милиционера своим защитником и благодетелем или еще рано, надо с этим подождать?

— Некоторые граждане, полагаю, знают своих участковых. Однако это не снимает вопроса, который очень прост, но на него нет простого ответа. С одной стороны, сотрудник МВД обязан быть защитником (но не благодетелем) законных прав каждого гражданина. Это наша работа. А с другой стороны, в жизни так действует далеко не каждый милиционер.

Ждать нельзя... Не надо быть идеалистами. Реализм лучше. Сегодня разрыв между реальным правом и демократическими идеями современного политизированного общественного сознания поистине колоссален. Для воспитания рыцарски благородного, надежного, профессионально безупречного правозащитника крайне необходимы решительное укрепление и значительный рост правовой и общей культуры в целом, дальнейший ощутимый сдвиг в образовании, специальной подготовке профессионалов, мастеров своего дела. Повышение социального престижа, авторитета правоохранительных органов, постоянное наращивание материальной, научно-технической, финансовой базы — о чем я уже вам говорил.

Но и этого, думаю, мало. Главное — люди, их идейный и мировоззренческий кругозор, высокий уровень культуры и гуманистический, интернационалистский потенциал, нравственные, моральные качества. Наконец, душевная щедрость, внутренняя потребность чутко и действенно откликаться на нужды и беды людей, непримиримость ко злу во всех его преступных, антиобщественных проявлениях. Обучить, воспитать именно таких работников правоохранительной сферы — дело сложное, но обязательное. Таким может и должен быть сотрудник МВД в демократическом, гуманном социалистическом правовом государстве.

— Ваше шестое управление, Вадим Викторович, как известно, существует для борьбы с организованной преступностью. О нем на страницах журнала «Родина» № 1 за 1990 год заслуженный работник МВД СССР Гелий Рябов пишет с горечью: «Шестая служба», созданием которой так гордится министр Вадим Викторович Бакатин,— бледное, раздетое, босое и несчастное существо, которому и поесть-то не на что, не то что задрать обожравшегося противника и трубно объявить о победе». В самом деле так плохи дела или наш автор сгустил краски?

— Во-первых, мягко говоря, некорректно за меня публично судить-рядить, чем я горжусь, а чем нет. Можно было бы сначала поинтересоваться моим мнением... К сожалению, я пока не горжусь шестой службой, хотя бы потому, что фактически руководство этой службы так и не поняло своей главной задачи.

Задача ведь не в том, чтобы параллельно с существующими мощными вертикальными структурами уголовного розыска, БХСС, следствия создать такую же, но уже микроструктуру: от отдела в МВД до «незнамо чего» в райотделе. Чтобы затем этим «микроорганизмом» победить «обожравшегося противника» — организованную преступность, отстранив от этой задачи все другие службы.

Пусть писатели-теоретики занимаются обоснованием понятия «организованная преступность» ...Практически же заранее выделять ее в «чистом виде» из всей массы ежедневных преступлений, хищений, спекуляции, проституции, взяточничества, шантажа, убийств, контрабанды, браконьерства и т. п. просто бессмысленно. «Организованность» как **качество** преступности начинает проявляться в ходе расследования, в ходе оперативно-розыскной деятельности. И если мы убеждены в том, что организованность преступности в целом возрастает, разумно ли отстранять от борьбы с ее организованными формами имеющиеся структуры УР и БХСС? Конечно, нет.

Чем же тогда заниматься шестому управлению в аппарате МВД СССР?

Ему хочется руководить путем указаний, приказов и телеграмм шестыми подразделениями всей страны. Мне же представляется, что этим управление заниматься не должно. Его задачи — думать, анализировать на макроуровне в масштабе страны и далее: существуют межрегиональные и международные связи, корни, интересы, методы и цели конгломерата организованных преступных систем. Выявлять на основе имеющейся в МВД информации общую картину закономерности и вырабатывать рекомендации для всех других служб по противодействию, разрушению организованных сообществ. Это гораздо сложнее, чем гоняться за какой-нибудь «ряповецкой группой». Этим есть кому заниматься.

Короче говоря, шестое управление призвано быть не линейной оперативной службой, а мозговым центром, координатором, мощным аккумулятором опыта, аналитики, грамотного и глубокого прогноза всех тех проблем, которые связаны со стратегией и тактикой борьбы с организованной преступностью. Мы должны быть во всеоружии, ибо пока силен и плохо изучен противник. Борьбу с ним должны вести все службы МВД, КГБ и правоохранительные органы, более того — вся наша политическая, экономическая и социальная система.

Что же касается стенаний о «бледности и раздетости», то все относительно. В целом МВД СССР оснащено плохо. А где хорошо? Может, в здравоохранении, образовании, культуре, машиностроении? Не надо много ума, чтобы заметить нашу техническую отсталость. А вот как ее быстрее преодолеть? Принимаем любые советы.

— Азербайджан, Армения, Литва... О чем думают руководители в МВД СССР, когда их подчиненные в союзных республиках раздают штатное оружие экстремистам или бездействуют, когда надо остужать страсти? Так или иначе в очагах межнационального напряжения «национальная» милиция нередко перестает контролировать развитие событий. В связи с принятием закона о разделении функций Союза и республик предполагается ли изменение схемы: МВД СССР и подчиненные ему республиканские министерства?

— Милиция, раздающая оружие экстремистам или бездействующая при межнациональных конфликтах,— это уже не милиция. Она теряет право на доверие. Виновные в таких действиях уволены из органов МВД, привлечены к ответственности.

К сожалению, были и такие случаи, когда милиция переставала контролировать события. Что необходимо, кроме политических средств разрешения, предупреждения межнациональных конфликтов? Важно, чтобы всегда и при всех условиях милиция действовала в рамках закона, в интересах гражданина, общества, правопорядка. В этом смысле милиция не национальная сила. Она — выразитель общечеловеческой, общегражданской, общесоциальной идеи безопасности и охранитель воплощенной в законе воли государства, общества.

Разрабатывается новая концепция взаимоотношений МВД СССР и МВД союзных, автономных республик. Предусматривается полная передача им ряда функций, прежде всего таких: обеспечение общественной безопасности, охрана общественного порядка, пожарная охрана, исполнение уголовных наказаний, профилактика правонарушений, раскрытие и расследование абсолютного большинства преступлений. Речь идет о децентрализации руководства, передаче функций в значительной мере республиканским и так называемым органам муниципальной милиции.

За МВД СССР должно сохраниться общее руководство деятельностью подчиненных органов, занимающихся охраной общественного порядка и борьбой с преступностью. Управление органами и подразделениями центрального подчинения, внутренними войсками. Осуществление общесоюзных программ по борьбе с преступностью и международных программ в этой сфере, поскольку это связано с внешнеполитическими договорными обязательствами.

Все это укладывается в рамки набирающего силу процесса повышения государственного статуса союзных республик, закрепленного в ряде принятых третьей сессией Верховного Совета СССР законов. В соответствии с этим существенно расширяются полномочия союзных республик в деле охраны общественного порядка, борьбы с преступностью. Должна возрасти и ответственность республиканских органов за выполнение правоохранительных задач. Такова общая схема.

— Вадим Викторович, вы, очевидно, знаете о протестах женщин-матерей Краснодара, Ленинграда, других городов: они не желают, чтобы их дети, отправляясь на срочную службу в армию, гибли под пулями обезумевших националистов. Кажется, предложение, смысл которого — внутренние войска МВД СССР должны комплектоваться по профессиональному принципу, не ново. Но дело ни с места. Не вы ли, Вадим Викторович, противник?

— Вы меня извините, это ведь серьезный вопрос. А вам хочется искать каких-то «противников»...

Дело не в том, «ново» это предложение или «не ново». По крайней мере родилось оно в недрах нового депутатского корпуса. Могу назвать авторов, которых знаю: А. А. Собчак, С. С. Алексеев. Я поддерживал и поддерживаю это предложение. Но его реализация требует и времени, и огромных дополнительных средств. Первые шаги в пределах наших внутренних возможностей мы сделали.

Разрабатывается программа поэтапного перевода внутренних войск на добровольный принцип комплектования. Есть уже примерные штатные структуры, проводится их финансовое, материально-бытовое и техническое обоснование. Разрабатываются и вносятся соответствующие дополнения в Закон «Об обороне СССР», а также в положения, регулирующие порядок прохождения службы. Окончательные сроки перевода войск на добровольный принцип комплектования будут зависеть от принятия соответствующих нормативных актов, а главное, финансирования всей Программы.

II. ЗАЙМЕМ ЛИ МЫ ПЕРВОЕ МЕСТО В МИРЕ ПО КОЛИЧЕСТВУ ПРЕЗИДЕНТОВ В ОДНОЙ СТРАНЕ?

— Вадим Викторович! Хотя закон о партиях и общественных организациях пока еще не прошел через Верховный Совет страны, тем не менее оппоненты КПСС уже сегодня требуют деполитизации КГБ, МВД, органов юстиции и суда. Закон, несомненно, вскоре получит «добро», и, видимо, вопрос о ликвидации политотделов в МВД будет поставлен со всей категоричностью. Как же мы поступим?

— Что касается политотделов, которые в МВД образованы относительно недавно (в 1983 году) по решению Политбюро ЦК КПСС, то здесь нет больших сложностей. В условиях грядущей многопартийности они утратят свои функции, и прежде всего — в части руководства первичными партийными организациями, интегрируются в воспитательные кадровые аппараты.

Что же касается теории и требований «деполитизации» правоохранительных органов — здесь все сложнее. Я бы здесь рассмотрел три аспекта проблемы.

Деполитизация вообще. В принципе это лозунг для наивных людей. Во-первых, «селекционировать» невосприимчивого, имеющего иммунитет к политике человека во все более и более политизирующемся обществе невоз-

можно. Во-вторых, принимать или отказывать в приеме на работу в милицию в зависимости от политических убеждений — недостойно цивилизованного общества. Это грубейшая дискриминация, нарушение элементарных прав человека. В-третьих. Даже создав как будто бы абсолютно нейтральную в политическом отношении систему, партия, победившая на выборах и формирующая свое правительство, ставит во главе этой системы, как правило, своего самого надежного политика. Итог. «Деполитизированным» сержантом командует сверхполитизированный министр.

А в-четвертых, чего бояться? В любом нормальном обществе любая политическая деятельность не может выходить за рамки Конституции и закона. Так что все дело — в традициях. Общей политической культуре, морали, нравственности, законопослушании.

Деполитизация сегодня. Думаю, первичные партийные организации КПСС в правоохранительных органах распускать ни в коем случае нельзя, да и вообще где бы то ни было. КПСС начала перестройку. Она ее организатор. Она несет политическую ответственность за ее успех.

Обстановка очень сложная, и партия остается реальной политической силой, способной обеспечить стабильность общества, консолидацию всех политических сил. Мы вступаем в новый этап перестройки, наконец-то связанный с проявлением реальной политической борьбы, только самоубийцы или предатели партии могут предпринимать какие бы то ни было шаги по ослаблению уже имеющихся, реально существующих, сложившихся первичных партийных организаций. Наоборот, их надо укреплять, снимая с них пресс сверхцентрализации.

Деполитизация в перспективе. В перспективе, по моему мнению, вся партийная политическая деятельность будет строиться только по территориальному, а не по производственному принципу. И первичных организаций любых партий не будет как в милиции, так и в колхозе или на шахте.

— На страницах печати вы как-то обмолвились: «Ведется отчаянная политическая борьба за власть». С переходом к многопартийности, очевидно, борьба еще больше обострится. Вадим Викторович, как вы, партийный работник с солидным стажем, видите место КПСС в структуре других партий? Останется ли она, на ваш взгляд, самой многочисленной? Не произойдет ли раскол до XXVIII съезда и после того?

— Я уже не партийный работник. А в партии происходят такие бурные процессы, что успеть за всеми нелегко. Я бы не говорил о «структуре партий». Каждая из них самостоятельна в выборе своих политических противников и союзников. Однако, думаю, главный смысл многопартийности не в усилении конфронтации и расколов общества, а в ликвидации монополии на идеологию, а в нашем случае — и монополии на истину, монополии на власть. В политической сфере появляется механизм разрешения противоречий, появляется движение. Это хорошо.

Позиция КПСС, с одной стороны, казалось бы, предпочтительнее. Она уже имеет созданную структуру и базу. А с другой стороны, эта позиция более уязвима. Легко (но несправедливо) отождествлять всю партию с верхушкой прежней тоталитарной власти. Но очень просто создать из партии образ врага и, как говорится, «повесить на нее всех собак».

Это сейчас очень просто делать, поскольку партия отдала без боя все или почти все свои средства массовой информации. И этим упрощенным «приемом» успешно пользуются для завоевания авторитета в народе все или почти все нарождающиеся новые партии и движения.

Но для движения одной критики мало. За новыми партиями должны следовать конструктивные программы и их практическая реализация.

Как дело пойдет дальше, будет зависеть от самой КПСС. Если она сейчас в какой-то степени, где большей, где меньшей, и потеряла свой авторитет, то только по своей вине, из-за своей пассивности, из-за неумения быстро выйти из анабиоза на арену реальной политической борьбы. А ведь реальные политические козыри у партии есть, и они прежде всего в новом политическом мышлении, реальной демократизации и раскрепощении общества, отказе от насилия, в уважении к политическому инакомыслию. Отказавшись от декларированной руководящей и направляющей силы, КПСС должна бороться за роль реального, признанного народом авангарда. Это цель любой политической партии. В противном случае это уже не партия, а клуб, секта.

Вместе с тем, отказываясь от монополии на политическое руководство, КПСС должна пойти на широкое сотрудничество, конструктивное взаимодействие со всеми общественно-политическими силами. Исключая, конечно, террористов, экстремистов, противозаконные деструктивные силы. Бесспорно, чтобы выполнять роль политического авангарда, КПСС должна смелее перестраиваться, стать более демократичной, боевой, открытой и наступательной. Кто-то, возможно, и захочет выйти из партии. Оставаться в партии в столь сложный период разгула нападок на ее членов непросто, это требует немалого мужества. Я бы пожелал: пусть КПСС к предстоящему съезду придет не столь многочисленной, как прежде, но зато действительно объединяющей единомышленников — партийцев, связанных единством целей, убеждений и действий.

— Отвечает ли идея ее учреждения компартии РСФСР вашим личным взглядам и настроениям?

— Я давно считаю, что Союз коммунистических партий суверенных союзных республик, безусловно, несравненно лучше, чем раскол КПСС. Пример Прибалтики это уже продемонстрировал. Что может быть более убийственно для партии, чем две партии на разных платформах? Не нахожу причины быть против воссоздания и Российской коммунистической партии.

— В конце прошлого года я брал интервью у народного депутата СССР А. А. Собчака, и Анатолий Александрович по ходу разговора устроил мне экзамен: кого из министров российского правительства я могу поименно назвать. Он прав, правительство РСФСР было непопулярно, о его планах социально-экономического возрождения республики люди знали мало. Вы когда-нибудь, Вадим Викторович, задумывались о том, что нынешнее положение РСФСР, русских и других народов — большая историческая несправедливость? Что-то надо менять. А что?

— В составе Союза все республиканские звенья, а тем более России, у которой не было даже формально завершенной своей государственности, были ослаблены. Российская федерация как бы отождествлялась с Центром. Центральные власти практически доминировали, не всегда считаясь с Президиумом Верховного Совета РСФСР, с российским правительством. Это реальность. Я в этих условиях поработал немало, все решалось в Центре. На эту тему можно долго рассуждать. Но скажу одно.

В новом Союзе ССР надо менять многое, но главное — вернуться к элементарной логике. Без республик нет Союза. Республика первична. Союз вторичен как продукт добровольного волеизъявления республик. Прочнее такого Союза ничего нет, и я уверен — будет такой Союз.

— Надо ли учреждать в РСФСР по примеру других союзных республик должность президента?! Но тогда по количеству президентов в одной стране мы займем первое место в мире... Я не прав?

— Я думаю, вы правы, если считаете, что не надо учреждать пост президента в РСФСР, равно как и в других республиках. Но это — мое личное мнение. Институт президентства в принципе не дань моде. В масштабе Союза он вызван необходимостью повышения эффективности управления. А тот, кто искренне озабочен отлаживанием гармоничных отношений на уровне Союз — республика и вводит президентство в республике, он должен думать не только о своих правах, но и о сопряжении президентских полномочий двух и более президентов.

— Людям не очень понятно, почему председатель КГБ СССР и министр внутренних дел СССР стали членами Президентского совета. Ведь они, являясь должностными лицами, и без того могли бы, участвуя в заседаниях, снабжать М. С. Горбачева объективной информацией о положении в стране и за рубежом. А кем вы видите себя, Вадим Викторович, в этом совете?

— Во-первых, дело самого Президента СССР, кого ввести в состав Президентского совета. Видимо, при этом принимается во внимание не только должностное положение того или иного кандидата. Президентский совет не пожарная команда, не орган оперативного, текущего управления. Так что членство в этом совете не зависит только от характера информации, которой обладает то или иное ведомство. Президентский совет — это совет. Совещательный орган, помогающий Президенту выработать оптимальное решение. Но выбирает и принимает решение сам Президент.

Как я уже где-то говорил, главным для себя считаю быть на уровне этой задачи. Не подводить Президента, но и не стараться угадать его точку зрения.

— Относите ли вы себя к сторонникам регулируемой рыночной экономики и нужно ли нам, по вашему мнению, уступить приверженцам частной формы собственности? В каких масштабах она, по вашим данным, нелегально существует в стране сегодня?

— Теория теорией, но практика — критерий истины. Наша Октябрьская революция, судя по всему, немало пользы принесла прежде всего капиталистическому миру, который не постеснялся взять на вооружение некоторые социалистические принципы и быстро продвинулся от стихии рынка, от кризисной экономики к регулируемому рынку и общегосударственному планированию ряда социальных программ. Но при этом сохранил мощный потенциал роста производительности труда на базе сочетания частного, государственного, общественного и личного интересов.

И теперь мы, не отказываясь от социалистического выбора, а во имя его, должны сделать то, чего во всемирной истории никто никогда не делал и что сделать весьма непросто. Считаю возможным и даже необходимым в систему социалистического хозяйствования допустить рынок. А также допустить частную собственность и на какую-то часть средств производства. Но предусмотреть и регулирующую роль планово-экономических рычагов. Не спешить, досконально все взвесить и продумать, создать правовые гарантии социальной защищенности граждан. Сказать людям правду о неизбежных трудностях на этом пути, который не может быть простым и коротким.

Закон Союза ССР «О собственности в СССР» принят Верховным Советом СССР 6 марта 1990 года. При обсуждении проекта этого Закона в различных публикациях понятие «частная собственность» употреблялось в основном как составная часть понятия «собственность граждан СССР». Представляется, что и после принятия Закона вопрос о частной собственности, наверное, нельзя считать исчерпанным. Статья 7 Закона содержит примерный перечень объектов права собственности граждан. Достаточно с ней ознакомиться, чтобы убедиться в том, что оценить даже ориентировочно размеры этой собственности в СССР крайне сложно.

III. БЛИЦ-РАЗГОВОР С ВЫЯСНЕНИЕМ НЕКОТОРЫХ ЧАСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЖИЗНИ И ЛИЧНЫХ СИМПАТИЙ МИНИСТРА

— Вадим Викторович! Вы работали в Кировском и Кемеровском обкомах партии. Окажись снова в роли «первого», вы участвовали бы в митингах или, закрывшись в четырех стенах, полагались бы на силу милиции и других своих помощников?

— Некорректный вопрос. В принципе партийной работы вне общения с людьми нет. И хотя митинг «митингу» рознь, милиция не помощник в массово-политической работе.

— По диплому вы — строитель? И, надо полагать, не мечтали с детства надеть милицейскую форму?

— Не мечтал.

— Сколько вам лет, сколько раз вы уже сменили место работы и должность?

— Мне 52 года. В августе 1960 года я пришел молодым специалистом в трест «Кемеровохимстрой», где проработал почти 12 лет. Там же полтора года занимал должность главного инженера домостроительного комбината. Затем 9 лет партийной работы, тоже в Кемерове. В 1983 году переехал в Москву, до марта 1985 года работал инструктором ЦК КПСС. Далее: первый секретарь Кировского и Кемеровского обкомов КПСС. С октября 1988 года министр внутренних дел. Ответ устраивает?

— Где родились, какое место на карте страны считаете своей родиной?

— Родился в Кузбассе, в городе Киселевске Кемеровской области. Кузбасс — это и есть моя родина.

— Детективы читаете?

— Не читаю.

— Хорошо ли стоят на ногах в профессиональном отношении ваши дети?

— Один сын еще учится. Второй — работает.

— Вы побывали в Италии. Так ли мощно работает полиция этой страны, как это показывается в итальянском кино?

— Да, итальянская полиция работает мощно. Перспективным обещает быть сотрудничество МВД наших стран в выявлении каналов контрабанды наркотиков и в своевременном обнаружении «грязных» денежных потоков, их блокировании. С этой целью министерства будут обмениваться специалистами, начнут совместно вести изучение причин, структуры, динамики, практики борьбы с организованной преступностью. Одним словом, опыт наших итальянских коллег нам очень пригодится.

— В Кемерове мне рассказывали: вы с уважением относитесь к прессе, не избегаете ее. И журналисты, образно говоря, не стоят неделями у порога вашего кабинета. Откуда это у вас, Вадим Викторович?

— Это не у меня, а у журналистов. Кемеровские журналисты себя уважают и ни у чьего порога стоять не будут. Что касается меня, то я бы с удовольствием каждый день только тем и занимался, что общался с журналистами. Но нет времени. А насчет уважения — правильно рассказывали. Настоящих, честных, смелых и порядочных журналистов со своим, неконъюнктурным взглядом на мир я действительно уважаю.

Май, 1990 год

МНЕНИЕ ОППОНЕНТА

Политик «второго шага»?

Теймураз АВАЛИАНИ, первый секретарь Киселевского горкома КПСС, народный депутат СССР

Бакатин родом из Киселевска. В этом городе с населением 136 тысяч, находящемся на расстоянии двух с половиной часов езды на машине от Кемерова, я сам живу более 30 лет. Человек, как известно, начинается с родителей. Родителей Бакатина я не знал. Но слышал от людей старшего поколения самые добрые о них слова. И об отце Вадима Викторовича, работавшем заместителем управляющего Киселевским угольным трестом, и о матери — она была врачом. К сожалению, далеко не каждый, кто уехал из Киселевска, кое-чего достиг в жизни, «сделал имя», оставил еще при этом о себе и хорошую «незатухающую» память. В этом смысле Бакатин — исключение, его семью люди помнят с самой лучшей стороны.

Проявлялись ли у него раньше задатки человека, который способен сделать большую общественную карьеру? Наверное, да. Однако в ту пору, когда Вадим Викторович работал в Кемеровской области строителем, разглядеть это было сложно. Многие годы я сам сидел генеральным директором в объединении «Кузбассобувь», затем занимал должность заместителя директора по строительству объединения «Киселевскуголь». Оба хозяйственники в Кузбассе, мы так или иначе с Бакатиным пересекались. Как строитель, мне кажется, Вадим Викторович относится к специалистам того уровня, каким их определяло время. В строительстве мы отстаем от мировой практики лет на 25, если не больше. Все это можно обнаружить, проехав по городам Кузбасса,— ничего примечательного. Торжество, как и во многих других регионах стра-

ны, доктрины крупнопанельного домостроения. Бакатин, помнится, в числе других приложил свою руку к тому, чтобы в угоду индустриальным темпам изжить в Кузбассе кирпич как строительный материал. Лично я считаю это неверным. Кирпич жил и будет жить тысячелетия, без него наше и без того незатейливая архитектура городских микрорайонов еще больше побледнела и потеряла в красках.

Работая позже в обкоме КПСС заведующим отделом, Вадим Викторович тоже во многом оставался «дитем своего времени»: где план? давай план! ты думаешь делать план?! Вышибая у руководителей показатели, зав. отделом обкома, помнится, за дипломатичностью в своих выражениях, как и многие, кто управлял тогда потоком вала в экономике, не особенно следил.

Потом пришло «время Андропова». Юрий Владимирович начал думать, как же менять положение дел в стране. Из ЦК КПСС в области и регионы страны разъехались инструкторы, зам. завы — общаться с людьми, собирать конструктивные предложения. Провести подобную встречу в Кемерове поручили секретарю обкома КПСС В. В. Бакатину. И вот сидим на совещании — небольшая группа директоров предприятий, руководителей, специалистов. Виден расклад: человек пять — люди, я бы сказал, с радикальным мышлением, остальные — сторонники администрирования, закручивания гаек, взвинчивания темпов работы без каких-либо экономических обоснований. Хорошо помню: Бакатина «несло впереди всех», именно его предложения звучали как наиболее смелые и революционные. Но в то же время, по моим наблюдениям, политическая смелость Бакатина, как правило, «вторичного» свойства. Он никогда не опережал время, нет. Он подхватывал, аранжировал, развивал обычно те идеи, что уже проявились в обществе. По большому счету, мне кажется, он — «ведомый», или политик, кому право «первого слова» не принадлежит.

Последующие события и поступки Бакатина, по-моему, как раз и подтверждают это его политическое амплуа. Перед XIX партконференцией, буквально за несколько дней до ее открытия, в Кузбассе состоялась очень представительная по составу участников и очень глубокая по сделанным на ней докладам научно-практическая конференция. Пожалуй, впервые за многие годы мы «встряхнули» регион основательно: проанализировали состояние его всей инфраструктуры, включая бытовые условия жизни граждан, здравоохранение, экологию и так далее. Бакатин выглядел молодцом. Именно он, в ту пору первый секретарь Кемеровского обкома КПСС, поднял людей, он лично задал критическую тональность большому разговору. Расходились многие люди по домам с ощущением: подул свежий ветер перемен...

Однако через четыре дня на самой XIX партконференции Бакатин-радикал, образно говоря, не состоялся. Это сегодня ораторы говорят с трибун — не остановишь. А тогда демократия еще только набирала обороты, тексты выступлений «проходили цензуру», отбирались, сортировались. Бакатин получил слово в Кремле среди выступающих первым, говорил, судя по тому, что цитировалось по телевидению, в духе «добрых старых времен». Я слушал его, и мне казалось: говорит-то через силу и говорит, вероятно, не то, что думает.

Без компромиссов, не спорю, в политике обойтись вообще нельзя. А если «для пользы дела» руководитель говорит не то, что думает, сегодня, завтра, послезавтра! Бакатин, на мой взгляд, нередко вступает в конфликт с собственными убеждениями и с собственной совестью, выполняет ту миссию, какую ему диктует момент. Вспомним хотя бы его доклад на сессии Верховного Совета об инциденте, случившемся с Б. Н. Ельциным на Успенских дачах. Волнение Вадима Викторовича, его выражение лица — многое говорило о том, что роль эта ему внутренне неприятна и выполняет он ее через силу. Но надо! И тогда у Бакатина как бы «руки по швам».

Кое у кого вызывает удивление тот факт, что Бакатин, шахтостроитель по основной своей специальности, потом — партийный работник, сегодня возглавляет Министерство внутренних дел. Мне это кажется нормальным. Во многих странах министрами МВД становятся представители партий, победивших на выборах, как правило, непрофессионалы. Среди них, конечно, оказываются и юристы, но далеко не всегда. А потом, мне думается, Бакатин к работе в органах внутренних дел давно внутренне готов. Он как бы настраивался на будущий общественный рост всем своим предшествующим образом жизни: воспитанием, поведением, я бы сказал, тренировкой.

Он — человек честный, очень честный и, очевидно, желающий видеть это первейшее нравственное качество во всех тех людях, кто его окружает. Он работоспособен, принадлежа к «его команде», надо много работать и быть готовым к «работе на износ».

Будучи человеком высокой дисциплины, он сознательно подчиняется воле других — тех, кто по положению выше его. Но и сам требует подчинения от нижестоящих.

По-моему, эти «нетренированные», выработанные внутри качества очень пригодились Бакатину сегодня. Насколько я знаю, в составе руководства МВД его «приняли», «признали своим». Но могу предположить и другое: в министерстве до конца его еще не узнали. Не поняли, что интеллигентность Бакатина не исключает и жесткости, которая в его стиле руководства наблюдалась всегда.

Бакатин тяготел к авторитарному стилю руководства, это проявлялось у него прежде четко. Авторитарные руководители бывают разные. Даже «вождь народов» Сталин, когда страну прижали немцы, принимал решения, выслушав вначале Жукова, Василевского и других военачальников. Бакатин как руководитель большого масштаба «закладывался» тогда, когда авторитарный стиль управления был общепринятым на всех уровнях власти. Сумеет ли он «погасить» в себе предрасположенность к безапелляционному выражению своей правоты в принятии решений, покажет время.

Ошибается ли тот, кто видит в личности Бакатина потенциал «восходящего политического лидера»? Думаю, у Вадима Викторовича существует возможность движения вверх по лестнице. Данные, определенные качества у него для этого есть. Все, как говорится, у него в руках. Но, окажись он уже сегодня общественным деятелем высокого ранга, мы бы отмечали у него одно «но». Большой политик всегда устремлен вперед, он, опережая время, порой даже не до конца понятен в обществе, но он тащит за собой общественный прогресс. Политические шаги Бакатина пока же на уровне времени, но не выше его. Может быть, он готовится к политическому рывку и пока ожидает?.. Но ведь так можно до бесконечности выжидать и своего «звездного часа» никогда не увидеть. Думаю, из нынешнего своего состояния политика «второго шага» выбраться Бакатину будет сложно.

А что, если Бакатин «на своем месте»: работа министра МВД, по общему мнению, пока у него получается. В конце концов, быть хорошим министром — это уже немало. Не знаю... В должности первого секретаря Кемеровского обкома КПСС В. В. Бакатин работал недолго, и сказать об этом периоде его жизни мне особенно нечего. Я рассказывал о научно-практической конференции, когда Бакатин раскрылся с неожиданной стороны. Будучи первым лицом в области, он выступал за изменение инфраструктуры в Кузбассе. Сократить объемы тяжелой промышленности, увеличить долю легкой и пищевой, «подправить» экологию. Правильно? Думаю, нет. Все наши новые веяния, как правило, шараханье из одной крайности в другую. Во многих странах есть регионы с высокой промышленной нагрузкой, как, например, Рурская область в ФРГ. Но ведь там никто не кричит: давайте вместо выплавки стали выпускать швейные изделия. Просто сбалансированность промышленных нагрузок с природоохранными мерами — норма развитой экономики, поэтому и воздушная среда на Западе другая, и в воде фенол исключен.

Я задавал себе вопрос: ну, а если на III Съезде народных депутатов СССР Вадима Викторовича действительно избрали бы Президентом — кого бы мы имели сегодня? Конечно, не «нынешнего Бакатина», но и не такую личность, как Горбачев. Наших лидеров сегодня приходится сравнивать и с ведущими политическими деятелями мирового сообщества. Надеяться на то, что за рубежом во главе государств встанут «серые люди», рассчитывать ныне на это не приходится. Поэтому, выдвигая на первые должности в государстве тех или иных деятелей, мы должны делать ставку наверняка.

Возможно, кто-то рассуждает так: В. В. Бакатину 52 года, если он надеется сделать политическую карьеру, надо бы с этим поторопиться. Я думаю так. Главное — масштаб личности, талант — все это рано или поздно проявится. У нас иногда талант путают с образованием. Но много ли классов закончил Г. К. Жуков, а ведь он громил полководцев прусской выучки, имевших за плечами школы и академии. Аденауэр стал канцлером ФРГ уже в возрасте где-то за 60 лет, а ведь до этого политикой практически не занимался. И вошел в историю. Так что ни диплом, ни возраст для сильного старта политического лидера, считаю, не препятствие. Был бы в личности человека «полководец идей». Что-то в этом плане у Бакатина имеется, но и то правда, что эту сторону его дарования нам, возможно, еще только предстоит узнать.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Мы с Лениным. А вы?

Алексей СЕРГЕЕВ,
доктор экономических наук

Россия раскинулась перед нами — убогая, униженная и унижаемая, полуголодная, оклеветанная и оплеванная. А ей продолжают твердить: «Откажись от имперского мышления!»

Россия несет на своих плечах непропорционально большую долю оборонных расходов, продает Прибалтике, например, нефть по цене 6 долларов за баррель при мировой цене в 18—20 долларов, а ей твердят: «Перестань эксплуатировать другие республики и народы!»

России пора перестать быть Иванушкой, который переступил ту границу доброты, за которой наступает блаженность — предмет насмешек и хихиканья окружающих.

В 1988 году в Вильнюсе состоялось совместное заседание Совета Министров Литвы и редколлегии журнала «Вопросы экономики». Я выступал на этом заседании решительно против такого варианта республиканского хозрасчета, который противопоставит республики друг другу и откроет эру постоянных «счетов-пересчетов», кто кого грабит. Однако республиканский хозрасчет такого типа сегодня становится реальностью, и, думаю, обратного хода уже нет.

В этих условиях основой и залогом возрождения России становится ее экономическая самостоятельность — ни на йоту не меньшая, чем у любой другой республики. Это требует, на мой взгляд, первоочередного решения таких вопросов, как переход в экономическом обороте с другими республиками на мировые цены, что потребует повышения цен на российское сырье не менее чем на 40 процентов, с одновременным понижением цен до мирового уровня на промышленные товары, поставляемые в Россию из других республик. Стоит ли, например, России покупать радиоприемники «ВЭФ», переплачивая за них во много раз, когда можно было бы, уменьшив поставки нефти в Прибалтику и соответственно увеличив ее валютный экспорт, покупать значительно более дешевые приемники на Западе?

Сейчас активно обсуждается вопрос о переходе к такому государственному устройству нашего Союза, который бы предусматривал различные формы вхождения республик в Союз. Теперешняя ситуация межнациональных отношений делает такой подход и реалистичным, и неизбежным. Я, однако, считаю, что такой подход не должен выражаться в различии прав разных республик в их внешнеэкономических отношениях. Нельзя, например, допустить, чтобы одна республика могла сама решать, продавать ли ей свою продукцию внутри Союза или за его пределами, тогда как, скажем, России было бы строго предписано такую-то часть добываемого сырья обязательно продавать другим республикам по фиксированным ценам.

У каждого народа, сделавшего социалистический выбор, возможны свои особые критерии этого выбора. Основа представлений российского народа о социализме — коллективизм в труде, в организации производства и в управлении общественными делами. Это, в свою очередь, включает: полную занятость (безработица противоестественна и аморальна); отсутствие голодных и бездомных (юродивым — милосердие, бродягам — презрение); общественную заботу о больных и слабых; эффективную помощь общества талантам из «низов»; ненависть к «мироедам» и презрение к сверхбогатству; неприятие самовоспроизводящегося, оторванного от народа и не понимающего его нужд чиновничьего аппарата. Парадигма наиболее массового российского сознания такова: движение к социальному равенству; социальная справедливость, основанная на трудовых доходах, дифференциация которых может быть достаточно глубокой, но должна идти в основном внутри социальных и профессиональных групп, а не между этими группами и слоями; стабильные (а еще лучше — снижающиеся) цены, что, между прочим, вполне реально, но, разумеется, в рамках другого механизма хозяйствования, чем тот, к которому мы сейчас идем; социальный механизм, «выталкивающий» наверх самых талантливых и преданных интересам народа, а не собственным амбициям пройдошливых деятелей.

Чем больше в массовое российское сознание будут внедрены моменты, как якобы соответствующие, а на самом деле несовместимые с его общинно-коллективистской компонентой (а таранная работа такого рода — по привитию россиянам идеологии рублевого тоталитаризма — ведется все более массированно), тем более резкие формы примет стихийный «рывок» народа в сторону адекватного Октябрьского выбора.

Альтернатива рублевому тоталитаризму есть. Она включает в себя прежде всего новую концепцию централизованного планового управления: выделение в структуре народного хозяйства стратегического эшелона, обеспечивающего прорыв на качественно новые рубежи науки и техники; дифференциация режимов хозяйствования в различных сферах экономики — от пятилетних планов в машиностроении до работы на основе текущих договоров в сфере обслуживания и на автотранспорте (эта концепция планового управления должна вобрать в себя позитивный опыт американских федеральных экономических ведомств и прежде всего федеральной контрактной системы и в еще большей мере опыт Японии и Южной Кореи, выполняющей свой шестой пятилетний план).

Необходимо превратить Советы всех уровней в действительного единого субъекта общенародной собственности. И сразу же слышу: это консервативный вариант возврата к старому. Это возврат к Ленину, тогда как нас сегодня призывают вернуться в начало XIX века. Что же старше?

Ленинская концепция управления социалистическим производством включает два ключевых момента. Первый — это представительство в Советах любого уровня трудовых коллективов, то есть выборы в Советы должны производиться по производственному принципу. Такая организация Советов, во-первых, обеспечивает наиболее тесную связь всего государственного и хозяйственного аппарата с трудовыми коллективами, массовыми производственными общественными организациями и прежде всего профсоюзами; во-вторых, создает основу реального успеха в борьбе с бюрократизмом; в-третьих, делает Советы едиными и единственными субъектами социалистической собственности и хозяйствования; в-четвертых, позволяет соединить воедино государственное управление и непосредственно производственную демократию. Второй момент — управление производством должно осуществляться через совнархозы, которые в отличие от СНХ 50—60-х годов должны быть отделами Советов всех уровней.

Конечно, с этой концепцией можно не соглашаться, что и делают сейчас многие. Но при этом надо быть честным и называть того, с кем споришь. Скажи прямо: не согласен с Лениным. Тогда многое станет ясным. Для всех.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН

ГЕНЕРАЛ - РЕПОРТЕР

Фотографии из фондов Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград).

Среди многочисленного офицерского корпуса российской царской армии было немало незаурядных и талантливых людей. Один из них — Евгений Петрович Вишняков (1841—1918). Окончие Павловский кадетский корпус, он прослужил в армии более полувека и прошел путь от юнкера до генерала от инфантерии. Нес службу с честью, занимал значительные посты и должности, но в отечестеенной истории остался прежде всего как замечательный фотомастер.

Фотографией он занялся в шестидесятых годах прошлого века, во время службы на Кавказе. Вернувшись е Петербург, актиено еключился в деятельность столичных фотогрвфов-любителей, стал одним из осноеоположников знаменитого объединения российских мастеров объектива — так называемого V отдела (светописи и ее применений) Императорского русского технического общества. У истоков этой организации стояли многие известные люди тех лет: фотографы С. Л. Левицкий и А. И. Деньер, ученые Д. И. Менделеев и Е. Е. Вагнер, художник И. И. Шишкин, с которым Вишнякое сошелся особенно близко. Дружба эта продолжалась до самой смерти жиеописца.

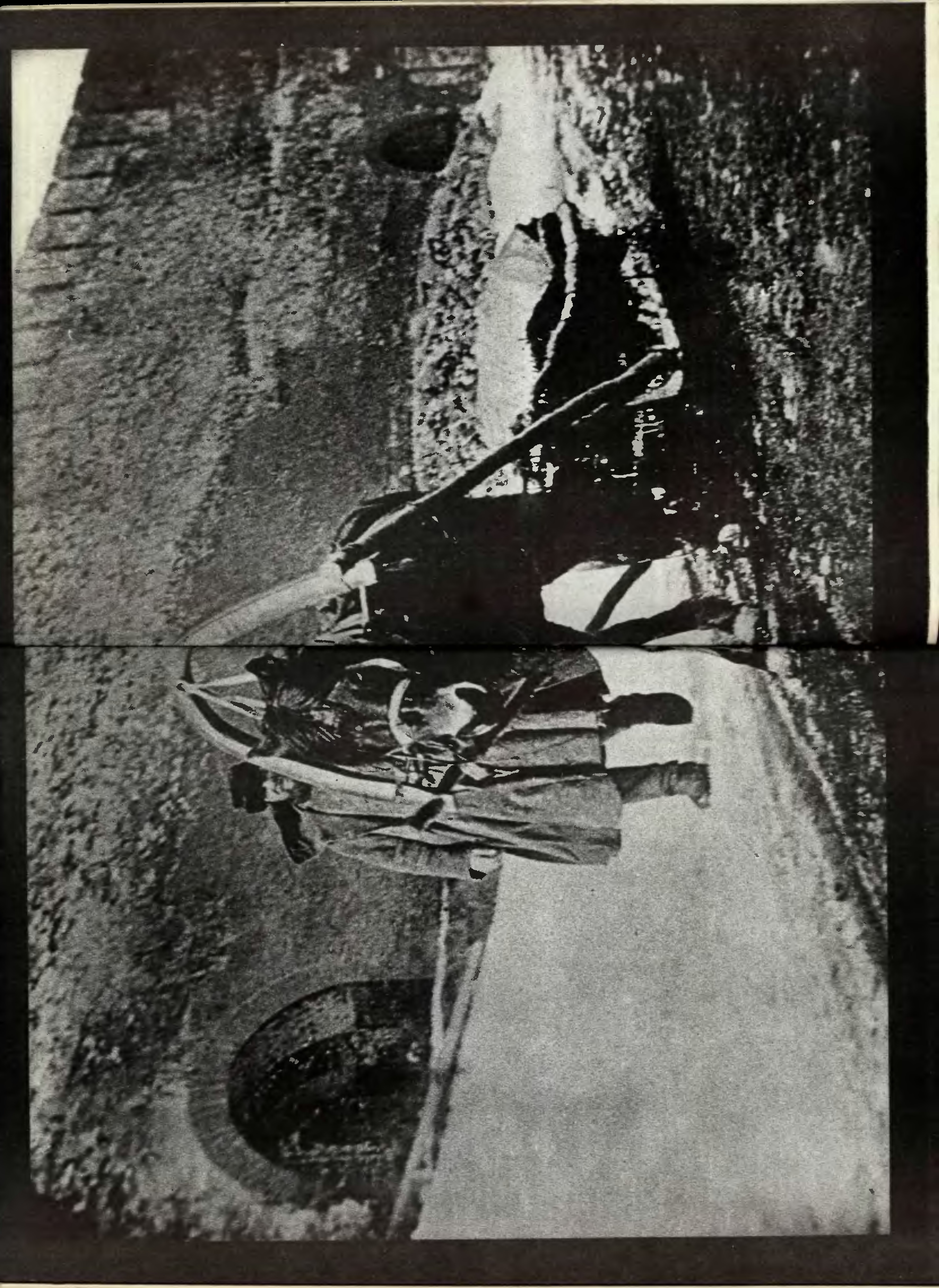
Постоянным было сотрудничество фотографа и художника. Шишкин еыполнил рисунки для обложки фотоальбома «Истоки Волги», который Вишняков выпустил е 1893 году, и для многих других изданий сеоего друга. В то же еремя живописец использовал фотографии — например, как учебный материал для занятий со студентеми в Академии художеств. Он настаивал, чтобы будущие пейзажисты зимой, когда невозможно писать с натуры, работали по снимкам. Его племянница А. Г. Комарова вспоминала: «Для зимних картин этого (1890.— В. Н.) года Иван Иванович несколько раз ездил е Мери-Хови (местечко в Финляндии.— В. Н.) наблюдать снег и зиму, и Вишняков снимал там для него фотографии». В 1897 году Шишкин после перерыва согласился вернуться на должность профессора Академии художесте, по его признанию, «уже только для того, чтобы провести свою заветную мысль о рисовании с фотографии».

Страстные путешестеенники, Шишкин и Вишнякое неоднократно предпринимали длительные и зачастую трудные поездки по отдаленным губерниям России. Так, летом 1887 года они отправились на Вологодчину, где художник выполнил множество рисунков, этюдов, набросков и большое полотно «Бурелом». Фотограф снимал глухие лвсные чащи, речные пороги, рвзливы небольших речвк. Часть этого мвтериала впоследствии вошла в один из его фотоальбомов.

На следующее лето Вишняков по делам службы побывал на Кавказе, откуда приеез цикл интереснейших работ: более 300 фотографии, сделанных в труднопроходимых горных трущобах вблизи царственных вершин Эльбруса и Дыхтау. Эти снимки были собраны е альбом, подвренный военному министру П. С. Ванновскому. На прекрасно сохрвнившихся до наших дней отпечатках — ущелья, прилепившиеся к скалам сакли, горные реки, чье стремительнов течение с помощью несложного фотографического приема делавтся плавным и величественным.

В девяностых годах Вишняков и Шишкин соввршили еще несколько совместных путешествий, наиболее интересными из которых были к истокам Волги и в Беловежскую Пущу.

Благодаря многочисленным фотоальбомам, таким, как «Фотографии с натуры», «Беловежская Пуще», «Петергоф», мы знаем о Вишнякове-пвизажисте. Из снимков, еыполненных им а последние годы жизни, до нас тоже дошли преимуществвнно пвйзвжи. И вряд ли кто-нибудь предполагал, что генерал Вишнякое был отличным фоторепортером. Но вот мне удалось обнаружить в Ленинграде, в Государственном музее этногрвфии народов СССР, неизвестные доселв работы Вишнякова, которые заставляют пересмотреть отношение к нему как мвстеру одного жанра. Речь идет о серии снимков, сделанных в конце прошлого — начале нашего века (точную дату съемки установить пока не удалось) во время Ноегородской ярмарки. Прекрасного качвства фотографии воссоздают яркий, солнечный весенний день, напоминающий картины Грабаря и Юона. Фотограф запечатлел огромную торговую площадь. Люди, лошади, палатки, ларьки, корзины, короба, прилавки, сани, твлеги, нехитрый крестьянский скарб... Торгующие бабы, мужики у трактира, крестьянин, везущии тоевр на рынок. И все это не бесстрастное копирование действительности, а жанровые сценки, подмвчвнные глазом художникв.

Письмо пришло не в редакцию, а на киностудию «Мосфильм» и в Правление Союза кинематографистов. Но мы сочли возможным и даже необходимым включиться в разговор, поскольку уже начали обсуждение на страницах журнала темы имперского сознания и связанных с ним деформаций национальных отношений (см. «Родина», 1989, № 12, «Геополитика»). Именно о стойких имперских подходах к проблеме присоединения Сибири к России в XVI веке с возмущением говорит автор письма М. Х. Халитов. Прав ли он? Не порождает ли наша критически настроенная эпоха новые стереотипы?

Не первопроходцы, а первоубийцы...

Недавно узнал... что на «Мосфильме» ведутся съемки кинофильма, посвященного личности человека по кличке «Ермак», прославившегося тем, что, одержав победу над войском Сибирского ханства, положил начало его колонизации русскими. Разумеется, сибирские татары яростно сопротивлялись конкистадорам, потому что знали об ужасных злодеяниях, учиненных захватчиками над казанскими татарами, и о том, что их тоже ожидает. Но силы были неравные. Профессиональные убийцы, вооруженные огнестрельным оружием, расстреливали наших предков, как диких животных, в крови потопили их сопротивление. Привычные убивать всякого, кто попадется, к убийствам «туземцев»... относились как к тренировкам по мишеням. И вот таких людей русская литература и русский народ в подавляющем большинстве представляют как народных героев, считая захват чужих земель и покорение других народов святым делом, подвигом. До настоящего времени я еще не встречал ни в печати, ни по радио, ни по телевидению, ни в кино ни слова осуждения злодеяниям этих так называемых «первопроходцев» и их атамана. Не первопроходцы они, а *первоубийцы*. Веками русский шовинизм воспитывался на том, что чем больше будет покорено других наций, тем более могущественной станет Русь и тем больше прославятся исполнители политики шовинизма. Но наконец-то через четыре столетия пришло время, когда отношениям между нациями по типу «покорителей» и «покоренных» будет положен конец. В вопросах исторического прошлого, трагичного для судеб малых наций, в том числе сибирских татар, должны взять верх объективность, историческая правда, без перевернутых стандартов. Если фильм о Ермаке получится таким, что будет восхвалять его и оправдывать законы колониального разбоя, в результате которого судьба сибирских татар оказалась во власти пришельцев и такого их представителя, как разбойник Ермак, то реакция нынешнего поколения угнетенной нации не будет такой безропотной, как прежде. Как бы ни пытались обелить Ермака, для нас он как был разбойником и завоевателем, так и останется, потому что это историческая правда. Просмотрев ваш фильм, зритель, принадлежащий к господствующей нации, должен проникнуться чувством исторической вины за жестокости своих предков-нашественников, за разграбление и варварское уничтожение столицы и других поселений татар, за многовековую колонизацию народа. Тогда это будет нужный и действительно полезный вклад «Мосфильма» в перестройку межнациональных отношений.

Так как сибирские татары, покоренные Ермаком и его последователями, еще окончательно не растворились и не вымерли, считаю обязательным участие компетентных представителей этого народа в подготовке сценария и съемках указанного фильма...

С уважением,

М. Х. ХАЛИТОВ.

Предъявлять ли счет векам?

Один из героев Юрия Рытхэу, размышляя о темных страницах в истории русско-чукотских отношений, произносит: «О давних притеснениях... сейчас вспоминать так же глупо, как обижаться на татаро-монгольское иго...» Мудрые слова! Конечно же, приукрашивать историю, как это делалось недавно, глупо и бессмысленно, но и предъявлять теперь друг другу счета за обиды многовековой давности ничуть не разумнее, а в иных ситуациях и преступно. Лишь объективное освещение истории всегда было и не может не быть полезным.

Письмо М. Х. Халитова наводит на грустные размышления. И не только потому, что меня как историка глубоко огорчает слабое знание соотечественниками своего прошлого. Неприятно другое — непоколебимая уверенность автора в том, что ему-то историческая правда доподлинно известна, а если кто-то об упомянутых событиях судит иначе, то является просто «шовинистом», защитником «законов колониального разбоя» и так далее и тому подобное.

Концепция, близкая к точке зрения Халитова, переживала у нас расцвет в 20—30-х годах, когда в мрачных тонах изображались все деяния, к которым царизм хоть в какой-то мере был причастен. Крепко тогда доставалось от историков и писателей «колониальной политике русского царизма в Сибири»! В числе бескомпромиссных критиков «русской колониальной экспансии» был талантливый (позднее репрессированный) писатель Артем Веселый, представивший дружину Ермака если не сборищем заурядных уголовников, то чем-то вроде «махновской банды» (в соответствии с тогдашней интерпретацией «махновщины»). «Разин, Пугачев — большая дорога народных движений. Ермак — глухая тропа»,— вынес он свой приговор покорителю Сибири в книге «Гуляй Волга». Историк В. Огородников, пользуясь, по его же словам, исключительно печатными источниками, в монографии «Русская государственная власть и сибирские инородцы» нарисовал удручающие картины жизни аборигенов Северной Азии в XVI—XVIII веках, показал жестокие притеснения их царскими чиновниками и особенно ясачными сборщиками. Археолог и историк А. П. Окладников, будущий академик, писал тогда, что «покорение народов Сибири осуществлялось огнем и мечом с истреблением целых племен в случае их сопротивления». Впоследствии он решительно пересмотрел свою точку зрения.

Надо признать, что по сравнению с иными писаниями «периода застоя», муссировавшими идею «добровольного вхождения» сибирских (и не только сибирских) народов в состав Российского государства, многие сочинения 20—30-х годов выглядят более объективными. До тех, правда, пор, пока не углубишься в изучение всей совокупности первоисточников (документов местного и центрального делопроизводства, материалов массового учета, включая «дозорные» и «переписные» книги сибирских городов и уездов; экономико-географических описаний, воспоминаний очевидцев), как опубликованных, так и архивных.

Итак, кем же были Ермак и его товарищи — «первопроходцами» или «первоубийцами»?

Существует один нехитрый, но тем не менее довольно распространенный способ грубого искажения истории, а именно: выдергивание реального исторического факта из единой цепи событий, следовавших друг за другом. Именно так и поступает М. Х. Халитов, вырывая поход Ермака из общего контекста российской истории XVI века.

Автор письма хотя бы из программы средней школы знает о монголо-татарском нашествии на Русь в XIII веке, почти трехвековом ордынском иге, свергнутом русскими ценой огромных жертв и ожесточенной борьбы. Скорее всего известно автору письма и то, что в XV—XVI веках господствовавшая над Русью Орда распалась на отдельные части, а наиболее крупными и жизнеспособными ее осколками к середине XVI века были Крымское, Казанское, Астраханское и, между прочим, Сибирское ханства.

Но борьба Руси с последствиями монголо-татарского нашествия и ига после распада Золотой Орды не закончилась, а вступила в новую, пожалуй, еще более трудную фазу. Татарские ханства, то враждуя друг с другом, то координируя усилия, пользуясь поддержкой Турции, изматывали Российское государство опустошительными набегами. Основной удар татарские отряды наносили по мирному (прежде всего сельскому) насвлению, а главной их целью были грабеж и захват пленных, ибо рассчитывать на политическое подчинение и тем более завоевание Руси ордынские правители уже не могли. Лишь за первую половину XVII века с Руси в Крым таким образом угнано не менее 150—200 тысяч человек. В Казанском ханстве накануне его завоевания Иваном Грозным находилось более 100 тысяч русских полонянников. Они, отмечал историк А. А. Зимин, «жили в невыносимых условиях, работая на землях или во дворах татарской знати. Их продавали на рынках Крыма, Средней Азии, Северной Африки, заставляли переходить в мусульманскую веру». Но еще больше людей во время татарских набегов на Русь было убито — самым жестоким образом.

Смертельной опасности нередко подвергались жизненно важные центры Российского государства. Так, в 1571 году (всего за 10 лет до похода Ермака в Сибирь) крымские татары сожгли Москву, и лишь в ходе длительного ожесточенного сражения их удалось разгромить (при новом набеге) в следующем году на подступах к русской столице. Казанские татары совершали на русскую территорию не менее глубокие рейды: их отряды опустошали не только нижегородские и муромские, но и вятские, костромские, галицкие, вологодские, устюжские земли, продвигаясь, таким образом, на север вплоть до бассейна Сухоны. Ярко характеризует это «разорение» автор созданной тогда же «Казанской истории»: **«И было тогда беды... от казанцев и черемисов больше, чем при Батые. Батый единожды Русскую землю прошел, как молнии стрела. Казанцы же не так губили Русь, никогда из земли русской не выходили: когда с царем своим, когда с воеводами воевали Русь, и посекали, как сады, русских людей»**. А вот слова другого современника — князя Андрея Курбского: **«Безчисленными плененьми варварскими, ово от царя перекопскаго, ово от татар ногайских, сиречь заволских, а наипаче и горши всех от царя Казанского... уже было все пусто за осмьнадесять миль до Московского места...»**

Естественно, и русские не оставались в долгу: тоже совершали походы на Казанское ханство и в Сибирь. И боевые действия велись ими, разумеется, в соответствии с принятыми в то время этическими нормами. Я изучал русско-татарское противоборство той поры по летописям, воеводским донесениям и другим «актовым материалам», в том числе «Ногайским делам», по свидетельствам иностранных наблюдателей и могу со всей ответственностью заявить, что и на землях Казанского ханства, и в Сибири русские войска действовали не более жестоко, чем татарские на Руси.

Закономерен вопрос: а насколько сопоставима военная мощь крепнувшей Руси и, казалось бы, отсталых в экономическом и социальном отношениях татарских ханств? Что ж, победа в конечном итоге осталась за Русским государством, значит, в целом соотношение было в его пользу. Русь оказалась сильнее, однако нельзя не увидеть, что свои преимущества она доказала в ходе *ожесточеннейшей* борьбы. Наивными поэтому выглядят рассуждения о том, что «вооруженные огнестрельным оружием конкистадоры» просто расстреливали татарских воинов, «как диких животных», что война с татарами была для русских чем-то вроде тренировочной стрельбы по мишеням. Отнюдь. И в XVI веке, и гораздо позднее, влоть до середины XVIII века, русские несли в боях с вооруженной луками с саблями татарской конницей огромные потери. Огнестрельное оружие, разумеется, давало большие преимущества, но главным образом в обороне. В XVI—XVII веках оно было настолько еще громоздко и примитивно, а военная подготовка и снаряжение татарских воинов, напротив, столь совершенны, что легких побед русские не одерживали, поражения же терпели нередко. Достаточно сказать, что крымцы и без огнестрельного оружия осуществляли успешные набеги на русские и украинские земли вплоть до середины XVIII века. Татарское войско XVI—XVII столетий — это вам не американские или австралийские аборигены, имевшие к приходу европейцев вооружение и тактику на уровне каменного века...

Закономерен, однако, и такой вопрос: в какой мере все это применимо к Сибири? Разумеется, «Сибирский юрт» был гораздо слабее Казанского и Крымского, но оказался крепче такого осколка Золотой Орды, как Астраханское ханство. Сибирское ханство принимало посильное участие в борьбе с поднимавшейся Русью, будучи тесно связанным с Казанским ханством и ногайцами. Правда, в 1555 году сибирский правитель Едигер, надеясь на помощь Руси в борьбе с «южными соседями», добровольно признал себя вассалом Москвы (кстати, в соответствии с представлениями той эпохи этого акта было достаточно, чтобы в последующем русский царь мог предъявить «законные» права на сибирские земли), но после того, как представители местной татарской династии были свергнуты и убиты пришедшим из Бухары чингисидом Кучумом, положение стало меняться. Узнав о сожжении Москвы в 1571 году крымскими татарами, Кучум вознамерился разорвать вассальные отношения с Иваном Грозным и активно взялся за подчинение окрестного татарского, ханты-мансийского и башкирского населения. Вошедшие таким образом в орбиту внешней политики Кучума племенные группы (в том числе и уже бывшие подданными московского царя) начали нападать на приграничные русские земли.

С 1572 по 1582 год произошло по меньшей мере пять таких вторжений. Были преданы огню и мечу многие поселения по рекам Чусовой, Сылве, Косьве, Каме. Татары осаждали Чердынь — главную крепость Пермского края, а также менее крупные города и острожки, захватили и сожгли Соликамск, вырезав при этом почти всех его жителей. Все это — также к вопросу о «первоубийцах» и «ужасных злодеяниях» русских завоевателей, о чем пишет Халитов.

Я не собираюсь доказывать, что раз не русские «начали первыми» борьбу с «татарским миром», то и не на них вина за ее последствия. Такой подход был бы, строго говоря, ненаучным. В оценках тех или иных событий надо стоять на принципах историзма, учитывать характер эпохи и не судить деятелей прошлого с позиций сегодняшней морали. Во времена покорения Сибири первым «начинал воевать» тот, кто был или считал себя сильнее. Кроме того, надо помнить о неизбежности, исторической обусловленности, а следовательно, и *закономерности* развития событий. Надо ли доказывать, что ни в средние века, ни гораздо позднее (вплоть до самого последнего времени) взаимоотношения сильных и слабых государств и народов просто не могли строиться на широко декларируемых ныне принципах мирного сосуществования, взаимного уважения, гуманизма и невмешательства во внутренние дела? В ту пору превыше всего ценились воинская доблесть и сила, а проявление миролюбия обычно воспринималось либо как лицемерие, либо как признак слабости. И на пути широкой и откровенной экспансии, и на пути мелких грабительских набегов не могли встать ни «принципы добрососедства», ни «мировое общественное мнение» — надежда была только на военную мощь.

Поэтому сильное в военном отношении государство неизбежно и закономерно расширялось, вбирая в себя более слабые, и так продолжалось до тех пор, пока не встречался равный или более могучий противник. А сколько в этих условиях было случаев *добровольного* присоединения малочисленных и слабых народов к сильному государству — с единственной целью: получить защиту от соседей! Ведь и между собой малочисленные племена и народы вели борьбу, то и дело вступали друг с другом в союзы и коалиции. Взгляните на историко-географическую карту Евразии XVI—XVII веков и подумайте: могли ли жители не только Сибирского ханства, но и всей Сибири оставаться независимыми от крупных и сильных держав и какое государство, кроме Русского, имело реальные шансы присоединить к себе сибирские земли? Ход исторического развития делал такое присоединение рано или поздно неизбежным.

Да и пожелай в ту эпоху правители большого и сильного государства оставить сопредельные с ним слабые и малочисленные народы в покое, ничего бы наверняка не получилось. Не создавшие собственных крепких государств европейские и азиатские народы в XVI—XVII веках в большинстве своем находились на различных стадиях разложения родового строя. У них с большей или меньшей интенсивностью шел процесс классообразования, складывался строй так называемой военной демократии: все мужчины в роду — воины, воинственность — наиболее характерная черта их облика и поведения, а война — один из самых престижных и доходных «промыслов». Чем богаче и многолюднее было государство, соседствовавшее с такими народами, тем более желанным объектом для грабительских набегов оно для них являлось. И стоило ему ослабить военный нажим на «варварское окружение» (например, из-за внутренних неурядиц), как окрестные племена сами переходили в наступление, несмотря на явное неравенство «военно-промышленных потенциалов»,— вспомним судьбу Римской империи.

Но раз грань между захватнической и оборонительной войной сплошь и рядом делалась весьма зыбкой, а сами войны были явлением постоянным и неизбежным, то не означает ли это, что каждый талантливый полководец тех времен заслужил право на доброжелательную память потомков? Ведь воинская отвага

и мужество и по сей день относятся к лучшим из добродетелей. Думаю, что все-таки не всякий выдающийся или удачливый военачальник достоин восхищения. Во-первых, в калейдоскопе давно прошедших событий можно разглядеть явные и, как теперь говорят, ничем не спровоцированные акты агрессии, формы и масштабы которых при всей грубости и жестокости нравов казались даже современникам невиданными. Начинался новый виток насилия и жестокости в мире (именно таким, например, было монголо-татарское нашествие). Во-вторых, с высоты нашего понимания происшедших событий, при знании их последствий не так уж трудно в большинстве случаев определить, какой они носили характер: в целом прогрессивный или реакционный, то есть способствовали поступательному развитию общества или толкали его назад, приносили ли завоеванным народам что-либо, помимо грабежей и убийств... Думаю, военачальники, причастные к событиям прогрессивного характера, более достойны благосклонного внимания, чем их противник, ибо их руками сама История прокладывала свой непростой, менее всего подобный «тротуару Невского проспекта» путь.

Разумеется, и Россия не раз вела сугубо захватнические и отнюдь не прогрессивные войны. Но нельзя не видеть, что она в этом отношении ничем не отличалась от других держав, а именно последнее обстоятельство нередко забывают отметить обличители «внешней политики русского царизма». Конечно же, и у татар Сибирского ханства в конце XVI века была «своя правда»: они сражались за свой улус,— и нелепо было бы ждать от них понимания значения его присоединения к России. Естественно, не могли осознавать всей важности события и «Ермаковы казаки»: как и татары, они руководствовались сугубо прозаическими соображениями — думали о военной добыче, славе, наградах. Но как же оценивать покорение Сибири в общеисторическом контексте?

Судьбы аборигенов Северной Азии после присоединения к Русскому государству могли складываться поразному. Хорошо известно, что контакты с представителями более развитых в социально-экономическом отношении стран редко когда обходились без отрицательных последствий для отсталых и долго живших в изоляции народов. Но действительно ли положение сибирских татар в составе России оказалось столь трагичным, как следует из письма М. Х. Халитова? Находятся ли, в частности, сибирские татары на грани вымирания?

Начнем с того, что общая численность тюркских племен Западной Сибири, за которыми позднее закрепилось название «татары», в конце XVI — начале XVII века определяется примерно в 15—20 тысяч человек, а сегодня сибирских татар около 70 тысяч. Размещение на сибирских землях русских переселенцев, конечно, не всегда проходило безболезненно и гладко. Но московское правительство, будучи кровно заинтересованным в приумножении «ясачной казны», предписывало селить русских людей «на пустых землях и у ясачных людей угодий не отнимать»; при отводе участков переселенцам надлежало узнавать, «порозжее ли то место и не ясачных ли людей», а тем, «которые у ясачных людей угодья пустошат», было велено чинить «наказанье... бить кнутом нещадно, чтобы иным неповадно было...». Разумеется, совершенно «пустые земли» имелись далеко не везде, и аборигенам волей-неволей приходилось потесниться. Но в Сибири с ее гигантскими просторами и малой плотностью заселения (на территории в 10 миллионов квадратных километров к приходу русских проживало не более 250 тысяч человек) «земельный вопрос» никогда не стоял остро.

М. Х. Халитов с обидой пишет о «многовековой колонизации» своего народа. Конечно, Российское государство было эксплуататорским (как, кстати, и Сибирское ханство) и эксплуатировало своих подданных — и русских, и татар — феодальными методами. Сопоставимо ли, однако, ущемление интересов сибирских татар с нашими представлениями о *колониальном* гнете? С положением аборигенов тех колоний, где люди насильно сгонялись с родных земель и сознательно уничтожались целыми племенами? Какой, в частности, характер носила русская колонизация южных районов Западной Сибири?

Вот свидетельства очевидцев. Писатель-революционер А. Н. Радищев, проезжая по пути в ссылку в 1791 году (через 210 лет после Ермака) вдоль Иртыша и Вагая, записал в дневнике: «Крестьяне мало имеют земли, лучшая вся у татар». Примерно в то же время царскими чиновниками для служебных надобностей производилось экономико-географическое и этнографическое описание Западной Сибири. О Тобольском уезде там, в частности, было сказано: «Пашенную землю и сенные покосы и прочие угодья имеют жители не равно, большею частию занимают иноверцы (в основном татары.— **Н. Н.**) с издревле своим расположением...» В Тарском уезде, согласно тому же описанию, «русские... по малоимению у них... сенокосов» пользовались лугами местных татар «каждогодно за договорную с ними плату».

Мне самому в архиве не раз попадались документы, где говорилось, что русские переселенцы в Западной Сибири XVII века косили траву или пасли скот не только на своих, но иногда и на татарских землях — обычно за определенную арендную плату. Так, в тобольских «дозорных книгах» 1623—1624 годов при описании хозяйства «пашенного крестьянина» С. Бурнаша сообщается: «Сенных покосов у него... нет нисколько, косит сено в лугу в татарских займищах по упросу». О «пешем казаке» Кириллове там же сказано: «А поскотинные земли и сенных покосов нет у него нисколько, косит он сено турбинские татар в их займищах по упросу, а скот выпускает в поскотину пашенных крестьян». При переписи земель Тарского уезда в 1701 году было отмечено: «Межа сенным покосам деревенских вышеписанных жителей, владеют по полюбовному договору Аялынской волости с татары...» (Центральный государственный архив древних актов, ф. 214, кн. 3, п. 165 об., 175 об.; кн. 1189, л. 193). Уместными здесь также будут сведения, приведенные А. А. Кондрашенковым в монографии «Крестьяне Зауралья» (ч. 1), они относятся уже к другому району Западной Сибири: «Земли на Исети принадлежали там мурзе Илегею из Тюмени. Он сдавал их в аренду русским людям, «ирбитцам и невьянцам по прозвищу Шипициным и Королевым с товарищи», которые занимались промыслом на выдр и бобров» (с. 71—72). И ведь подобная практика продержалась в Западной Сибири, по сути дела, до коллективизации! Не очень-то она вяжется с представлениями о колонизаторе, жестоко угнетающем туземцев...

Противоречат этому образу и документы, свидетельствующие о довольно быстром установлении дружеских бытовых контактов между русским и татарским населением Сибири. Уже в XVII веке это сильно беспокоило центральное правительство, озабоченное «нравственным обликом» православных подданных. Узнав, в частности, что «всяких чинов жилецкие люди живут в татарских юртах... с татарами вместе... пьют и едят из одних сосудов и в пост с ними упиваются, с татарками живут блудно и детей приживают», царь Михаил Федорович приказал «разводить русских и татар, чтобы они вместе не пили, не ели и не жили».

В том же XVII веке сибирские татары широко втягивались в посредническую торговлю между русскими и «бухарцами»; многие из татар вскоре превратились, как показал новосибирский историк О. Н. Вилков, в довольно состоятельных купцов. Тщательно изучив взаимоотношения русских переселенцев с западносибирскими аборигенами в XVII—XIX веках, историки Н. Ф. Емельянов и Н. А. Миненко пришли к выводу, что быт сибирских татар уже к концу XVII столетия имел много общего с бытом живших по соседству русских (Этнические культуры Сибири... Новосибирск. 1986, с. 54—55).

Мне пришлось бывать в Тобольском районе Тюменской области в этнографической экспедиции, и я воочию мог убедиться, что русские и татарские деревни этих мест и сейчас практически ничем не отличаются друг от друга. По крайней мере жизненный уровень татар и проживающих рядом с ними русских одинаков. Равенство это отмечалось во многих местах уже в XVII—XVIII веках, и надо ли доказывать, что хозяйственный уклад, сложившийся у сибирских татар под воздействием русских, был в то время гораздо выше, чем накануне «Ермакова взятья»? На что уж Фридрих Энгельс не любил царскую Россию, но даже он, употребив для обличения «жандарма Европы» такие выражения, как «подлость» и «славянская грязь», счел необходимым отметить: **«Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»** (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е, т. 27, с. 241).

Конечно, у татарского населения Сибири, надо полагать, накопилось к настоящему времени немало социальных проблем, но вряд ли их больше, чем у соседей-русских и вообще жителей Российского Нечерноземья.

Так в чем же виновен перед сибирскими татарами русский народ? Чувством какой «исторической вины» он должен проникнуться, чтобы заслужить прощение? Неужели только тем, что 400 лет назад русские оказались удачливее татар в ратном деле?

М. Х. Халитов упрекает русскую литературу и русский народ в том, что они в подавляющем большинстве якобы считают «захват чужих земель и покорение других народов святым делом, подвигом». В качестве доказательства выдвигается только одно: Ермака и его соратников русские «представляют как народных героев». Что ж, действительно, атаман Ермак сразу же после гибели надолго стал одним из самых любимых народных героев. О нем ходили легенды, слагались песни и былины богатырского цикла, где он выступал как племянник самого Ильи Муромца. В свою очередь, этот сейчас уже мало кому известный фольклорный пласт вдохновлял профессиональных художников, музыкантов, писателей (лучшее на сегодняшний день, хотя и несколько устаревшее, художественное произведение о Ермаке — роман Вадима Сафонова «Дорога на простор» — я рекомендовал бы всем читателям). Кому-то все это может показаться проявлением «имперского сознания», и по сей день еще, к сожалению, свойственного некоторым нашим согражданам. Но задумывались ли Халитов и его единомышленники, почему, например, ни песен, ни былин не создано русским народом о «покорителе Приамурья» Хабарове или о «покорителе Камчатки» Атласове? Да, они, похоже, сильно уступали Ермаку и в воинском искусстве, и в государственной мудрости, но это мало о чем говорит: такое могло быть известно узкому кругу специалистов-историков, а никак не народным массам. Дело здесь явно в другом, а именно: в том, *с кем воевали* эти «мини-ермаки». Воевали же они с племенами и народами, совершенно неизвестными в Европейской России. А противник Ермака был Руси хорошо знаком, и не только потому, что еще не выветрились из народной памяти ужасы монголо-татарского нашествия и ига. Татарская опасность оставалась вполне реальной для коренных областей России еще более столетия. Достаточно сказать, что лишь при Петре I была окончательно прекращена выплата унизительной «откупной» дани Крымскому ханству. И можно себе представить, какой резонанс получила в свое время на Руси весть, что отряд простых казаков разгромил целое татарское царство! Нельзя понять феномен многовековой популярности Ермака, если не учитывать, что его сибирский поход был одним из эпизодов длительной, изнурительной, тяжелейшей борьбы с наследием ордынского ига.

Надо отметить и существенную разницу между нынешним отношением к Ермаку М. Х. Халитова и взглядами, бытовавшими в XVII веке. Тогда сибирские татары, по сути дела, *обожествили* Ермака. Его тайная (для русских) могила считалась у сибирских аборигенов священным местом, земля с нее якобы обладала целебными свойствами, а в спор из-за снятого с тела Ермака панциря вынуждена была вмешаться царская администрация, «пожаловав» в итоге этот доспех «за службу» союзному калмыцкому правителю. Кстати, о службе. Царю московскому в Сибири служили и татары. Большинство их не очень-то печалила судьба «сбитого с куреня» хана Кучума — потому, может быть, что он выглядел в их глазах узурпатором, свергнувшим с помощью ногайцев и бухарцев местную татарскую династию. Еще Ермак предлагал татарам идти на русскую службу и нашел себе союзников не только среди ханты-мансийского населения, но и среди татар. Политику привлечения их на свою сторону проводило и царское правительство, и она возымела успех. Уже в 1598 году отряд сибирских татар активно содействовал разгрому Кучума, а позднее, увеличиваясь численно, также служил «великому государю» верой и правдой, причем в ряде случаев более ревностно, чем русские ратные люди. И в этом не было ничего особенного для русско-татарских отношений. Много татар служило русскому царю задолго не только до покорения Сибири, но и до взятия Казани. Касимовские татары в XVI веке оказывали русским большую помощь даже при отражении набегов своих сородичей казанцев.

Между прочим, среди тех самых казаков, которых М. Х. Халитов назвал «профессиональными убийцами» и «конкистадорами», «привычными убивать всякого, кто попадется», в XVI—XVII веках находилось немало татар. Вольные казацкие общины этого времени были, пожалуй, наиболее «интернациональны» по своему составу. Замечу также, что сам институт казачества возник в татарской среде. На это ясно указывают даже лингвистические данные: слова «казак», «атаман», «есаул», «курень» имеют татарское происхождение. Лишь во второй половине XVI века подавляющее большинство казаков стали составлять выходцы с русских и украинских земель, но они восприняли от тюркских предшественников и собратьев не только названия, но и структуры воинской организации, и образ жизни.

И вот я подхожу к ответу на вопрос, заданный в письме Халитова: каким же должен быть фильм, посвященный столь яркому и драматическому моменту нашей истории? Прежде всего, как ни банально звучит, *правдивым.* А для этого не надо ни «обелять», ни «очернять» Ермака — следует показать его в меру наших сил и возможностей объективно, исходя как из фольклорной традиции (в ней народная оценка этой личности), так и из данных исторических источников. Пусть это будет фильм, способный заставить зрителя глубоко задуматься над вечными проблемами бытия.

Николай НИКИТИН,
кандидат исторических наук

В 30-е годы по Европе прокатилась волна загадочных убийств и похищений: бесследно исчезли в Барселоне сын известного социал-демократа Р. Абрамовича Марк Рейн и лидер испанской партии ПОУМ, некогда секретарь Профинтерна Андреас Нин, от рук неизвестных убийц погибли «невозвращенцы» Навашин и Беседовский, похищен был Р. Клементис, бывший секретарь Троцкого. Этот список может быть продолжен.

Однако самым нашумевшим, привлекшим внимание европейской общественности, явилось похищение и убийство (?) в 1937 году генерала Е. К. Миллера — руководителя Российского общевоинского союза (организации — штаб-квартира находилась в Париже,— занимавшей весьма жесткие позиции по отношению к СССР). Внимание, вызванное похищением, подчеркивалось загадочным исчезновением в 1930 году предшественника Миллера — генерала Кутепова, известного непримиримостью к Советской власти.

Незадолго до похищения Миллера в Швейцарии, в окрестностях Лозанны, произошло еще одно убийство. Очередной жертвой оказался некто Игнатий Райсс (настоящее имя — Людвиг Порецкий) — профессиональный разведчик, сотрудник ГПУ — НКВД, на протяжении двадцати лет проживавший в Европе. Не пожелав мириться с окончательно сформировавшимся в Советской России кровавым режимом, он в июле 1937 года отправил обличительное письмо в ЦК ВКП(б), в котором отказался быть соучастником преступлений сталинизма. Не прошло и трех месяцев, как последовала трагическая развязка: Игнатий Райсс пал жертвой наемных карателей.

Убийство Райсса и последовавшее за ним похищение генерала Миллера замкнули цепь кровавых событий и позволили говорить о серии терактов, организованных ГПУ — НКВД. Французская полиция Сюрте национальной взяла след, он привел к парижскому «Союзу возвращения на родину», где активно «работал» С. Я. Эфрон — сотрудничавший с советской разведкой литератор и, к сожалению, муж Марины Цветаевой. Он являлся одним из главных координаторов проводимых по указанию «центра» карательных операций. Непосредственным организатором похищения оказался некто Скоблин — белый генерал, сотрудничавший с германской и советской разведками.

После первого же допроса Эфрон скрылся и через некоторое время возник в Москве уже в форме офицера НКВД. Спустя несколько лет он сам оказался жертвой террора — был арестован и расстрелян в 1939 году. Удалось скрыться и Скоблину, явившемуся прототипом героя рассказа «Постановщик картины» — генерала Голубкова. Супруга Скоблина — популярная в эмигрантских кругах певица Плевицкая — послужила прототипом Славской. На допросе она подтвердила заведомо ложное алиби мужа и была арестована как лицо, имеющее косвенное отношение к убийству.

В рассказе В. В. Набоков отказался от характерного в его творчестве искусственного моделирования сюжетов, он признавался, что рассказ «...ближе к конкретной реальности, нежели другие его произведения».

Рассказ был написан в 1943 году в Бостоне на английском языке и публикуется в русском переводе впервые.

Владимир НАБОКОВ

ПОСТАНОВЩИК КАРТИНЫ

РАССКАЗ

I

Что это значит и значит ли что-нибудь? Всего-навсего то, что сама жизнь — постановщик картины. Сегодня вечером мы идем в кино — назад по Тридцатым, вниз по Двадцатым, к старому синематографу «Европа». Она — знаменитая певица. Не в опере, не в «Дикой кавалерии» — ни в одном из известных тогда мест. «Ля-Славска» — зовут ее французы. Стиль: одна десятая — цыганки, одна седьмая — деревенской барышни (она родилась в крестьянской семье), и пять девятых — моды тех дней, если модой назвать мешанину поддельных простонародных напевов, солдатской мелодрамы и казенного ура-патриотизма. В остатке — природное великолепие ее голоса.

Родившись там, где билось географическое сердце России, стиль этот сразу покорил большие города, Москву, Петербург, достиг Царского Села, и там его высоко оценили. Ее фотография украшает уборную Федора Шаляпина — русский кокошник с жемчугами, головка на сложенных руках, чувственная улыбка, полоска ослепительных зубов и корявая — через всю фотографию, слева вверх — торопливая надпись: «Федюше на память». Невесомые звездочки снега, красуясь, пока не подтают края в сложной своей симметрии, плавно и неслышно спускаются отдохнуть на плечи и рукава, усы и шапки ждущих открытия кассы синематографа. До самой своей смерти она больше всего дорожит — или просто делает вид — почетной медалью и огромной брошью, полученными из рук царицы. Это изделия знаменитой ювелирной фирмы, которая — весьма выгодное занятие — представляла на каждое празднество императорской семье какой-нибудь символ огромной империи, увеличивающийся год от году в цене: могла быть и великолепная аметистовая лампа с бронзовой, инкрустированной рубинами тройкой, взмывающей к вершине Арарата, хрустальный, чистейшей воды, шар размером с дыню, увенчанный золотым орлом с алмазным, пронзительным, как у Распутина, взором. Пройдут годы, и Советы на Всемирной ярмарке будут экспонировать некоторые из этих изделий, лишив их символики, примерами собственного успеха в искусстве.

Продолжайся все, как, казалось, и дóлжно, она все еще пела бы вечерами в разгоряченном Дворянском собрании или Царском, а я где-то в глухом уголке Сибири-мачехи оборвал бы ее, всего лишь выключив радио. Однако судьбе вольно распорядиться иначе — когда случилась революция, красные дрались с белыми, ее практичная крестьянская натура предпочла более выгодную партию.

Бесшумно призрачные тени казацких полков проносятся сквозь тающие титры с именем постановщика фильма. Изящный генерал Голубков праздно лорнирует поле битвы в театральный бинокль. В дни нашей молодости — дни молодости кино — мы привыкли, что с экрана открывается вид, четко охваченный окулярами бинокля. Но не теперь. Генерал Голубков — от беспечности нет и следа,— резко вскакивает в седло, поднимает коня на дыбы и, на мгновенье растворясь в открывшейся до небес панораме, летит в сумасшедшем галопе.

Неожиданность в спектре искусств подобна ультрафиолету: вместо условного «ра-та-та» пулеметных очередей — поющий вдали женский голос. Он все ближе и ближе, пока, наконец, не заполнит пространство фильма. Великолепное контральто выразит все, что знает музыкальный директор о русском пении. И кто же предводительствует у этих ультра-красных? Женщина. Она и есть сам певческий дух необычного, хорошо обученного батальона, тяжело шагающего по люцерне, испуская: «Волга-Волга». Изящный и обаятельный (теперь-то нам хорошо известно, как описали его рецензенты) джигит Голубков, уже раненный несколько раз, умудряется подхватить их предводительницу в галопе — при этом она театрально отбивается — и вынести из битвы.

Отвратительно, однако, убогий сценарий этот посягает на действительность. Мне известны двое — по крайней мере двое — свидетелей событий — и оба они заслуживают доверия — но караулы истории пропускают, а часовые не окликают этих, не знающих пароля, чужестранцев. И вот уже, пируя за офицерским столом, она сводит с ума полными здоровья женскими телесами и дикарскими песнями — полная милосердия Прекрасная Дама, силы и напора которой так недостает Луизе фон Ленц или леди Грин. Она и подсластила горькую пилюлю отступления белых, начавшегося вскоре после ее магически-неправдоподобного появления в штабе генерала Голубкова. На экране — мрачно мелькают вóроны, ворóны, коршуны, или какие-то там еще птицы, которым пристало, кружась в сумерках, медленно опускаться на усеянное мертвыми телами поле боя где-то в графстве Вентур. Мертвые руки белого воина продолжают сжимать медальончик с фотографией матери, а с простреленной груди красного бойца сквозь строки письма из дома смотрит та же старая женщина.

Вслед за этим — традиционный для кинематографа контраст — мощный всплеск музыки и пения, с хлопками и топаньем в такт — удалое пиршество штаба генерала Голубкова: танцует гибкий щеголь грузин, блестящий самовар, самодовольно искривляя, отражает лица, Славская запрокидывает голову в гортанном хрипловатом смехе, корпусной толстяк, ужасно пьяный, с расстегнутым воротником, складывает губы для похотливого поцелуя и,— перегибаясь через весь стол, ложась на падающие рюмки,— пытается кого-то обнять; однако все это ничто, пустяк в сравнении с тем, как сильный и совершенно трезвый генерал Голубков ловко поворачивает ее и, когда оба они оказываются лицом к этой своре, произносит холодным четким голосом: «Господа! Позвольте представить вам мою невесту!» — и в моментально установившейся тишине — лишь шальная пуля, взвизгнув, разбивает вдребезги оконное стекло,— спустя мгновение, громкий рев одобрения приветствует очаровательную пару.

Не совсем ясно, было ли ее пленение целиком уделом счастливого случая. Однако сомнения изгнаны из фильма. Подозрения рассеиваются: едва начинается великий исход белых, генерал и его жена,— уже ставшие одной парой пристяжных,

слившиеся в одну песню, превратившиеся в одну загадку,— попадают, как и многие другие, в извивающиеся — от виа Сиркеджи до Мотцштрассе и рю Воживар — хвосты беженцев. Естественно, генерал становится активным членом СБВ — Союза Белого Воинства,— много ездит, организовывая скаутские кружки для русских мальчиков, устраивает благотворительные концерты, строит бараки бездомным, разрешает мелкие недоразумения — и делает это все легко и просто. Думаю, все это шло на пользу духовному здоровью Белого Воинства, не способного отградиться от крайне монархистских организаций и почувствовать — как почувствовала это русская интеллигенция в изгнании — их, казалось, нелепую, но порочную и злобную пошлую фашистскую суть. И теперь, если некоторые доброжелательные американцы спрашивают, знал ли я очаровательного полковника Такого-то или величественного старика, графа Киковского, у меня не хватает духа рассказать им мрачную правду.

Однако существовала и еще одна разновидность людей, сотрудничавших с Белым Воинством. Я размышляю о душах тех авантюристов, что помогали делу, переходя границы по окутанным снегом сосновым лесам, чтобы побездельничать у себя на родине под масками, сработанными достаточно грубо (еще социал-революционерами во времена оны), а затем вернуться тихо — куда-нибудь в парижское кафе «Ешь бублики» или маленький берлинский ресторанчик без названия — наполнив карманы полезным хламом, как и пристало возвращаться шпиону к своему работодателю. Некоторые из этих людей были тайно связаны со шпионскими ведомствами других стран и имели обыкновение забавно подпрыгивать, стоило положить им сзади руку на плечо. Мало кто бывал там шутки ради; единицы из них всерьез верили, что такая их работа неким мистическим образом готовит воскрешение священного, немного затхлого прошлого.

II

Теперь мы сделаемся свидетелями монотонного ряда странных и таинственных событий. Смерть первого председателя СБВ оказывается не только смертью вождя всего белого движения — уходит из жизни лучший среди нас; некоторые явно темные призраки, бродящие вокруг его предсмертной болезни, намекают на тень отравителя. Сменивший его огромного роста сильный господин с громоподобным голосом и головой, напоминающей пушечное ядро, похищен неизвестными, и также имеются основания считать, что он погиб от большой дозы хлороформа. Третий...— однако не стоит так торопиться с изложением событий. Движение потеряло первых двух своих лидеров в течение семи лет; не потому, что это не могло произойти быстрее, но потому как особые обстоятельства как бы требовали четкой согласованности во времени между «неожиданным» открытием вакансий на председательское кресло и карьерой некоего напористого претендента. Присмотримся повнимательнее.

Голубков был не только тройным — если быть точным — агентом, но и крайне честолюбивым молодым человеком. Лишь тем, кто лишен увлечений и страстей, покажется загадкой, отчего столь желанна ему мечта возглавить организацию, сподобившись последнему лучу опускающегося за кладбищенскую ограду солнца. Он страстно этого хочет — в этом всё. Меньше понятна его уверенность, что удастся уцелеть в опасном столкновении грандиозных сил, помощь и деньги которых он получал. Сейчас мне необходимо все ваше внимание; жаль, если вы упустите некоторые нюансы сложившейся ситуации.

Советы мало беспокоились в высшей степени невероятной перспективой: сможет ли призрак белой армии когда-нибудь возобновить военные действия. Однако их, должно быть, крайне раздражало, что обрывки сведений об их военных укреплениях и промышленности, собранные неуловимыми лазутчиками СБВ, сразу же попадают в благодарные руки немцев. Немцев мало интересовали малопонятные разновидности политических течений русской эмиграции, но им постоянно досаждал, раздражая своей тупостью, патриотизм председателя СБВ, время от времени — на нравственной почве, естественно,— мешающий плавному течению дружеского сотрудничества.

Итак, генерал Голубков оказался неожиданной удачей и для тех, и для других. Советы твердо рассчитывали: сделайся Голубков руководителем Союза, все его шпионы станут хорошо им известны, а через них можно будет хитро снабжать недостоверными сведениями нетерпеливых немцев. Немцы точно так же были уверены, что с ним был бы гарантирован успех их собственным, абсолютно надежным агентам, внедренным в среду шпионов СБВ. Ни одна из сторон не питала иллюзий относительно лояльности генерала Голубкова, однако и те, и другие высокомерно полагали, что именно им удастся использовать с выгодой для себя его двойную игру. Мечты же простого народа, неустанно трудящегося в отдаленных уголках русской диаспоры, усердно и честно — как когда-то в Саратове или Твери — торгуя, рожая хилых детей и веря наивно, что организация СБВ — нечто похожее на братство рыцарей Круглого Стола короля Артура — защищает и объединяет все, что осталось и остается любимым, добрым и сильным от сказочной России — все мечты эти могли бы произвести впечатление на создателей фильма лишь как дополнение к главной теме.

СБВ создавался, а кандидатура генерала Голубкова, чисто умозрительно, конечно — никто не предполагал скорой смерти вождя,— находилась далеко в конце списка возможных претендентов на председательское место. Не потому, что его легендарная храбрость недостаточно ценилась боевыми друзьями, но, скорее, из-за того, что ему случилось быть самым молодым генералом в армии. Ко времени следующих выборов, однако, Голубков уже обнаружил такой организаторский талант, что способен был бы без риска вымарать несколько промежуточных имен в списке, как бы случайно лишая жизни их обладателей. Когда следующий генерал сменился на посту председателя, многие в СБВ находили: очередной кандидат, генерал Федченко откажется от своего права,— им воспользоваться позволяли возраст, репутация и превосходное образование,— в пользу более молодого и умелого претендента. Старый господин этот, однако, поразмышляв, решил, что, несмотря на всю сомнительность удовольствия, стоившего жизни уже двоим, трусливо и подло его избегать. И Голубков, стиснув зубы, продолжил борьбу.

Он начисто лишен внешней привлекательности. В нем не было ничего от любимого вами русского генерала: дородного, с глазами навыкате, добротного красавца. Это был тощий, жилистый человек: заостренные черты лица, в скобу стриженные усы и прическа, которую русские называют «ежиком» — короткая, жесткая, аккуратная. Когда он предлагал вам сделанные дома из чистого, без примеси, табаку папиросы или английские «Капштенс» — так он это слово произносил,— уютно уложенные в старый, просторный портсигар черной кожи, может быть, сопровождавший его сквозь дым бесчисленных сражений, на волосатой кисти поблескивал тонкий серебряный браслет. Вежливый до вкрадчивости, он оставался крайне незаметным.

Когда Славская «принимала» — приемы устраивались в домах различных меценатов (у балтийских, или что-то в этом роде, баронов, у доктора Бахраха, чья первая жена играла знаменитую Кармен, или у русского купца старого доброго закваса, с наслаждением за гроши скупавшего целые кварталы домов в обезумевшем от инфляции Берлине),— ее молчаливый муж незаметно скользил меж гостей, обнося бутербродами с колбасой и огурцом или оловянными заиндевевшими стопками водки; и пока Славская пела (в таких местах она обычно пела запросто, сидя, подперев голову ладонью, локоть — в ладони другой руки),— он мог находиться и чуть поодаль, прислонясь к чему-то, или на цыпочках пробираться к пепельнице, которую перед этим вежливо поставил на широкий подлокотник вашего кресла.

Мне кажется, он сознательно подчеркивал собственную незначительность, невольно внося при этом лакейскую нотку в поведение — сейчас-то очевидно, как это было к месту; он пытался играть на контрасте, наслаждаясь, когда по некоторым особым признакам — склоненная голова, скошенный на него взор — угадывал, как Такой-то в дальнем конце комнаты обращал внимание незнакомца на замечательное обстоятельство, что столь незаметный, тусклый господин вершил геройства в легендарной войне: покорял в одиночку целые города или что-то в этом роде.

III

Немецкие кинокомпании, разраставшиеся подобно ядовитым грибам в дождь (незадолго до того, как кино — дитя света — обрело дар речи), как дешевую рабочую силу использовали тех эмигрантов, чьей единственной профессией и надеждой оставалось собственное прошлое; живущие в его призрачном мире, в кино они изображали настоящую жизнь. Один другой сменяющие, эти фантомы уводили впечатлительного зрителя в Царство Зеркал — зазеркалье пленяло и уже было невозможно различить стеклянное отражение и живого человека.

В самом деле, я вспоминаю залы, где пела Славская — в Берлине и в Париже,— и окружающую ее публику, и мне кажется: я реставрирую и озвучиваю старый фильм, где жизнь — серое дрожание кадров, и похороны — на бегу, и только море окрашено в болезненно-голубой цвет, и какая-то машинка за экраном подражает неровному его шороху. Перед глазами медленно проплывает некий сомнительный субъект, гроза благотворительных организаций — лысый череп и сумасшедший взгляд; с поджатыми ногами он похож на пожилой человеческий зародыш — и плавно опускается в сиденье заднего ряда. Вот высокий стоячий воротник и грязноватые гетры — наш знакомец Граф тоже здесь. Почтенный священник — ему не чужды мирские радости — с крестом на широкой груди, сидит в первом ряду и смотрит прямо перед собой.

И концертные номера, воскрешающие в моей памяти имя Славской, и публика на празднествах этой правой организации носили нереальный, фантастичный оттенок. Артист варьете, с поддельным славянским именем, один из гитарных виртуозов, что проходят первым дежурным номером в программах мюзик-холла, смог бы рассчитывать на вполне радушный прием: богатый орнамент блестящей поверхности гитары и небесно-голубые шелковые шаровары отлично вписывались в представление. И некий бородатый старый мерзавец в потертом коротеньком пальтишке, когда-то член масонской ложи Святая Русь, стал бы, устроившись поудобнее на стуле, ярко живописать все, что сотворили сыны Израилевы и масоны — два тайных семитских племени — над русским народом.

А теперь, дамы и господа, мы удостоимся большой чести — она перед нами, на жутковатом фоне пальм и национальных флагов, облизывает бледным язычком полные, сильно крашенные губы, не спеша складывает руки в лайковых перчатках на животе, затянутом корсетом, и ждет, пока ее постоянный аккомпаниатор Иосиф Левинский, с лицом, как бы высеченным из мрамора — он сопровождал ее всюду, оставаясь в тени пения: и в маленькой гостиной царской семьи, и в салоне товарища Луначарского, и в каких-то неописуемых уголках Константинополя — играет раскатистую серию вступительных аккордов.

Порой, если дом к тому располагал, она могла исполнить национальный гимн до того, как выдать весь свой ограниченный, но всегда желанный публике репертуар. Неизбежны в нем: и «Старая калужская дорога» (с разбитой молнией сосной в окончательном, сорок девятом ее варианте), в немецком переводе, напечатанном под русским оригиналом, начинающаяся „Du bist im Schnee begkaben, mein Russland“, и старинная народная баллада (записанная кем-то в восьмидесятые годы) об атамане разбойников, влюбленном в персидскую княжну, которую он бросает в Волгу, как только его шайка начинает упрекать его в слабости к ней.

При полном отсутствии артистического вкуса, беспорядочной технике и ужасном стиле, те, кому музыка и переживания представлялись одним целым, а песня была способом заново пережить прошлое, благодарно находили в искусной звучности ее голоса и ностальгическое облегчение, и заряд патриотизма. Особым успехом Славская пользовалась, когда звучало в ее песнях дикое напряжение отваги и безрассудства. И будь ее непринужденность менее притворна, она спасла бы ее от полной вульгарности.

Крупица ее таланта — душа, выстрадавшая песню, не смогла воспарить свободно, закрученная водоворотом ее характера. Теперь, когда в некоторых русских домах граммофон прижился, я, слушая записанное на пластинки контральто, с какой-то дрожью припоминаю показную кульминацию ее вокальной партии — анатомия рта, обнаженная в заключительном страстном вдохе, прекрасные, иссиня-черные кудри, руки, стискивающие медальон на груди, как бы заранее признательные за взрыв аплодисментов в конце, и темный широкий силуэт фигуры — неподвижный даже во время поклонов, как бы втиснутый в серебряный футляр,— делающий похожей ее не то на снежную королеву, не то на благородную русалку.

IV

Вновь Славская (цензоры, конечно, не усмотрят в этом угрозы нравственности) — коленопреклонная, в ладанном тумане переполненной русской церкви, исступленно рыдает бок о бок не то с женой, не то с вдовой — ей это лучше знать — генерала, чье похищение блестяще организовано ее мужем и безукоризненно сработано неизвестными специалистами, которых босс прислал в Париж специально для этого.

Вновь — это уже другой день, два или три года

спустя — она поет в апартаментах на рю Жорж Санд, окруженная восторженными поклонниками, и — взгляните: глаза слегка сужаются, улыбка гаснет на лице, едва входит задержавшийся по делам муж, мягким жестом останавливает полковника, пытающегося уступить кресло; и сквозь льющийся помимо сознания поток песни, исполняемой в десятитысячный раз, она внимательно всматривается в него (слегка близорукая, как Анна Каренина), пытаясь разглядеть некий неопределенный знак, и потом, когда ее наконец накрывают волны, а его расписные челны уплывают далеко и предательские круги по воде Волги, где-то в Самарской губернии, растворяются в печальной вечности,— это всегда самая последняя из исполняемых ею песен,— Голубков, приблизившись, произносит голосом, заглушить который аплодисменты не в силах: «Маша, завтра дерево срубят».

Фраза о дереве — единственный неосмотрительный шаг, который он позволил себе за всю скрытную карьеру. Можно простить ему этот всплеск, припомнив, что Генерал оставался последним на его пути препятствием, а завтрашние выборы автоматически обеспечили бы его собственное избрание. Позже друзья беззлобно подшучивали — русский юмор подобен пташке, довольствующейся крошками — над небольшой забавной ссорой этих двух великовозрастных детей: она сердито требовала срубить огромный старый тополь, затеняющий окно студии в загородной даче, а он упирался, утверждая, что старый и крепкий друг этот — самый зеленый ее поклонник и его пощадить надобно. Отметьте также: и тучную даму в пелерине из горностая, добродушно-лукаво упрекающую генерала за то, что сдался так скоро, и лучезарную улыбку, и раскрытые, как для объятий, студено-холодные руки Славской.

На следующий день, к вечеру, генерал Голубков повез супругу к портнихе и просидел там, читая «Пари-Суар», пока не был отправлен за платьем, которое она хотела переделать, но позабыла захватить. Несколько раз она делала вид, что звонит домой и многословно руководит поисками. Портниха-армянка и ее швея, юная графиня Туманова, работая в соседней комнате, забавлялись доносившимися междометиями, грубыми и громкими — они не позволяли ей умолкать, когда фантазия отказывалась импровизировать. Это избитое алиби вовсе не предназначалось для того, чтобы утвердить их невиновность, случись что непредвиденное — об этом не могло быть и речи; просто-напросто звонок этот был необходим генералу Голубкову, вздумай кто поинтересоваться, с кем в последний раз видели генерала Федченко. Лишь только все воображаемые шкафы были обшарены и перерыты, показался генерал Голубков с платьем, которое, конечно же, давным-давно дожидалось в машине. Он вернулся к прерванному чтению, а Славская продолжила примерку.

V

Голубкова не было минут около тридцати — вполне достаточно. Славская начала розыгрыш с безмолвствующим телефоном примерно тогда, как он, подобрав в безлюдном месте генерала, уже ехал с ним на воображаемую встречу. Все заранее продуманные детали делали ее обязательной, а секретность — вполне естественной. Несколькими минутами позже они остановились и вышли из машины.

— Но это совершенно другая улица,— произнес генерал Федченко.

— Да,— отвечал Голубков.— Удобнее здесь оставить авто. Мне бы не хотелось ставить его у входа в кафе. Мы срежем угол и пройдем короче. Пара минут хода.

— Хорошо же, идемте,— отозвался, прокашливаясь, старик.

Здесь, в этом уголке Парижа, улочки назывались именами многочисленных философов, как, собственно, и та, на которую они повернули — рю Пьер Лабэм. Мягко уводящая от темной церкви, она заманивала в неясно-бесцветный квартал ветхих домиков, отчужденно возвышающихся — каждый на своем клочке земли — за железными оградами, прерывавшими полет кленовых листьев с голых ветвей на мокрую мостовую. По левой стороне, обнажая то здесь, то там кирпичный узор кладки, тянулась серая длинная стена с маленькой зеленой дверцей.

Едва они с дверцей поравнялись, Голубков, достав походный портсигар, остановился закурить. Генерал Федченко, хотя и убежденный противник курения, встал рядом. Сердито разрывая сумерки, дул прерывистый ветер, и первая спичка погасла. «Я по-прежнему считаю,— сказал генерал Федченко, продолжая деловой разговор,— я по-прежнему считаю,— повторил он (для того, чтобы что-то сказать у маленькой зеленой двери),— что, если отец Федор настаивает на уплате за все эти помещения из своих собственных фондов, нам остается только согласиться». Следующая спичка тоже погасла. Едва различимая вдалеке спина прохожего, наконец, исчезла. Перекрывая шум ветра, генерал Голубков повысил голос, и вместе с этим сигналом зеленая дверца открылась, и три пары рук с невероятной быстротой и сноровкой увлекли в нее старика. Дверь захлопнулась. Генерал Голубков, закурив, наконец, зашагал обратно.

Старика больше не видели. Спокойные иностранцы, снявшие один спокойный домик на один такой же спокойный месяц, были невинные не то дачники, не то датчане. Оптический обман — не более. Не существовало зеленой двери — была серая, и никому не под силу было ее открыть. Я тщетно рылся в солидных энциклопедических томах: философа по имени Пьер Лабэм никогда не существовало.

Но в ее глазах я видел липкий ужас. У нас в России говорят: «Всего двое и есть — смерть да совесть». По-английски это приблизительно значит: «There are only two things that really exist—one's death and one's consciance». Не всегда различаешь правильные поступки, однако всегда осознаешь дурные — очаровательное свойство человеческой натуры. Ужасный преступник, жена которого была много хуже, как-то признался мне,— я был тогда священником,— что мучительнее всего страх глубокого стыда: быть может, сердцем жена презирает его или — не дай бог! — думает, что он сам ее презирает. Именно поэтому я знаю прекрасно, какие лица были у генерала Голубкова и его супруги, когда они остались наедине.

VI

Совсем ненадолго, однако. Около девяти часов вечера генерал Р. сообщил генералу Л., секретарю СБВ, что г-жа Федченко крайне обеспокоена совершенно необъяснимым отсутствием мужа. Только тогда генерал Л. вспомнил, как за завтраком председатель говорил что-то — по своему обыкновению, очень туманно,— о предстоящем сегодняшним вечером деле в городе и предупреждал его, что если он не вернется домой к восьми часам вечера, не будет ли генерал Л. любезен найти и прочесть записку, оставленную в среднем ящике письменного стола. И вот теперь оба генерала заторопились в штаб,

с полпути, спохватившись, повернули обратно за ключами, забытыми генералом Л., стремительно ворвались в кабинет и, наконец, нашли записку. Было написано: «Мной владеют странные предчувствия — может быть, позже мне будет стыдно за них. Сегодня в половине шестого я должен встретиться в кафе на улице Декарт, 45 с осведомителем с той стороны. Я подозреваю ловушку. Эта встреча организуется генералом Голубковым, который и отвезет меня на место в своем автомобиле».

Опустим разговор двух генералов. Тугодумы, они потратили еще немало времени на бессвязный путаный разговор с возмущенным владельцем кафе. Уже в полночь Славская в ярком, цветистом пеньюаре, изо всех сил стараясь выглядеть заспанной, впустила их. Она не желала беспокоить мужа, который, по ее словам, уже спал, и хотела знать, что все это означает и не случилось ли чего с генералом Федченко. «Он исчез»,— сообщил правдивый генерал Л. С возгласом «Ах!» здесь же, в гостиной, Славская рухнула в тяжелом обмороке. Сцена была отнюдь не столь выигрышной, как полагало большинство ее поклонников.

Так или иначе, оба генерала сообразили до поры скрыть от Голубкова маленькую записку. Отправившись с ними в главный штаб, он считал, что они действительно хотят обсудить с ним что делать — звонить ли первым делом в полицию или сначала посоветоваться с восьмидесятилетним адмиралом Громобоевым, которого, в силу каких-то скрытых причин, считали в организации чуть ли не Соломоном.

— Что это значит? — вопросил генерал Л., протягивая роковую записку Голубкову.— Пожалуйста, прочтите.

Голубков прочел: «Все потеряно!» Пожав худыми плечами, он вернул записку.

— Если это в самом деле написано генералом,— произнес он,— а я должен признать, что очень похоже на его почерк,— я могу лишь одно сказать: кто-то играет моим именем. Однако у меня есть основания считать, что адмирал Громобоев оправдает меня. Предлагаю немедленно отправиться к нему.

— Хорошо,— согласился генерал Л.— Нам лучше идти сейчас же, хотя очень поздно.

Генерал Голубков, быстро надев плащ, вышел первым. Генерал Л. поднял и подал генералу Р. кашне, наполовину соскользнувшее с одного из массивных кресел, кресел — рассчитанные, скорее, не на людей, но на их вещи — стоят обычно в вестибюлях. Генерал Л. вздохнул и надел старую фетровую шляпу, использовав для этого легкого движения обе руки. Он пошел к двери.

— Минуточку, генерал,— тихо сказал Р.— Я хочу спросить... как офицер офицера... Вы полностью уверены, что... ну... что генерал Голубков говорит правду?

— Это мы и выясним,— ответил Л. Он был из людей, веривших, что, однажды родившись, предложение должно нести какой-то смысл. Они слегка соприкоснулись локтями в дверях. Наконец, более старший по возрасту признал за собой привилегию выйти первым и быстро выскользнул. Потом они оба застыли на площадке, потому как лестница ошеломила их пустотой. «Генерал!» — прокричал Л. куда-то вниз. Потом они посмотрели друг на друга, торопливо и неуклюже сбежали вниз по уродливым ступеням, выбежали наружу и, оглядевшись по сторонам, вновь посмотрели друг на друга.

Ее арестовали на рассвете. Ни разу в ходе расследования она не изменила позиции убитой горем невинности. Французская полиция проявила полное безразличие к делу, хотя и располагала ключами к разгадке, словно исчезновения русских генералов были чем-то вроде забавного национального обычая, восточного феномена — разрушительный процесс, который, возможно, и не должен иметь места, но который невозможно предотвратить. Впрочем, создавалось впечатление, что Сюрте знало о механизме фокусов с исчезновением людей больше, чем позволяла обсуждать вслух элементарная дипломатическая мудрость. Заграничные газеты писали об этом деле в добродушной, поддразнивающей, слегка скучающей манере. В целом «дело Славской» не попало в заголовки газет. Русская эмиграция оказалась вне фокуса внимания. По забавному совпадению и германские, и советские агентства печати лаконично сообщали, что в Париже двое русских генералов скрылись с денежным фондом белой армии.

VII

Судебное разбирательство оказалось совершенно неубедительным и путаным, свидетели не блистали, и окончательное обвинение в похищениях, предъявленное Славской, можно было бы оспорить на совершенно законном основании. В центре внимания следствия оказались всяческие не относящиеся к делу мелочи, уводящие в сторону и скрывающие главное. Лжесвидетели припоминали, как было дело и — наоборот. К делу был приобщен счет, подписанный неким Гастоном Куло, владельцем кафе.

Генерала Л. и генерала Р. совершенно измучили садисты-адвокаты. Парижский клошар, один из тех колоритных, красноносых, небритых существ, которые носят в необъятных карманах все свое имущество, а, лишившись последних носок, кутают ноги в обрывки выброшенных газет, хотя и выглядят весьма комфортно, восседая с бутылкой вина между широко расставленных ног у обшарпанной стены какого-нибудь дома — который никогда не будет достроен — мрачно повествовал о старике, которого он видел с некоего очень выгодного наблюдательного пункта и с которым столь грубо обошлись. Две русских женщины, одну из которых недолечили от приступов острой истерии, утверждали, что видели в день преступления генерала Федченко и генерала Голубкова, ехавших в машине последнего. Русский скрипач, обедавший в это время в немецком поезде... Впрочем, бесполезно пересказывать все эти сомнительные слухи...

Несколько последних эпизодов из жизни Славской в тюрьме. Кротко сжавшаяся в уголке. Пишущая г-же Федченко слезливые письма с уверениями, что теперь, когда их мужья стали добычей большевиков, они сделались как бы сестрами. Умоляющая разрешить пользоваться губной помадой. Молящаяся, в слезах припадающая к бледным рукам юной русской монахини, рассказавшей о бывшем ей видении — свидетельстве невинности генерала Голубкова. Шумно требующая вернуть Новый Завет, задержанный полицией — из-за экспертов, с рвением бросившихся расшифровывать какие-то пометки на полях Евангелия от Иоанна. Вскоре после неожиданного начала второй мировой войны у нее открылась мрачная тяжелая душевная болезнь и, когда трое немецких офицеров захотели немедленно увидеть ее однажды летним утром в тюремной больнице, им сообщили, что она мертва — быть может, это и было так.

Бостон, 1943.

Предисловие, перевод с английского и публикация Шалвы БРЕУСА

С ВОЛЧЬИМ БИЛЕТОМ

Первое человеческое слово он сказал в десять лет, а его родной язык — волчий. Маугли. История этого человека удивительна и, увы, трагична.

**Фото и текст
Юрия КОЗЫРЕВА**

А начиналась она так. В 1957 году в Туркмении, в песках под Ташаузом, был найден мальчик приблизительно пятилетнего возраста, живущий в стае волков. К сожалению, обо всех подробностях, как и при каких обстоятельствах он был найден, можно узнать только из истории больного. Теперь уж ни свидетелей, ни очевидцев не разыскать

Приговор был скоротечен: раз Маугли — значит, болвн; с диагнозом «олигофрения», предопределившим дальнейшую судьбу, мальчика поместили в психиатрическую больницу Ташауза. И началось перевоспитание. Дали имя — Джума Джумаев. Срезали мозоли с ладошек и коленок. Учили говорить, а не выть, ходить, а нв бегать на четвереньках, есть, а не лакать из чашки. К пятнадцати годам жизни Джума мог писать, читать, рассказывать, как он жил с волками. Все это есть в карте больного Джумы Джумаева.

Мвнялись больницы, палаты, нянечки, врачи... Джума провел пять лет среди волков и вще тридцать три в психушках, но так и остался Маугли. За все эти годы у него не было ни паспорта гражданина СССР, ни прописки (в больницах, как известно, не прописывают). Правда, врачи установили ему инвалидность, но пенсию он получать так и не может.

В районной психиатрической больнице Кизыл-Кая, расположенной в 300 километрах от Красноводска, на тврритории бывших урановых рудников, Джума провел несколько лет. Больница и на свгодняшний день жива, в ней находится 437 больных (если никто не умер, не убежал и, не дай бог, не привезли новых пациентов). Районных пациентов в больнице — 20 человек, остальные со всей Туркмении и дажв из других республик. Как правило, это хронически душевнобольныв люди, многие из которых не имеют близких.

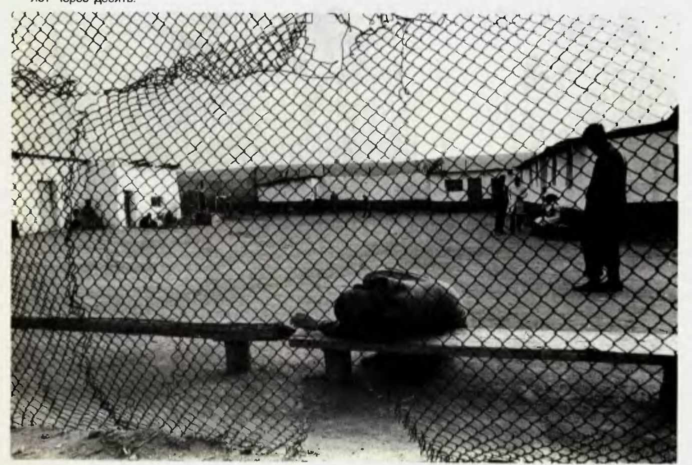

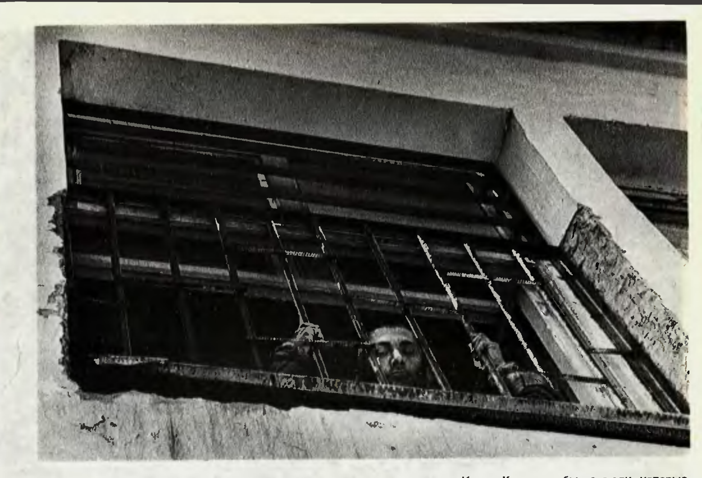
Рядом с больницей — поселок, которому не хватает воды и работы. Про расположенные рядом урановые шахты там мало кто вспоминавт. Есть проблемы и поважнее... Иногда привзжают комиссии из центра с проверками. Врач-психиатр из Москвы хотела своими глазами убедиться в наличии шахт, спустилась в одну... Третий год не встает с больничной кровати.

Новый главврач больницы Мищенко Владимир Панфилович начал службу с того, что обошел всю территорию с дозиметром... И тут же потребовал подыскивать новое помещение для своих больных. Предлагали... несколько бывших тюрем на выбор. Наконец, остановились на военном городке, где раньше находился дисциплинарный батальон. Все же к городу поближе, да и с водой полегче. Но эти мечты смогут осуществиться лет через десять.

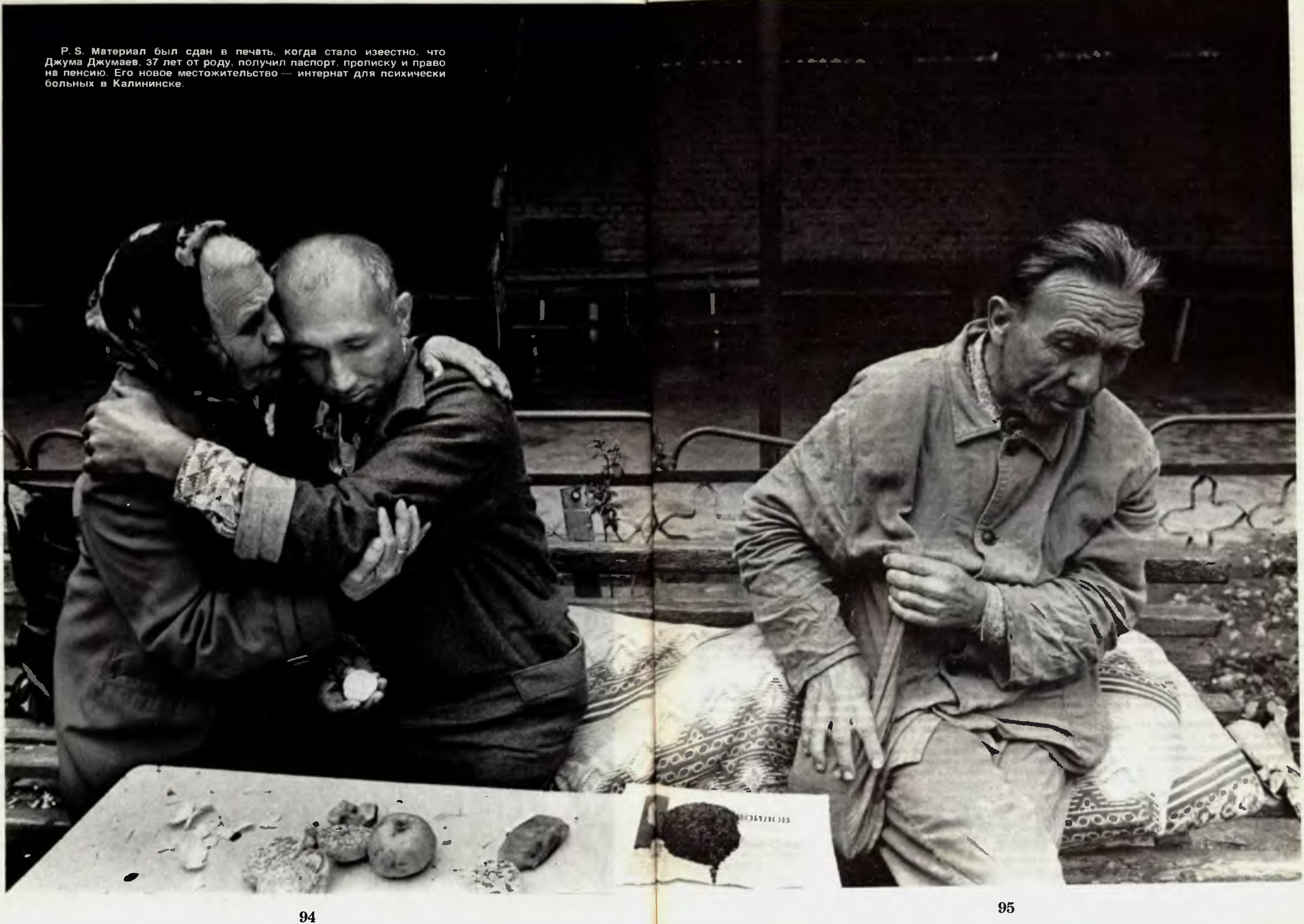

Может быть, Джума так и остался бы здесь, у урановых рудников в Кизыл-Кае, если бы не люди, которые захотели помочь ему.

Я встретился с Джумой в Ашхабадской городской психиатрической больнице. Заведующий отделением Роберт Анатольевич Бердыев хоть и не верит в феномен Маугли, верит в человечность.

P. S. Материал был сдан в печать, когда стало известно, что Джума Джумаев, 37 лет от роду, получил паспорт, прописку и право на пенсию. Его новое местожительство — интернат для психически больных в Калининске.

Окончание. Начало на стр. 33.

ности. Хорошо это и для общества, потому что проведение рыночной реформы требует хирурга, а не терапевта, роль которого обычно играют «левые». Но и новые консерваторы в Восточной Европе, будучи единственной влиятельной в обществе силой, тоже вряд ли одолеют вставшие перед ними задачи. Необходим противовес. Правый авторитаризм ничуть не лучше левого. Здоровое общество должно стоять на двух ногах — на правой и левой.

Что еще можно извлечь из опыта Восточной Европы? Вывод о необходимости избегать и новых иллюзий, на сей раз связанных со слишком большим воодушевлением по поводу политического плюрализма, многопартийности. Дело в том, что в наших обществах пока нет серьезной социально-экономической основы для существования настоящих партий. Нет соответствующей дифференциации интересов, то есть того гумуса, на котором только и может произрасти действительная, а не призрачная многопартийность. Нынешняя партийная структура и у наших соседей, и у нас возникает на хрупкой, скорее даже эмоциональной основе.

Какие же силы в этих условиях имеют больше всего шансов в борьбе за власть? Думаю, немногочисленные спаянные группировки-лобби, с одной стороны, и массовые движения типа польской «Солидарности» либо народных фронтов — с другой. В первую очередь это будет характерно для советского общества, где практически нет традиций партийного развития. «А как же КПСС?» — спросите вы. Да это и не партия вовсе, а государственная, даже полувоенная, структура. Партий в истинном значении этого слова у нас не было 70 лет. Настоящие же партии возникнут вместе с рынком, не раньше.

Процессы, идущие в соседних странах, свидетельствуют и о том, что на первых порах, по-видимому, не надо переоценивать и значение парламентов, и выборных органов вообще. Их деятельность, особенно в обществе, только овладевающем азами политики, может замедлить процесс принятия решений. Собственно, это мы уже наблюдаем на примере наших Съездов народных депутатов, на сессиях Верховных и местных Советов. Так какие институты в этих условиях выходят на первый план в Восточной Европе? Правительства, исполнительная власть. Именно там концентрируются и самые популярные, и самые компетентные личности. Что же, над этим фактом нам тоже стоит поразмышлять. Хотя ясно, что выпадение правительства из-под демократического контроля тоже опасно.

5. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ XXVIII СЪЕЗДА КПСС

Собственно, сам съезд — уже история, и он позволил поставить все точки над «i», преодолеть иллюзии у тех, у кого они еще оставались.

Разрешил ли XXVIII съезд КПСС какую-либо важную для страны проблему? Предложил ли выход из углубляющегося в обществе хаоса? Создал ли новую, пользующуюся доверием масс партию? Нет, нет и нет. На съезде и речи не было обо всем этом. Одна лишь идея волновала большинство присутствовавших — как удержать власть любыми средствами и как забрать власть там, где ее упустили. И это в момент национальной катастрофы, которую переживает общество!

Оторопь брала от шаманских заклинаний: «консолидация», «социалистический выбор», «классовые интересы», «авангардная партия», «не уйдем из армии», «останемся на предприятиях». Неужели то, что случилось с Живковым, Хонеккером, Якешем, Чаушеску, для наших лидеров не урок? Хотя постойте. Быть может, страх перед таким концом и заставляет отечественных живковых бороться за свою власть до последнего?

И какая почти патологическая ненависть не только к левым радикалам, но и к умеренным! Могу себе представить, что ощущали, выходя один на один с такой аудиторией, Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе. А захлопывание Прокофьева, Лучинского... Да, сомнений не остается: либерализации КПСС не получилось. После съезда мы имеем не просто консервативную, но явно необсталинистскую партию. Сегодня окончательно ясно, что данную партийную структуру реформировать нельзя. Значит, то, что произошло с компартиями и в западных, и в восточноевропейских странах, не нелепая случайность, а закономерность истории.

Но вот что действительно грустно, так это то, что Горбачев и его сподвижники остались в этой партии. Хотя по выступлениям Президента можно догадаться, что он хорошо осознает, с какими ископаемыми имеет дело. И тем не менее эти люди остались под одной крышей. Может быть, Горбачев надеется, что ему все же удастся повести КПСС за собой, нейтрализовать сталинистов? Драматическая ситуация для лидера страны. А ведь высвобождение Президента от партийных привязанностей позволило бы ему эффективнее играть роль арбитра в условиях множащихся столкновений различных сил, быть более непредвзятым.

Думаю, что мы приближаемся к моменту разрешения кризиса власти. И общество находится накануне... Но вот накануне чего? Разрешение кризиса может быть самым разным. Скорее всего неосталинисты продолжат свое наступление, возможно, уже завтра пойдут ва-банк. Но не менее опасно и продолжение нынешней стагнации. Поэтому судьба советских реформ сейчас зависит от того, успеют ли объединиться демократические силы. Вряд ли они смогут за короткое время создать сильную партию. Выход видится в другом. И здесь опять стоило бы взглянуть на Восточную Европу. Там в борьбе против партийно-этатистской системы наиболее эффективными оказались массовые движения. Это не только польская «Солидарность», но и «Гражданский форум» в Чехословакии, Союз демократических сил в Болгарии. Да и в ГДР все началось с аналогичного движения. Такая же задача стоит сегодня и в СССР — создать Фронт общественного спасения или Союз демократических сил. Дело не в названии, а в сущности. Речь идет о том, чтобы перед лицом усиливающейся правой угрозы объединить всех — демократов-интеллигентов, рабочее движение, национально-патриотические силы. Хорошо, если бы удалось привлечь на свою сторону умеренную часть партии во главе с Горбачевым. За них надо бороться.

Большинство стран Восточной Европы выбор уже сделали: отбросили коммунистическую, да и социалистическую альтернативу и поставили задачу вернуться в Европу. У нас еще витает идея строительства демократического социализма. Предполагается, правда, включение в нашу систему рыночных отношений, политического плюрализма, механизма сдержек и противовесов, гарантий прав и свобод гражданина, то есть институтов, разработанных в западном обществе. Но тогда почему речь идет о демократическом социализме, а не о «социалистическом капитализме»? А куда отнести многие западные страны, которые по целому ряду критериев выглядят гораздо социалистичнее нас? Думаю, что не только наше собственное развитие, но и весь мировой опыт позволяют сделать вывод, что биполярное видение мира, деление его на социализм и капитализм себя давно исчерпало. И не потому, что обе системы взаимопроникаемы. Конвергенции между ними быть не может хотя бы потому, что из той системы, которую мы назвали «реальным социализмом», взять нечего. А возможно ли вообще строительство действительно демократического и экономически эффективного общества на основе лишь социалистических идей? Мы пытались делать это 70 лет, и уже ясно, к чему пришли. Неужели у общества хватит сил на новый эксперимент, теперь уже под названием «демократический социализм»?

Конечно, все это не означает краха социалистической идеи вообще. Она будет существовать, но только как система ориентиров, определенных ценностей или идеалов, наконец, как политическое движение, но одно из многих и, конечно, не доминирующее. И не как осязаемая общественная конструкция.

Короче: наше нынешнее спасение в скорейшем избавлении от «священных коров», так рьяно оберегаемых сталинистами, и в возврате на тот путь, по которому идет все человечество.

Сдано в набор 07.06.90. Подписано к печати 06.08.90. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 450 000 экз. Заказ № 2431. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Всерьез и надолго

Творческая мастерская «Оскорд» по разработке программных средств — первая в стране организация по созданию компьютерных версий психологических тестов и разработке компьютерных методов исследования психики человека.

Большинство методик, предлагаемых творческой мастерской, прошли аттестацию экспертного совета одной из секций Общества психологов Академии наук СССР.

Председатель «Оскорда» Борис Перов (на снимке справа), психолог Владимир Куранов (слева) и редакция «Пионерской правды» в 1988 году провели исследование творческого потенциала детей и получили... 324 577 писем с заполненными бланками тестов.

Успех исследования едва не явился катастрофой для бюджета новорожденного «Оскорда». Расходы на обработку и рассылку результатов тестирования съели прибыль, полученную в течение года...

Однако рост спроса на компьютерные психологические методики в следующем году, поддержанный молчаливым соглашением пользователей о принятии компьютеров IBM PC в качестве стандарта, принес солидную выручку практичным психологам из «Оскорда».

Особой популярностью пользовались ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОРИГИНАЛЬНЫЕ МЕТОДИКИ, АДАПТИРОВАННЫЕ ИЛИ РАЗРАБОТАННЫЕ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ИВМ PC:

КЕЛЛИ — инструментальная психодиагностическая система, предназначенная для индивидуально ориентированной психодиагностики и реконструкции субъективных представлений (В. Похилько, Н. Страхов, 1989);

БИОГРАФ — метод изучения и прогнозирования жизненного пути личности на основе каузограмм (А. Кроник, А. Пажитнов, 1988);

ТПМ — тест пространственного мышления, позволяющий определить способности к оперированию формой, величиной и пространственными соотношениями (И. Якиманская, В. Зархин, Х.-М. Кадаяс, 1989);

ТСТ — тест структуры темперамента (В. Русалов, 1988);

РЕДАКТОР ТЕКСТА — для работы с научными текстами, предполагающей использование большого количества специальных символов и одновременное представление на экране нескольких текстов (И. Гуров, 1988).

«Оскорд» предлагает также компьютерные версии известных зарубежных тестов: MMPI, 16-PF (версии А и В), CPI, IST-70 (тест Р. Амтхауэра), различные модификации теста Струпа, тест Сонди (три модификации), тест Т. Лири, методику Люшера (две модификации) и другие.

Недостаточность информации и собственно коммерческой рекламы частично компенсировалась научной и деловой добросовестностью авторов, представляющих на семинарах и конференциях методики, и популярностью авторов методик. Программа «Тетрис» Алексея Пажитнова завоевала четыре первых премии в США в 1989 году как лучший программный продукт года, как лучшая игровая программа, как обучающая программа, и принесла автору несколько десятков рублей, а «Элоргу», продавшему программу за рубеж,— миллионы долларов (по зарубежным источникам).

«Оскорд» самостоятельно осуществляет экспортно-импортные операции по программным средствам и вычислительной технике, являясь участником внешнеэкономической деятельности.

Оснащение проблемно-ориентированного комплекса компьютером IBM PC AT, множительной техникой и телефаксами производится как за наличный расчет, так и по безналичной оплате. Стоимость комплекса на базе IBM AT — от 43 до 52 тыс. рублей.

**Адрес для телеграмм:
МОСКВА, Ж-88, «ОСКОРД».
Телефоны для справок:
469-23-80 275-57-89.
Телефакс: 2755849.**